

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

Кожемяк Никита Сергеевич

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
МУСУЛЬМАНСКИХ ОБЩИН СИРИИ В 1970-2010 ГГ.**

Специальность – **07.00.03** – Всеобщая история (Новая и новейшая история)

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор, профессор РАН
Сапронова М.А.

Москва – 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. МЕСТО И РОЛЬ АЛАВИТСКОЙ ОБЩИНЫ В ЭКОНОМИКЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ	18
§1. Место алавитов в сирийском обществе (исторический обзор)	18
§2. Уровень благосостояния общины по основным социально-экономическим показателям	22
2.1 Потребительские расходы населения в алавитских провинциях	22
2.2 Показатели бедности в алавитских провинциях	25
2.3. Здравоохранение и образование	28
2.4 Факторы роста экономики алавитских провинций	34
§3. Политический статус алавитов	45
3.1. Гражданское правительство в политической системе Сирии. Роль алавитов в правительстве	45
3.2. БААС – опора политического режима. Партийная деятельность алавитов	51
3.3. Алавиты и силовые структуры	58
§4. Трансформация алавитской общины в контексте политики «новой сирийской идентичности»	70
ГЛАВА 2. СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ СУННИТСКОЙ ОБЩИНЫ: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТАТУС, ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ВЛАСТЬЮ	77
§1. Сунниты как традиционная элита Сирии	77
§2. Сельское суннитское население: динамика отношений с властью	79
2.1. Экономическая поддержка сельских районов при Х. Асаде и Б. Асаде	79
2.2. Политические позиции сельского суннитского населения	88
§3. Средние и бедные суннитские городские слои как маргинализированная группа сирийского населения	98
3.1. Показатели социально-экономического развития суннитских городов	98
3.2. Городское суннитское население как главная база оппозиции	108
§4. Суннитская торгово-промышленная элита Сирии и её союз с властью	119
4.1. Правительственные меры по улучшению положения сирийского бизнес-сообщества	119

4.2. Политические позиции суннитской торгово-промышленной элиты при Х. Асаде и Б. Асаде	127
ГЛАВА 3. ДРУЗЫ СИРИИ КАК ОБЪЕКТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПО РАЗРУШЕНИЮ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	134
§1. Друзская община в истории Сирии	134
§2. Экономика друзского региона: миграция и модернизация	137
§3. Борьба баасистов с друзским коммунализмом	149
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	161
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	166

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования.

Конфессиональный аспект является ключевым для понимания внутривосточного развития некоторых государств Ближнего Востока. Гетерогенные мусульманские общины, а также религиозные меньшинства на протяжении столетий являлись важными акторами исторических процессов, протекавших в регионе. В условиях слабости и быстрой сменяемости государственных институтов принадлежность к определённой конфессиональной общине выступала главным маркером идентичности населения. В Сирии процессы нациестроительства оказались связаны с этноконфессиональной идентичностью даже больше, чем во многих других государствах региона. Будучи созданной после Первой мировой войны французскими колонизаторами, страна представляла собой конгломерат различных, зачастую враждебных друг другу, общин, племён и сообществ. В конфессиональном плане сирийское общество делилось на такие общины, как мусульмане-сунниты, христиане различных деноминаций, мусульманские неортодоксальные секты – алавиты и друзы, а также ряд более мелких, составляющих в сумме 1-2% всего населения, конфессий (исмаилиты, шииты-двунадесятники, езиды и другие). При этом наиболее значимую роль в истории независимого сирийского государства суждено было сыграть трём мусульманским общинам – суннитской, алавитской и друзской. Выходцы из этих конфессий, на которые в сумме приходилось до 90% сирийского населения, наиболее активно участвовали в борьбе за власть в стране, а также составляли наиболее заметную часть политической и экономической элиты Сирии во вторую половину XX века. Если в первый период независимости (1940-е – 1950-е гг.) элита сирийского общества практически полностью состояла из суннитов, то в 1960-е гг. с приходом баасистского режима у рычагов власти оказались выходцы из конфессиональных меньшинств, главным образом, алавиты и друзы. В 1970 г. в стране установилось единоличное правление Х. Асада, выходца из алавитской

общины. Режим Х. Асада и его сына Б. Асада проявил необыкновенную для Сирии устойчивость, продолжая править страной, вопреки внутренним и внешним проблемам, с 1970 по 2010 гг.

Однако начавшаяся в стране в 2011 г. гражданская война быстро приобрела коммуналистский характер. В то время, как абсолютное большинство членов антиасадовской оппозиции составляли арабы-сунниты, конфессиональные меньшинства в целом сохранили лояльность действующему президенту страны. На поверхность всплыли старые межконфессиональные проблемы, а правящий режим стал объектом обвинений в продвижении интересов исключительно алавистской общины, опоре только на конфессиональные меньшинства, а также дискриминации суннитского большинства. Анализ социально-экономического развития трёх главных компонентов мусульманского населения Сирии, их политических и культурных трансформаций и взаимоотношений с властью позволяет ответить на вопрос о справедливости суждений о «коммуналистской природе» асадовского режима, пролить свет на причины разделения сирийского общества с началом гражданской войны, а также выяснить особенности сосуществования сирийцев различных конфессий в последние десятилетия и исследовать основные направления политики баасистов по созданию единой сирийской нации. Кроме того, необходимость выстраивания грамотной государственной политики по отношению к различным этноконфессиональным группам сирийского населения в послевоенном будущем предполагает изучение успехов и неудач этой политики в прошлых десятилетиях.

Степень разработанности проблемы.

Среди существующего в мировой и российской литературе большого пласта работ, посвящённых общей истории Сирии XX века, следует выделить труды

следующих учёных. Западные исследователи Ф. Хури¹, С. Лонгригг², Х. Батату³ уделяют большое внимание межконфессиональным отношениям в Сирии и взаимодействию различных этноконфессиональных общин в истории страны. Отечественные исследователи - Э.П. Пир-Будагова⁴, В.П. Юрченко⁵, И.А. Матвеев⁶, Е.М. Примаков⁷, М.С. Ходынская-Голенищева⁸ - больше концентрируются на внешней политике страны и её взаимоотношениях с ведущими глобальными и региональными игроками на международной арене. Из отечественных исследователей этноконфессиональный аспект сирийской истории освещают В.В. Наумкин⁹ и В.М. Ахмедов¹⁰.

Период правления Х. Асада и Б. Асада освещён и в работах израильских специалистов - в первую очередь, Р. Рабила¹¹ и М. Маоца¹². Логично, что в этих работах основное внимание авторов сосредоточено на внешней политике Сирии на ближневосточном направлении, внутреннее же развитие, тем более, его конфессиональный аспект выступают для неё лишь фоном. В целом израильские исследования глубоко критичны по отношению к режиму Асадов и выставляют все его аспекты, в том числе и конфессиональные, в негативном свете. Напротив,

¹ Khoury P. S. Syria and the French Mandate: The Politics of Arab Nationalism, 1920-1945. – Princeton University Press, 2014. Vol. 487. 722 pp.

² Longrigg S. H. Syria and Lebanon under French mandate. Octagon Press, Limited, 1972. 404 p.

³ Batatu H. Syria's peasantry, the descendants of its lesser rural notables, and their politics. Princeton University Press, 1999. Xviii, 413 pp.

⁴ Пир-Будагова Э. П. История Сирии, XX век // Москва: ИВ РАН. 2015. – 392 pp.

⁵ Юрченко В. П. Сирия: проблемы национальной безопасности (военная политика и военное строительство в период правления ПАСВ 1963-2004 гг.) // Москва: Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004. 246 с.

⁶ Матвеев, И. А. Национальная и общерабская слагаемые политики Сирии на Ближнем Востоке, (1946-2003). Ин-т изучения Израиля и Ближ. Востока // Москва : Ин-т изучения Израиля и Ближ. Востока. 2004. 206 с.

⁷ Примаков Е. М Конфиденциально: Ближний Восток на Сцене и за Кулисами // Москва: «Российская газета», 2012 г. 414 с.

⁸ Ходынская-Голенищева М. На правильной стороне истории. Сирийский кризис в контексте становления многополярного мироустройства //М.: Олма Медиа Групп. 2015. 400 с.

⁹ Наумкин В. В. Глубоко разделенные общества Ближнего и Среднего Востока: конфликтность, насилие, внешнее вмешательство //Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2015. – Т. 7. – №. 1. – С. 66-96.

¹⁰ Ахмедов В.М. Роль конфессионального фактора в сирийском урегулировании. Часть 3 // Институт Ближнего Востока. 10.03.2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=33188> (дата обращения: 29.11.2018)

¹¹ Rabil R.G. (2006). Syria, The United States, and the War on Terror in the Middle East. Greenwood Publishing Group. 289 pp.

¹² Maoz M., Yaniv A. Syria Under Assad (RLE Syria): Domestic Constraints and Regional Risks. Routledge, 2013. 284 pp.

работы отечественного специалиста по Сирии В.М. Ахмедова¹³ и британского исследователя П. Сила¹⁴ характеризуют правящие режимы обоих последних президентов Сирии и их стратегию на внешнем и внутреннем направлениях в более позитивных тонах.

Исследования политической элиты Сирии (в том числе и её конфессионального компонента) содержатся в исследованиях израильских учёных И. Зиссера¹⁵, Б. Рубина¹⁶, Ш. Бара¹⁷ и американцев Р. Зияде¹⁸, М. Айзенштадта¹⁹. При всех достоинствах данных работ следует отметить их предвзятость по отношению к правящему сирийскому режиму и стремление представить конфессиональные отношения во власти в худшем свете. Более нейтральными и беспристрастными на их фоне выглядят отечественные работы Б.В. Долгова²⁰ и В.М. Ахмедова²¹.

Социально-экономическое развитие Сирии исследовано в работах Ф. Пертхеса²², Р. Хиннебюша²³, А. Дрисдейла²⁴, Н. Рафаэли²⁵. К сожалению, практически все данные работы рассматривают развитие сирийской экономики в

¹³ Ахмедов В.М. Сирия при Башаре Асаде. Региональный опыт модернизации в условиях внешней нестабильности. – М.: Институт Востоковедения РАН, 2005. 189 с.

¹⁴ Seale P. Asad: The struggle for the Middle East. – University of California Press, 1990. 576 pp.

¹⁵ Zisser E. Decision Making in Asad's Syria. Washington Institute for Near East Policy, 1998. VIII, 45 pp.

¹⁶ Rubin B. The truth about Syria. Macmillan, 2007. 304 pp.

¹⁷ Bar S. Bashar's Syria: The Regime and its Strategic Worldview // Comparative strategy. 2006. Vol. 25. №. 5. Pp. 353-445.

¹⁸ Ziadeh R. Power and policy in Syria: intelligence services, foreign relations and democracy in the modern Middle East. IB Tauris, 2012. 98 pp.

¹⁹ Eisenstadt M. Who Rules Syria? Bashar al-Asad and the 'Alawi 'Barons,' // Policy Watch. – 2000. – №. 472. [Electronic resource] Mode of access: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/who-rules-syria-bashar-al-asad-and-the-alawi-barons> (дата обращения: 15.06.2018)

²⁰ Долгов Б.В. Башар Асад / Политические портреты деятелей стран Ближнего и Среднего Востока (книга вторая). – М.: МГИМО, 2018. – С.60-76.

²¹ Ахмедов В. М. О роли правящих элит арабских государств в вопросах устойчивости и качества регионального политического порядка (на примере Сирии) // Политическая элита Ближнего Востока/ВМ Ахмедов. М.: ИИИиБВ. – 2000. – С. 18-25.

²² Perthes V. The political economy of Syria under Asad. – Ib Tauris, 1997. 272 pp.

²³ Hinnebusch R. et al. Agriculture and reform in Syria. – University of St Andrews Centre for Syrian Studies, 2011. IX, 114 p.

²⁴ Drysdale A. The regional equalization of health care and education in Syria since the Ba'thi revolution // International Journal of Middle East Studies. – 1981. – Vol. 13. – №. 1. – pp. 93-111.

²⁵ Raphaelli N. Syria's fragile economy // Middle East Review of International Affairs. 2007. Vol. 11. №. 2. Pp. 34-51.

целом, уделяя мало внимания региональному аспекту, столь важному для настоящего исследования.

Межконфессиональные отношения в Сирии в середине XX века и участие религиозных общин в борьбе за власть по-разному освещены в существующих книгах и статьях. Часть исследователей - Н. Ван Дам²⁶, Ф. Баланш²⁷, М. Нисан²⁸, Д. Пайпс²⁹ - абсолютизируют конфессиональный аспект, представляя его определяющим во внутрисирийской проблематике. Другой пласт работ как отечественных, так и западных специалистов - труды П. А. Рассадина³⁰, В.М. Ахмедова³¹, Дж. Лэндиса³² и Р. Хиннебюша³³ - отдаёт должное важности межконфессиональных отношений, но помещает их при этом в более широкий контекст социально-экономических, политических и международных проблем страны и региона.

История и статус алавитской общины получили определённое освещение в научной литературе в последние десятилетия. Часть существующих на данную тему работ - М. Крамер³⁴, М. Керр и К. Ларкин³⁵, Я. Фридман³⁶ - концентрируются в большей степени на анализе алавитской религии и её месте в общеисламской

²⁶ Van Dam N. The struggle for power in Syria: sectarianism, regionalism and tribalism in politics, 1961-1978. Croom Helm, 1981. 169 pp.

²⁷ Balanche F. Sectarianism in Syria's Civil War. The Washington Institute for Near East policy. 2018. 134 pp.

²⁸ Nisan M. Minorities in the Middle East: a history of struggle and self-expression. McFarland, 2015. 351 pp.

²⁹ Pipes D. The Alawi capture of power in Syria // Middle Eastern Studies. – 1989. – Vol. 25. – №. 4. – pp. 429-450.

³⁰ Рассадин, П.А. Конфессиональные меньшинства в общественно-политической жизни Сирии и Ливана : 1943-2010 гг. : диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук : 07.00.03. [Место защиты: Моск. гос. ин-т междунар. отношений]. - Москва, 2011. - 262 с.

³¹ Ахмедов В.М. Роль конфессионального фактора в сирийском урегулировании. Часть 3 // Институт Ближнего Востока. 10.03.2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=33188> (дата обращения: 29.11.2018)

³² Landis, J. Shishakli and the Druzes: Integration and Intransigence // The Syrian Land: Process of integration and fragmentation in Bilad al-Sham from the 18th to the XXth century. Stuttgart, 1998. pp. 369-395

³³ Hinnebusch R. Syria: Revolution from above. – Routledge, 2004. 195 p.

³⁴ Kramer M. Syria's Alawis and Shi'ism // Shi'ism, Resistance and Revolution. Westview Press, 1987. 352 pp.

³⁵ Kerr M., Larkin C. (ed.). The Alawis of Syria: War, faith and politics in the Levant. – Oxford University Press, 2015. 384 pp.

³⁶ Friedman Y. The Nusayri–Alawis: An Introduction to the Religion, History and Identity of the Leading Minority in Syria // Islamic History and Civilization, vol.77. Leiden: Brill, 2010. Xxii + 325 pp

цивилизации, в то время, как Дж. Аль-Тамими³⁷, Л. Голдсмит³⁸, М. Фахш³⁹ раскрывают историю алавитов в новейшее время и их место в политической структуре современной Сирии. К сожалению, большинство этих исследований демонстрирует одностороннее понимание современного статуса алавитов, продвигая тезис о них как о правящей группе населения Сирии, но не опираясь при этом на факты и статистику.

Суннитская община страны и её взаимоотношения с властями рассматриваются в трудах Х. Батату (см. выше), А. Филдиса⁴⁰, Д. Килкаллена и Н. Розенблатта⁴¹, К. Замбелиса⁴². Данная группа исследователей делает упор на социально-экономический компонент сложных взаимоотношений “алавитской” власти с суннитским большинством сирийского населения. Напротив, работы Б.В. Долгова⁴³, Р. Лефевра⁴⁴ и Т. Пьерре⁴⁵ выдвигают религиозный фактор (роль исламистских движений) в качестве важнейшего во взаимодействии суннитов страны с её правящим режимом.

Друзская община Сирии также стала объектом исследования ряда специалистов. Такие исследователи, как М. Хогсон⁴⁶ и Е.В. Супонина⁴⁷, в большей степени освещают истоки друзизма и его философию, мировоззрение друзов и их

³⁷ Al-Tamimi A. J. Looking at Alawites // *The Levantine Review*. 2012. Vol. 1. № 2. Pp. 181-199.

³⁸ Goldsmith, L. *Unearthing the Alawites: A Political Geography of the Alawite Community of Syria*. Sultan Qaboos University, 2007. 64 pp.

³⁹ Faksh M. A. The Alawi Community of Syria: A New Dominant Political Force // *Middle Eastern Studies*. – 1984. – Vol. 20. – № 2. – pp. 133-153.

⁴⁰ Fildis, A. T. Roots of Alawite-Sunni Rivalry in Syria // *Middle East Policy*. – 2012. – Vol. 19. – № 2. – Pp. 148-156.

⁴¹ Kilcullen D., Rosenblatt N. *The Rise of Syrias Urban Poor: Why the War for Syrias Future Will Be Fought Over the Countrys New Urban Villages*. – Caerus Analytics, LLC Fort Lauderdale United States, 2014.

⁴² Zambelis C. Syria's Sunnis and the Regime's Resilience // *CTC Sentinel*. 2015. Т. 8. Pp. 5-9.

⁴³ Долгов Б.В. Феномен «арабской весны» (2011-2016 гг.) : причины, развитие, перспективы. Тунис, Ливия, Египет, Сирия, Алжир. – М.: ЛЕНАНД, 2016.

⁴⁴ Lefèvre R. *Ashes of Hama: The Muslim Brotherhood in Syria*. Oxford University Press, USA. 2013

⁴⁵ Pierret T. *Religion and State in Syria: The Sunni Ulama from Coup to Revolution*. – Cambridge University Press, 2013.

⁴⁶ Hodgson M. G. S. Al-Darazi and Hamza in the Origin of the Druze Religion // *Journal of the American Oriental Society*. – 1962. – С. 5-20.

⁴⁷ Супонина Е.В. Религиозно-философская доктрина друзов : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук : 09.00.03. - Москва, 1995. - 159 с.

эзотерические верования. Р. Беттс⁴⁸, Ф. Хури⁴⁹ и К. Фирро⁵⁰ раскрывают исторические аспекты существования общины до исследуемого периода. Примечательно, что, уделяя большое внимание истории друзов в Средние века и Новое время, а также времени борьбы Сирии за независимость, релевантные исследования практически ничего не сообщают о друзьях Сирии в 1970-2010 гг. при том, что о друзьях Ливана и Израиля существует достаточно внушительный блок литературы.

Сама же тема статуса и развития конфессиональных общин Сирии в течение правления Х. Асада и Б. Асада является проработанной недостаточно в мировой и отечественной литературе. Описанные выше работы подробно рассматривают коммунизм и борьбу за власть в сирийской политике в первой половине и середине XX века, уделяя мало внимания ситуации при Хафезе и Башаре Асадах. В упомянутой литературе отсутствует анализ развития регионов проживания суннитского, алавитского и друзского населения. Данные работы рассматривают взаимоотношения власти с суннитской общиной главным образом через призму конфликта баасистов и «Братьев-мусульман» в 1970-1980-е гг. (что является лишь одним из многочисленных аспектов этих взаимоотношений). Также в них практически не рассматривается правительственная политика по отношению к алавитам и друзам.

Объект исследования – алавитская, друзская и суннитская общины населения Сирийской Арабской Республики.

Предмет исследования – социально-экономическое развитие алавитских, суннитских и друзских регионов, их политические и культурные трансформации в последние десятилетия, а также взаимодействие друг с другом.

⁴⁸ Betts R. B. The Druze. Yale University Press, 1990

⁴⁹ Khuri F. I. Being a druze. Spotlight Poets, 2004.

⁵⁰ Firro K. A History of the Druzes. – Brill, 1992. – Т. 1.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1970 по 2010 гг., что обусловлено существованием в это время в Сирии режима Х. Асада и довоенной стадии режима Б. Асада. Несмотря на ряд различий в политике этих президентов, политические режимы, созданные ими, обладали сходством в большинстве сфер. В связи с этим представляется актуальным рассматривать время их президентства как единый период. Периодически в диссертации делаются отсылки к более ранним историческим периодам, особенно этапу борьбы этноконфессиональных группировок в армии и правительстве страны в 1960-х гг., а также к более поздним событиям, включая гражданскую войну (2011 г. – н.в.) для анализа политических позиций тех или иных групп населения.

Цель исследования заключается в том, чтобы рассмотреть социально-экономическое положение трёх главных групп мусульманского населения Сирии в период 1970-2010 гг., а также проанализировать их политические позиции. Достижение данной цели предполагает решение ряда задач:

1. Изучить социально-экономическое положение регионов проживания конфессиональных групп сирийского мусульманского населения (для алавитов – провинции Латакия и Тартус, для друзов – провинцию Сувейда, для суннитов – провинции севера и востока страны (Алеппо, Идлиб, Ракка, Дейр эз-Зор, Эль-Хасеке);
2. Исследовать причины улучшения/ухудшения показателей социально-экономического развития этих провинций на предмет их зависимости от политики правительства; понять политику правительства по отношению к разным конфессиональным общинам страны (и к их стратам);
3. Рассмотреть ключевые аспекты взаимоотношений данных общин с государственной властью в Сирии в политической и культурной плоскостях – изучить политические позиции данных общин, их трансформацию под баасистским режимом;

4. Проанализировать взаимозависимость политических позиций конфессиональных общин в исследуемый период от их социально-экономического статуса;
5. Сделать вывод относительно того, какие группы мусульманского населения Сирии составляли опору политических режимов Х. Асада и Б. Асада.

Из исследования намеренно исключается курдский вопрос: будучи посвящённой *конфессиональной*, а не *этнической* проблематике, данная работа анализирует развитие и положение различных *религиозных* групп населения Сирии. Курдский вопрос, являющийся этнокультурным, не относится к конфессиональным, в связи с чем курдское мусульманское население наряду с арабским по умолчанию включается здесь в состав суннитской общины.

Методологическая и теоретическая основы диссертационного исследования.

Работа предполагает применение различных методов научного исследования: описательный, сравнительный анализ, научное обобщение, историко-системный, историко-аналитический и историко-сравнительный методы. Подобное сочетание позволило как проследить эволюции отдельных сирийских мусульманских общин на протяжении определённого исторического этапа, так и провести сравнительный анализ этих общин в некоторых вопросах.

Теоретической базой служат конструктивистские теории формирования наций таких исследователей, как Э. Хобсбаум и Э. Геллнер, рассматривающие складывание наций как процесс конвергенции гетерогенных групп, направляемый политическими институтами. Формирование политических наций из различных этнических и религиозных групп на основе общегражданской солидарности, единого правового поля и частичной общности культуры освещены в работах Г. Кона, Б. Андерсена, М. Хроха.

Научная новизна исследования.

Несмотря на большой объём отечественной литературы, затрагивающей этноконфессиональную проблематику в САР, большая её часть посвящена периоду *до* установления в стране режима Х. Асада. Вдобавок, её авторы концентрируются в значительной степени на элите страны и роли конфессиональных общин в ней, при этом, не рассматривая подробно социально-экономическое положение *большинства* этих общин. Наконец, представляя асадовский режим как «коалицию меньшинств», до сих пор специалисты по Сирии практически не изучали влияние, которое баасистская политика оказала на сами конфессиональные меньшинства Сирии. Предполагается, что данная работа положит начало заполнению указанных лакун в исторических и социально-экономических исследованиях.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

С теоретической точки зрения исследование вносит вклад в изучение моделей взаимоотношения правительства многоконфессионального государства с различными религиозными группами населения, их взаимодействия в политическом и экономическом пространстве единой страны, а также степени успешности конструирования единой нации из гетерогенных в религиозном плане групп. Учитывая поликонфессиональность многих ближневосточных государств (Сирия, Ливан, Ирак, Израиль и другие), подобные сведения о сорокалетнем баасистском опыте в создании единого сирийского общества и завоеванию лояльности его ключевых групп являются актуальными и для других стран региона. В условиях роста религиозного и этнического самосознания народов России результаты работы могут быть полезны и для отечественных органов власти и выработки национальной политики.

С практической стороны изучение социально-экономических условий существования различных групп населения Сирийской Арабской Республики является ключевым для анализа причин сирийского кризиса текущего десятилетия. Рассмотрение правительственных мер по трансформации и интеграции различных общин позволяют оценить сегодняшнее состояние суннитов, алавитов и друзов

Сирии, новое и традиционное в их менталитете, культуре и отношении к баасистской власти. Подобные знания являются необходимыми для создания толерантного и безопасного межконфессионального климата в послевоенной Сирии.

Источниковая база исследования.

Источники, используемые в работе, можно разделить на следующие блоки:

1. *Сирийские официальные документы.* В эту группу источников, прежде всего, входят данные Центрального статистического бюро Сирии, публикуемые в виде бумажных изданий⁵¹ или на официальном сайте организации⁵². Подобные материалы являются незаменимыми при рассмотрении объективных показателей социально-экономического развития регионов проживания суннитской, алавитской и друзской общин страны.
2. *Материалы Организации Объединённых Наций и её подразделений.* Подобные данные отражают взгляд международных экспертов на темпы и проблемы развития экономики, инфраструктуры и социальной сферы областей концентрации той или иной исследуемой общины. Особенно информативными стали доклады Программы развития ООН 'Poverty and Inequality in Syria (1997- 2007)'⁵³ и 'Syrian Arab Republic Third National MDGs Progress Report. United Nations Development Programme'⁵⁴
3. *Доклады независимых исследователей и неправительственных организаций.* Подобные документы содержат мнения независимых исследователей, журналистов и экономистов по вопросам взаимодействия мусульманских

⁵¹ Statistical Abstract of Syria. 1969-1970: 2nd and 23rd year. Damascus, Government Press, 1971.

⁵² Центральное бюро статистики Сирии. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.cbssyr.sy>

⁵³ Khalid Abu-Ismaïl, Ali Abdel-Gadir, Heba El-Laithy. Poverty and Inequality in Syria (1997- 2007). Arab Development Challenges Report Background Paper 2011/15. Портал Программы развития ООН. [Electronic resource] Mode of access: http://www.arabstates.undp.org/content/dam/rbas/doc/poverty/BG_15_Poverty%20and%20Inequality%20in%20Syria_FeB.pdf (дата обращения: 04.03.2018)

⁵⁴ Syrian Arab Republic Third National MDGs Progress Report. United Nations Development Programme. Портал Программы развития ООН. [Electronic resource] Mode of access: <http://www.undp.org/content/dam/rbas/report/MDGR-2010-En.pdf> (дата обращения: 04.03.2018)

общин Сирии в исследуемый период, а также экономического развития провинций страны. Так, стоит особо отметить информативность таких докладов, как “Syria: a road to economic reform” С. Сейфана⁵⁵, и “Decision making in Asad’s Syria” И. Зиссера⁵⁶.

4. *Интервью различных акторов политического пространства Сирии.* К ним относятся интервью сирийских официальных лиц, антиправительственных деятелей, боевиков оппозиции, а также прочих представителей самих изучаемых общин, в которых они высказывают мнения об этноконфессиональных отношениях или статусе отдельных общин страны.
5. *Официальные сайты государственных и общественных организаций Ближнего востока и мира.* Информативными примерами являются сайт Американского друзского общества⁵⁷ и израильского Кнессета⁵⁸.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Правящий в Сирии режим не являлся полностью “алавитским”, а представлял собой коалиционный блок, в котором, несмотря на значительную роль алавитов, исполнительная власть в большой степени концентрировалась в руках выходцев из суннитской общины;
2. В социально-экономическом плане правительство Х. Асада и Б. Асада не оказывало каких-либо исключительных преференций конфессиональным меньшинствам - алавитам и друзам. Напротив, отдельные слои суннитской общины - бизнес-элита и (за исключением последнего десятилетия) сельское суннитское население - пользовались определённой экономической поддержкой со стороны государства;

⁵⁵ Seifan S. The Road to Economic Reform in Syria // Syria Studies. 2010. Vol. 2. №. 3. P.9

⁵⁶ Zisser E. Decision Making in Asad's Syria. Washington Institute for Near East Policy, 1998

⁵⁷ Druze in America. Официальный сайт Американского друзского общества. [Electronic resource] Mode of access: <http://www.americandruze.foundation.org/about-the-druze/american-druze/> (дата обращения 03.08.2018)

⁵⁸ Салех Тариф. Официальный сайт израильского Кнессета. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.knesset.gov.il/mk/eng/mk_eng.asp?mk_individual_id_t=59 (дата обращения: 12.12.2018)

3. Власть Х. Асада и Б. Асада пользовалась поддержкой как алавитов, так и значительных слоёв суннитской общины, а также (в общем и целом) друзов страны. Вместе с тем, определённые слои суннитской общины (бедное население городов и городской средний класс) составляли костяк оппозиции сирийскому режиму;
4. Сирийское восстание текущего десятилетия стало возможным благодаря резкому ухудшению социально-экономического положения сельского суннитского населения, которое под влиянием неудач правительственной политики по предотвращению кризиса на селе примкнуло к городским слоям, традиционно враждебным режиму Асадов;
5. Правительство Х. Асада и Б. Асада проводило курс на интеграцию алавитов и друзов в общесирийское национальное пространство, а также стремилось положить конец алавитскому и друзскому партикуляризму и коммунализму.

Структура работы.

Первая глава настоящего исследования посвящена анализу статуса сирийских алавитов в исследуемый период. Во-первых, рассматриваются основные показатели социально-экономического развития общины в 1970-е – 2010-е гг., а также объективные и субъективные факторы, влияющие на эти показатели. Уделяется внимание вопросу целенаправленной экономической поддержки алавитов правительством или её отсутствия. Также в главе исследуется положение алавитов в правительстве и партии Баас – органах, управляющих внутренним и внешнеполитическим развитием Сирии в исследуемый период, а также в могущественных силовых структурах страны. Анализируется, насколько большой властью обладали алавитские командиры спецслужб и являлись ли они ключевым звеном в управлении САР.

Во **второй главе** исследуется положение суннитов Сирии при Х. Асаде и Б. Асаде. Ввиду большой численности суннитской общины (до 75% сирийцев) и её географической и социальной гетерогенности представляется актуальным

разделить общину на три условных группы – сельское население, средние и бедные городские слои, и суннитская бизнес-элита. Каждая из вышеуказанных общин анализируется на предмет экономического развития, поддержки правительства, а также политических позиций в вопросах лояльности/оппозиционности режимам Х. Асада и Б. Асада.

Третья глава представляет собой анализ экономических, социальных, культурных и политических трансформаций друзской общины в 1970-е - 2010-е гг. Несмотря на отсутствие аналитических работ по экономике друзской провинции Сувейда, делается попытка отразить основные черты её развития при баасистах. Особое внимание уделяется правительственной политике по отношению к друзам как к традиционно весьма замкнутой и автономной общине САР и стремлению интегрировать их в единое сирийское общество.

ГЛАВА 1. МЕСТО И РОЛЬ АЛАВИТСКОЙ ОБЩИНЫ В ЭКОНОМИКЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

§1. Место алавитов в сирийском обществе (исторический обзор)

Алавитская община Сирии представляет собой одно из наименее изученных этноконфессиональных меньшинств Ближневосточного региона и, возможно, мира. Вероучение алавитов сложилось в IX-X в. н.э. под влиянием шиитской теологии и гностических верований Ближнего Востока. Основатели доктрины Мухаммад Ибн Нусайр и Абу Абдаллах аль-Хасиб, проживавшие на территории современного Ирака, являлись представителями крайних шиитских кругов («гулат»), разошедшихся во взглядах на почитание зятя Пророка Мухаммада Али ибн Аби Талиба и другие основы ислама не только с ортодоксальными богословами, но и с более умеренными шиитами различного толка⁵⁹. В 1032 г. аль-Табарани, внук и ученик аль-Хасиб, переехал в Латакию - западную прибрежную область современной Сирии, где обратил в новую веру местное население, получившее по имени Мухаммада Ибн Нусайра название «нусайритов» (лишь позже сменившееся на «алавитов» по имени Али)⁶⁰.

Хотя приверженцев алавизма относят к крайним шиитам и, в целом, включают их в лоно мусульманской религии, часть их верований чрезвычайно сильно отклоняется от ислама даже в широком понимании. Сутью алавитского учения, насколько известно внешним исследователям, является почитание Божественной триады: Али ибн Аби Талиб, зять Пророка Мухаммада, считается ими воплощением Аллаха на Земле (от его имени происходит само название «алавиты»), сам Пророк же почитается как внешний «покров», «хиджаб», а Салман

⁵⁹ Kerr M., Larkin C. (ed.). *The Alawis of Syria: War, faith and politics in the Levant*. – Oxford University Press, 2015. Pp. 27-49

⁶⁰ Goldsmith, L. *Unearthing the Alawites: A Political Geography of the Alawite Community of Syria*. Sultan Qaboos University, 2007. Pp. 14-15

аль-Фариси – один из первых его сподвижников – называется «вратами» религии⁶¹. По неподтверждённым сведениям, главной книгой алавитов является «Китаб аль-маджму'», представляющая собой сборник священных текстов, обожествляющих Али⁶². Другой особенностью алавизма является вера в реинкарнацию: в отличие от большинства исламских направлений, данная доктрина не проповедует немедленного Страшного суда после смерти, а убеждает в семи перерождениях души, после которых благочестивые алавиты возвращаются на небо к звёздам, в которых изначально пребывали их души. Важной характеристикой алавизма также является сокрытие основ веры не только от посторонних, но и от большинства простых верующих: в то время, как избранная небольшая группа религиозных шейхов, прошедших многочисленные ступени инициации, оказывается посвящённой в основы и глубинные смыслы учения, основная масса алавитов имеет лишь базовые, начальные понятия о собственной религии и не допускается религиозной верхушкой до священных тайн⁶³. Наконец, доктрина отличается от традиционного ислама и в обрядовой части: обращаясь к мистицизму, она почти не отдаёт должное внешним проявлениям набожности⁶⁴. Так, исторически у алавитов практически отсутствуют мечети, а самим им разрешается употребление алкоголя; пост не является обязательным послушанием, а женщины в основном не носят хиджаб.

Скрытый характер вероучения алавитов, их мистицизм и отличие от других мусульман в обрядах привели к тому, что община имела сложные взаимоотношения с суннитским большинством населения региона. Начиная с раннего Средневековья алавиты рассматривались как еретики и многобожники, искажившие суть ислама. Широко известны антиалавитские фетвы суннитских

⁶¹ Kramer M. Syria's Alawis and Shi'ism // Shi'ism, Resistance and Revolution. Westview Press, 1987. P. 190

⁶² Friedman Y. The Nusayri-Alawis: An Introduction to the Religion, History and Identity of the Leading Minority in Syria // Islamic History and Civilization, vol. 77. Leiden: Brill, 2010. Pp. 295-299.

⁶³ Meri J. Routledge Revivals: Medieval Islamic Civilization (2006): An Encyclopedia-Volume I. – Routledge, 2018. P. 569

⁶⁴ Kramer M. Syria's Alawis and Shi'ism // Shi'ism, Resistance and Revolution. Westview Press, 1987. Pp. 190-191.

религиозных деятелей, в частности, крупнейшего средневекового богослова Ибн Таймийи, в которых он называет их «более неверными, чем иудеи и христиане», и утверждает, что вред, который они причинили исламу, не сравним ни с чем другим⁶⁵. Считаясь еретической сектой, алавиты были объектом преследования со стороны властей. Мамлюкские султаны в XIII-XIV вв. пытались проводить политику исламизации алавитов, визуальным проявлением чего стало строительство в их районах мечетей⁶⁶. В османский период община замкнуто проживала в горах, пользуясь внутренней автономией от внешних властей и существуя за счёт сельского хозяйства и животноводства. Община делилась на четыре основных племени, каждое из которых представляло собой объединение более мелких родов. Племенные шейхи пользовались всей полнотой внутренней власти. К XIX - XX вв. в общине был очень уровень бедности: многие алавиты вынуждены были работать на плантациях суннитских и христианских землевладельцев на прибрежных равнинах. Была широко распространена практика отправки дочерей в городские дома Латакии в качестве прислуги⁶⁷. Тем не менее, конфессиональная замкнутость, компактное проживание в собственных районах, отличающиеся судебная система и общественное устройство препятствовали интеграции алавитов в единое культурное и экономическое пространство будущей сирийской нации.

Масштабные трансформации затронули статус общины лишь в XX в. С установлением французского мандата в 1920 г. новые власти взяли курс на дробление Сирии по этноконфессиональному принципу, стремясь противопоставить сепаратизм меньшинств набирающему силу арабскому национализму и стремлению к независимости. В 1920 г. на территории Латакии под

⁶⁵ Talhamy Y. The Fatwas and the Nusayri/Alawis of Syria // Middle Eastern Studies. – 2010. – Vol. 46. – № 2. – Pp. 175-194.

⁶⁶ Seale P. Asad: The struggle for the Middle East. – University of California Press, 1990. P. 10

⁶⁷ Faksh M. A. The Alawi Community of Syria: A New Dominant Political Force // Middle Eastern Studies. – 1984. – Vol. 20. – № 2. – p. 133

французским надзором было создано Государство алавитов, просуществовавшее до 1936 г., когда оно было включено в состав единой Сирии⁶⁸. Несмотря на то, что многие алавиты выступали за сохранение собственной автономии, часть общины в первую половину XX в. приняла популярные доктрины арабского национализма, который давал им возможность утвердиться в качестве полноправных членов новой нации на основе их культурной и языковой самоидентификации как «арабов», несмотря на религиозные различия. Такие алавитские деятели, как Вахиб аль-Ганим и Заки аль-Арсузи сыграли важную роль в становлении арабского национализма⁶⁹. Особенно активно новую доктрину принимала алавитская молодёжь, массово мигрировавшая в этот период в города (главным образом, в саму Латакию) в целях получения образования. Роль алавитов изначально была заметна в главной партии арабского национализма Баас, которая, возникнув в 1947 г., в 1963 г. пришла к власти в Сирии. Другим «социальным лифтом» для общины стали вооружённые силы: стремясь заручиться поддержкой меньшинств, французы в мандатный период при формировании «специальных войск» отдавали предпочтение рекрутированию не представителей арабо-суннитского большинства, а выходцев из неортодоксальных исламских сект – алавитов, друзов и исмаилитов⁷⁰. После упразднения мандата эти войска стали основой молодой национальной армии. В результате к 1955 г. ок. 65% младшего офицерского состава сирийской армии было представлено алавитами⁷¹. По мере того, как суннитское среднее и высшее офицерство становилось жертвами переворотов и чисток, алавиты занимали всё больше важных офицерских постов.

⁶⁸ Khoury P. S. Syria and the French Mandate: The Politics of Arab Nationalism, 1920-1945. – Princeton University Press, 2014. Vol. 487. – pp. 58-60

⁶⁹ Trivedi, D. Primer on the Alawites in Syria // Foreign Policy Research Institute. 01.12.2016. [Electronic resource]. Mode of access: <https://www.fpri.org/article/2016/12/primer-alawites-syria/> (дата обращения: 19.10.2018)

⁷⁰ Pipes D. The Alawi capture of power in Syria // Middle Eastern Studies. – 1989. – Vol. 25. – №. 4. – p. 438

⁷¹ Trivedi, D. Primer on the Alawites in Syria // Foreign Policy Research Institute. 01.12.2016. [Electronic resource]. Mode of access: <https://www.fpri.org/article/2016/12/primer-alawites-syria/> (дата обращения: 19.10.2018)

В 1960-е гг. с приходом к власти партии Баас и повышением роли армии во внутренней политике алавиты, занявшие к этому времени прочные позиции в обоих этих институтах, впервые в сирийской истории оказались приближены к власти. В результате переворота 1966 г. выходцы из общины – Салах Джадид и Хафез Асад – стали фактическими руководителями государства⁷². После же отстранения от власти С. Джадида в 1970 г. алавит Х. Асад стал главой сирийского государства на последующие три десятилетия.

§2. Уровень благосостояния общины по основным социально-экономическим показателям

Анализ уровня социально-экономического развития алавитов Сирии опирается на данные по провинциям Латакия и Тартус (в ряде исследований объединяемых в «Прибрежный регион»), в которых представители общины составляли большинство населения. Статистика по этим провинциям позволяет оценить уровень благосостояния общины (прежде всего, по таким показателям, как уровень доходов и трат населения, уровень бедности, данные по образованию и здравоохранению) относительно других конфессиональных групп населения.

2.1 Потребительские расходы населения в алавитских провинциях

Важнейшим показателем социально-экономического положения алавитских провинций Сирии в исследуемый период является статистика по потребительским расходам населения, представленная в Таблице 1. Она обнаруживает, что к концу правления Хафеза Асада Прибрежный регион Сирии превосходил все остальные по ежемесячным расходам жителей. Если в преимущественно суннитских Центральном и Восточном регионах ежемесячные потребительские траты домохозяйств не достигали и 3 тысяч сирийских лир, а в Южном (столичном)

⁷² Faksh M. A. The Alawi Community of Syria: A New Dominant Political Force // Middle Eastern Studies. – 1984. – Vol. 20. – №. 2. – p. 144

регионе данный показатель находился на уровне примерно 3.5 тысячи с.л., то в Латакии и Тартусе эти расходы составляли более 3.8 тысячи с.л. на домохозяйство. К середине президентства Башара Асада (2004 г.) Латакия и Тартус незначительно уступили по этому показателю Южному региону, однако к 2007 г. алавитские провинции вновь стали лидерами по потребительским расходам (4001 с.л. в месяц), что особенно выделялось на фоне резкого падения данного показателя в южных (3570 с.л.), центральных (3202 с.л.) и северо-восточных (2632 с.л.) провинциях страны.

Таким образом, на протяжении как 1990-х, так и 2000-х гг. жители алавитских провинций Сирии - Латакии и Тартуса - имели возможность тратить на личные нужды существенно бóльшие финансовые средства, чем население других регионов страны.

Таблица 1. Средние ежемесячные расходы домохозяйств в регионах Сирии в различные годы (в с.л. в ценах 2004 г.)⁷³.

Регион	1996 г.	2004 г.	2007 г.
Прибрежный (Латакия, Тартус)	3862	4031	4001
Южный (Дамаск, Риф Дамаск, Сувейда, Кунейтра, Деръа)	3533	4140	3570
Центральный (Хомс, Хама)	2858	3527	3202
Северо-восточный (Идлиб, Алеппо, Ракка, Эль-Хасеке, Дейр эз-Зор)	2917	3126	2632

⁷³ Khalid Abu-Ismael, Ali Abdel-Gadir, Heba El-Laithy. Poverty and Inequality in Syria (1997- 2007). Arab Development Challenges Report Background Paper 2011/15. Портал Программы развития ООН. [Electronic resource] Mode of access: http://www.arabstates.undp.org/content/dam/rbas/doc/poverty/BG_15_Poverty%20and%20Inequality%20in%20Syria_FeB.pdf (дата обращения: 04.03.2018), р. 9.

Важным показателем благосостояния являются также «расходы на развлечения» (англ. expenditure on entertainment services), которые, не относясь к разряду жизненно необходимых, позволяют выяснить, сколько население может позволить себе тратить на культурную жизнь, отдых и хобби. К концу первого десятилетия XXI в., по итогам периода нахождения у власти семьи Асадов, Латакия занимала по данному показателю второе место по стране после Дамаска (Таблица 2). Что касается Тартуса, второй алавитской провинции, то он в общем списке занимал четвёртое место после столичного региона (Дамаск и Риф Дамаск) и Латакии, превосходя по расходам на развлечения все остальные провинции страны. Таким образом, алавитский регион не только занимал лидирующее положение в стране по общему уровню потребительских расходов, но и лишь незначительно отставал от столичного региона в «расходах на развлечения», что свидетельствует о высоком материальном положении этих областей по сравнению с неалавитскими провинциями (о причинах высокого материального уровня алавитских провинций см. далее).

Таблица 2. «Расходы на развлечения» по провинциям Сирии в 2009 г.⁷⁴:

Провинция	Ежемесячные расходы домохозяйств на развлечения (с.л.) в 2009 г.
Дамаск	435
Алеппо	250
Риф Дамаск	405
Хомс	259

⁷⁴ Average of household monthly expenditure on entertainment services groups by governorates, urban & rural / 2009. Syrian bureau of statistics. [Electronic resource] Mode of access: <http://www.cbssyr.sy/family/family2009/Family15A-2009.htm> (дата обращения: 15.05.2018)

Хама	211
Латакия	417
Идлиб	316
Эль-Хасеке	200
Дейр эз-Зор	91
Тартус	325
Ракка	241
Дера	255
Сувейда	284
Кунейтра	371 (ввиду незаселённости провинции данные представляются недостоверными)
Сирия в целом	296

2.2 Показатели бедности в алавитских провинциях

Уровень бедности в Прибрежном регионе, большинство населения которого, как было указано выше, составляли алавиты, в исследуемый период был практически по всем показателям самым низким по стране. Так, к концу правления Х. Асада (1997 г.) в сельских районах Латакии и Тартуса лишь 9,5% жителей проживало за чертой бедности (Таблица 4), что было ниже общенационального уровня более, чем в полтора раза. При этом в суннитских провинциях Центра и Северо-востока страны к разряду бедных относилось соответственно 22,6% и 15,2% сельского населения. Что касается уровня бедности в городах, то в этот год в Прибрежном регионе он составлял 11,3%. Этот уровень был опять же ниже, чем

в северо-восточных (13.9%) и центральных (14.8%) провинциях, и ненамного превышал показатели южного региона (10.7%) даже учитывая тот факт, что к последнему относилась столица страны Дамаск (Таблица 3). При этом различия между алавитскими и прочими провинциями по уровню бедности были заметнее на селе, в то время, как в городах разброс был не таким большим. Интересен тот факт, что именно в сельской местности Латакии и Тартуса алавиты составляли абсолютное большинство, тогда как в городах данных провинций население было смешанным. Таким образом, к концу третьего десятилетия существования режима Х. Асада регион традиционного проживания алавитской общины демонстрировал самый низкий показатель уровня бедности по стране в сельской местности и предпоследний в городской (благодаря наличию в группе южных провинций Дамаска).

В период президентства Б. Асада, несмотря на определённые колебания и негативные тенденции, ситуация осталась благоприятной для алавитских провинций. К 2004 г. сельские районы Латакии и Тартуса по-прежнему были на последнем месте по стране по уровню бедности, однако разрыв между ними и другими регионами стал меньше. Так, если в сельской местности Центрального и Южного регионов страны процент бедных людей сократился в 1.5-2 раза до уровня 11,1% и 10.7%, то в Прибрежном регионе он несколько вырос, составив 9.7%. Таким образом, алавитские районы практически сравнялись с прочими (за исключением северо-востока страны) по уровню бедности на селе. К 2007 г., впрочем, алавитские провинции вновь оторвались от других: Прибрежный регион наряду с Центральным имел 9.1% людей за чертой бедности на селе по сравнению с 12,8% и 19,7% в Южном и Северо-восточном соответственно.

Показатели бедности в городах при Б. Асаде также свидетельствуют о благополучном положении алавитских провинций. Несмотря на то, что в 2004 г. уровень городской бедности в Латакии и Тартусе временно поднялся, к 2007 г. он

стал самым низким по стране (5,6%), уступая Южному (10,6%) и Северо-восточному (10,8%) регионам практически вдвое.

Подобная статистика даёт основания заключить, что в исследуемый период алавитские провинции Сирии демонстрировали самый низкий уровень бедности относительно других регионов страны. Прибрежный регион (Латакия и Тартус) находился на предпоследнем (при Х. Асаде) и последнем (при Б. Асаде) местах по уровню бедности в городах. По уровню же бедности в сельской местности алавитский регион перманентно занимал последнее место по стране, хотя разрыв между ним и прочими частями Сирии и сократился в период правления Б. Асада⁷⁵.

Таблица 3. Процент городского населения за чертой бедности в регионах Сирии⁷⁶.

Регион	1997 г.	2004 г.	2007 г.
Прибрежный	11.3	9,3	5,6
Южный	10.7	5,8	10,6
Центральный	14.8	9	7,8
Северо-восточный	13.9	11,2	10,8
В целом по стране	12,6	8,7	9,9

Таблица 4. Процент сельского населения за чертой бедности в регионах Сирии⁷⁷.

⁷⁵ Стоит отметить, что в Дамаске уровень бедности был всё же ниже, чем в Латакии и Тартусе, однако его рассмотрение вместе с соседними провинциями в качестве «южного региона» нивелирует его преимущества

⁷⁶ Syrian Arab Republic Third National MDGs Progress Report. United Nations Development Programme. Портал Программы развития ООН. [Electronic resource] Mode of access: <http://www.undp.org/content/dam/rbas/report/MDGR-2010-En.pdf> (дата обращения: 04.03.2018), p. 21.

⁷⁷ Ibid.

Регион	1997 г.	2004 г.	2007 г.
Прибрежный	9,5	9,7	9,1
Южный	15,2	10,7	12,8
Центральный	22,6	11,1	9,1
Северо-восточный	15,2	17,9	19,7
В целом по стране	16	14,2	15,1

2.3. Здравоохранение и образование

В начале исследуемого периода, в 1970-х гг., Латакия (в которую входила и будущая отдельная провинция Тартус) по важнейшему показателю системы здравоохранения — обеспечению населения больничными местами - не выделялась на фоне остальных провинций. Если в добаасистский период провинция по количеству больничных мест на человека находилась на 5 месте среди 11 регионов страны, то в 1977 г., после более, чем десяти лет правления Х. Асада и его баасистских предшественников, её положение в рейтинге не изменилось (Таблица 5).

Таблица 5. Больничные места в провинциях Сирии в начале исследуемого периода (1964-1977 гг.) из расчёта на 10 тысяч человек⁷⁸.

Провинция	1964 г.	1977 г.
Дамаск (+Риф Дамаск)	27,7	16,7
Алеппо	10,3	13
Хомс	7,7	9,6

⁷⁸ Drysdale A. The regional equalization of health care and education in Syria since the Ba'thi revolution // International Journal of Middle East Studies. – 1981. – Vol. 13. – №. 1. – P. 98.

Хама	4,5	5,5
Латакия (+Тартус)	7,2	8,7
Дейр эз-Зор	14	8,6
Идлиб	4,8	3,9
Эль-Хасеке	3,1	3
Ракка	1,9	3,8
Сувейда	3,3	11,5
Дера (+ Кунейтра)	2,9	3,8

Однако в конце 1990-х — начале 2000-х гг. ситуация была абсолютно другой. В этот период в стране наряду с государственной системой здравоохранения начинает развиваться частная. Учитывая описанный выше относительно высокий уровень достатка алавитских провинций, Латакия и Тартус становятся лидерами по числу частных клиник в стране наряду с Дамаском и Алеппо⁷⁹. В результате как после завершения правления Х. Асада (в 2002 г.), так и в конце предвоенного правления Б. Асада (в 2009 г.), Латакия и Тартус располагаются на 3 и 4 месте по количеству больничных мест на душу населения после Дамаска и Сувейды, значительно (иногда в несколько раз) опережая по этому показателю остальные провинции страны (Таблица 6).

⁷⁹ Country Profile: Syria, April 2005. Library of Congress. Сайт Библиотеки Конгресса США. [Electronic resource] Mode of access: <http://www.loc.gov/r/fd/cs/profiles/Syria.pdf> (дата обращения: 04.03.2018). Р. 8

Таблица 6. Количество человек на одно больничное место по провинциям Сирии в 2002 г. и 2011 г. и детская смертность в 2008 г.^{80,81,82}

Провинция	2002 г.	2011 г.	Детская смертность на тысячу человек в 2008 г.
Дамаск	165	359	15,39
Алеппо	522	821	15,5
Риф Дамаск	688	745	15,92
Хомс	667	683	16,93
Хама	645	829	16,12
Латакия	383	512	14,07
Идлиб	1132	1351	17,02
Эль-Хасеке	941	1105	17,73
Дейр эз-Зор	490	906	15,18
Тартус	333	609	15,36
Ракка	653	1148	16,59
Дера	612	970	17,38

⁸⁰ Distribution of hospitals, sanitariums and beds, 2006-2010 and by governorate, 2011. Syrian bureau of statistics. [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.cbssyr.sy/yearbook/2011/Data-Chapter12/TAB-4-12-2011.htm> (дата обращения: 17.09.2017)

⁸¹ Hospitals, sanatoriums & beds by Mohafazat 1997-2002. Syrian bureau of statistics. [Electronic resource] Mode of access: <http://www.cbssyr.sy/yearbook/2003/chapter%2012/tab4-%2012.htm> (дата обращения: 19.09.2018)

⁸² Syrian Arab Republic Third National MDGs Progress Report. United Nations Development Programme. Поправки Программы развития ООН. [Electronic resource] Mode of access: <http://www.undp.org/content/dam/rbas/report/MDGR-2010-En.pdf> (дата обращения: 04.03.2018), p. 39.

Сувейда	328	553	16,9
Кунейтра	-	440	17,38
Сирия	470	734	-

Таким образом, можно заключить, что в конце правления Х. Асада и в течение правления Б. Асада алавитские провинции продвинулись вперед в уровне медицины и её доступности. Это положение подтверждается и данными по детской смертности — важнейшему показателю развития системы здравоохранения в странах Третьего мира, по которому Латакия и Тартус находились на первом и третьем местах по стране в 2008 г. (см. Таблицу 6).

Показатели уровня грамотности и образования также являются одними из самых репрезентативных при рассмотрении социально-экономического положения населения. Повышение уровня образования по всей стране являлось одним из приоритетов внутренней политики партии БААС в исследуемый период, в связи с чем представляется возможным на основе статистических данных оценить ситуацию в этой сфере в различных провинциях Сирии.

Исторически повышение интереса к образованию наблюдалось в алавитской общине Сирии ещё в первую половину XX в. При отсутствии точных данных известно, что в середине XX в. алавитские семьи, в тот период преимущественно сельские, массово отправляли детей в города для получения начального образования (что видно и из личной биографии Х. Асада)⁸³. С началом масштабной урбанизации общины и массовым переселением её представителей в городские районы в исследуемый период возросла и доступность образования для алавитов. Действительно, к концу президентства Х. Асада Тартус и Латакия находились на 2

⁸³ Seale P. Asad: The struggle for the Middle East. – University of California Press, 1990. Pp. 24-25

и 3 местах по стране по уровню грамотности населения после Дамаска (Таблица 7). При том, что общенациональная доля неграмотных граждан составляла 27,4%, в упомянутых провинциях этот показатель достигал лишь 18,5% и 19,3% соответственно.

Таблица 7. Уровень неграмотности населения (старше 15 лет) в провинциях Сирии при Х. Асаде и Б. Асаде и среди молодёжи в 2004 г.⁸⁴.

Провинция	1994 г.	2006 г.	Уровень грамотности среди молодёжи в 2004 г.
Дамаск	10,7	5,9	99
Алеппо	35,6	17,4	89,6
Риф Дамаск	19,4	9,8	97,7
Хомс	21,5	9,7	96,6
Хама	25,9	13,4	95,6
Латакия	19,3	12,4	98,5
Идлиб	32,3	16,1	96,1
Эль-Хасеке	45,1	25,3	81,8
Дейр эз-Зор	45	30	78,3
Тартус	18,5	12	98,8
Ракка	47,7	28,4	78,1

⁸⁴ Второй национальный доклад по целям развития второго тысячелетия в Сирийской Арабской Республике (التقرير الوطني الثاني لأهداف التنمية للألفية في الجمهورية العربية السورية). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.arab-hdr.org/publications/other/undp/mdgr/syria-nmdgr2-05a.pdf> (дата обращения: 12.11.2018) с. 36.

Деръа	24,4	12,7	98,2
Сувейда	19,2	10,4	98,8
Кунейтра	27,4	11,8	99
Сирия	27,4	14,8	92,5

Однако в период правления Б. Асада статистика несколько изменилась. Так, по данным 2006 г. Тартус и Латакия находились уже на 6 и 7 местах по Сирии, демонстрируя, таким образом, средние показатели по стране. Если во всех прочих регионах уровень неграмотности за промежуток 1994-2006 гг. упал примерно в 2 раза, в Латакии и Тартусе показатель снизился лишь в полтора раза. Тем не менее, алавитские провинции по-прежнему превосходили по показателям грамотности важнейшие арабо-суннитские провинции — Алеппо (17,5%), Идлиб (16,1%), Дейр эз-Зор (30%), Ракка (28,4%).

Несмотря на то, что, как показано выше, в период правления Б. Асада Латакия и Тартус опустились на несколько ступенек в общенациональном рейтинге грамотности благодаря более быстрому росту показателя в других провинциях, данные регионы удерживали лидерство по грамотности среди молодёжи. В Латакии и Тартусе этот показатель был выше 98% (наравне с друзской Сувейдой и немного ниже 99% в Дамаске), что ставило обе провинции на 2 и 4 место по стране. Таким образом, несмотря на успехи правительства по борьбе с неграмотностью в прочих провинциях в целом, молодое поколение алавитских областей по-прежнему демонстрировало лидерство в данной сфере.

Исходя из приведённых выше данных, становится ясно, что в исследуемый период алавитские провинции страны развивались достаточно успешно в социально-экономическом плане: к концу президентства Х. Асада и во время президентства Б. Асада Прибрежный регион, состоящий из провинций Латакия и Тартус, демонстрировал лучшие (либо одни из лучших) показатели в таких

областях, как потребительские расходы, материальное благосостояние, уровень бедности, образование и здравоохранение. Однако для достижения целей исследования необходимо также выяснить, были ли данные успехи следствием особого преференциального отношения правительства к алавитским провинциям или же в большей степени проистекали из объективных факторов.

2.4 Факторы роста экономики алавитских провинций

Одним из главных факторов, влиявших на повышение благосостояния алавитских провинций Сирии, являлся рост экспорта и импорта страны. В период с 1970 по 2010 гг. внешнеторговый оборот Сирии вырос в несколько раз^{85,86}. По причине напряжённых отношений с соседними Ираком, Турцией и Иорданией, состояния войны с Израилем, а также вооружённого конфликта в Ливане в 1975-1990 гг. большая часть торговли проходила именно через Средиземноморское побережье страны. При этом Латакия и Тартус, единственные прибрежные провинции, являлись главными пунктами внешней торговли Сирии. С 1971 по 2008 гг. количество экспорта и импорта, проходившего через порт Латакии, увеличилось в 5 раз, дойдя с 1.6 млн тонн до 8 млн тонн товаров в год (Таблица 8). Порт в Тартусе, начавший функционирование в 1965 г., к 2008 г. пропускал 12 миллионов тонн экспорта и импорта (Таблица 9). Следовательно, в целом товарооборот через оба порта с доасадовского времени по 2008 г. увеличился примерно в 13 раз. Именно это в первую очередь дало толчок росту экономики региона, выступая локомотивом для развития инфраструктуры, перерабатывающей промышленности и сферы услуг. В 1980-е гг. государство осуществило ряд проектов, расширяющих экспортно-импортные возможности региона, например, строительство нефтеперерабатывающего завода в Баниасе и расширение порта Латакии, которые,

⁸⁵ Syria Exports. Trading Economics. [Electronic resource] Mode of access: <https://tradingeconomics.com/syria/exports> (дата обращения: 15.03.2017)

⁸⁶ Syria Trade Statistics: Annual. CEIC Data. [Electronic resource] Mode of access: <https://www.ceicdata.com/en/syria/trade-statistics-annual> (дата обращения: 15.03.2017)

по мнению экономистов, требовались в первую очередь национальной экономике в целом для ведения внешней торговли⁸⁷, так что позитивное влияние на сами Латакию и Тартус можно отнести лишь к сопутствующему эффекту.

Таблица 8. Количество экспортных и импортных товаров, проходящих через порт Латакии^{88 89 90}

Год	1971	1981	2002	2008
Товары, млн. тонн	1,6	3,6	4,5	8

Таблица 9. Количество экспортных и импортных товаров, проходящих через порт Тартуса^{91 92 93}.

Год	1965	1984	1999	2008
Товары, млн. тонн	ок. 0	8,8	4,8	12,7

⁸⁷ Perthes V. The political economy of Syria under Asad. – Ib Tauris, 1997. P. 184

⁸⁸ Port of Lattakia. World Port Source. [Electronic resource] Mode of access: http://www.worldportsource.com/ports/review/SYR_Port_of_Lattakia_2257.php (дата обращения: 09.03.2018)

⁸⁹ Goods unloaded through Lattakia port 2005 - 2009 (000.t). Syrian bureau of statistics. [Electronic resource] Mode of access: <http://www.cbssyr.sy/yearbook/2010/Data-Chapter7/TAB-14-7-2010.htm> (дата обращения: 09.03.2018)

⁹⁰ Goods loaded through Lattakia port 2005 - 2009 (000 .t). Syrian bureau of statistics. [Electronic resource] Mode of access: <http://www.cbssyr.sy/yearbook/2010/Data-Chapter7/TAB-15-7-2010.htm> (дата обращения: 09.03.2018)

⁹¹ Transportation, telecommunications, and construction. The Encyclopedia of the Nations. Syria. [Electronic resource] Mode of access: <http://www.country-data.com/cgi-bin/query/r-13540.html> (дата обращения: 10.03.2018)

⁹² Goods unloaded through Tartous port 2005-2009 (000.t). Syrian bureau of statistics. [Electronic resource] Mode of access: <http://www.cbssyr.sy/yearbook/2003/SYR2003E.htm> (дата обращения: 11.03.2018)

⁹³ Goods loaded through Tartous port, 2005-2009 (000 .t). Syrian bureau of statistics. [Electronic resource] Mode of access: <http://www.cbssyr.sy/yearbook/2010/Data-Chapter7/TAB-17-7-2010.htm> (дата обращения: 11.03.2018)

Другой причиной роста экономики алавитского региона являлось развитие туризма, который в значительной степени концентрировался в Латакии и Тартусе в силу нахождения их на средиземноморском побережье. Уже в 1980-е гг. в прибрежной зоне Латакии и Тартуса начал развиваться отельный бизнес. В 1990-е гг., с началом частичной либерализации, регион стал превращаться в курортную зону, превратив Латакию в «столицу летнего туризма» Сирии⁹⁴. По результатам президентства Х. Асада на Латакию и Тартус приходилось 18% всех функционирующих в стране отелей с 24% всех койкомест, при том, что провинцию за данный год посетили 17% всех туристов, отправившихся в Сирию (Таблица 10). В условиях, когда на Дамаск и Алеппо приходилось абсолютное большинство всех отелей, койкомест и посетителей, подобные показатели выглядят впечатляюще, учитывая то, что остальные 10 провинций страны в совокупности имели ненамного более высокие показатели по количеству отелей и койкомест, чем Латакия и Тартус, и уступали им практически в 1,5 раза по количеству туристов.

Таблица 10. Распределение отелей и туристов по провинциям Сирии в 2002 г.⁹⁵

Группа провинций	Дамаск+Алеппо	Латакия+Тартус	Риф Дамаск, Идлиб, Хама, Хомс, Ракка, Дера, Сувейда, Эль-Хасеке, Дейр эз-зор
Процент койкомест	51,00%	24,00%	25,00%
Процент отелей	56,00%	18,00%	26,00%

⁹⁴ Официальный сайт сирийской авиакомпании “Cham Wings”. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://chamwings.com/destinations/latakia/> (дата обращения: 19.03.2018)

⁹⁵ Statistical Abstract 2003. Chapter Eight: Tourism. Syrian bureau of statistics. [Electronic resource] Mode of access: <http://www.cbssyr.sy/yearbook/2003/SYR2003E.htm> (дата обращения: 19.03.2018)

Процент туристов	71,00%	17,00%	12,00%
------------------	--------	---------------	--------

В 2010 г. году на Латакию с Тартусом приходилось уже 15% отелей и 18% койкомест (Таблица 11), что явилось следствием более быстрого развития отельного бизнеса в иных провинциях в 2000-х гг. Однако по количеству туристов регион по-прежнему выделялся: его посетило 19% всех туристов, побывавших в Сирии (ср. 17% в 2002 г.). Таким образом, этот регион всего из двух алавитских провинций по-прежнему демонстрировал относительно высокие показатели по сравнению с группой из 10 провинций (Риф Дамаск, Идлиб, Хама, Хомс, Ракка, Дера, Сувейда, Эль-Хасеке, Дейр эз-Зор, Кунейтра), которые в сумме приняли у себя лишь 32% туристов.

Таблица 11. Распределение отелей и туристов по провинциям Сирии в 2010 г.⁹⁶

Группа провинций	Дамаск+Алеппо	Латакия+Тартус	Риф Дамаск, Идлиб, Хама, Хомс, Ракка, Дера, Сувейда, Эль-Хасеке, Дейр эз-зор, Кунейтра
Процент койкомест	35,00%	18,00%	47,00%
Процент отелей	45,00%	15,00%	40,00%
Процент туристов	49,00%	19,00%	32,00%

⁹⁶ Statistical Abstract 2011. Chapter Eight: Tourism. Syrian bureau of statistics. [Electronic resource] Mode of access: <http://www.cbssyr.sy/yearbook/2011/SYR-2011-EN.htm> (дата обращения: 20.03.2018)

Наконец, благосостояние сельской местности Латакии и Тартуса объясняется климатическими условиями, резко отличающимися в лучшую сторону от внутренних провинций страны. Так, доля осадков в Латакии и Тартусе как в первой части исследуемого периода (1978 г.), так и во второй части (2006 г.), превосходила все остальные регионы Сирии, включая плодородный Риф Дамаск и аграрную дружскую Сувейду (Таблица 12). Из всех регионов страны только Хама имела схожий уровень осадков. Подобный контраст делал регион наиболее благоприятным для ведения сельского хозяйства, снижал зависимость от периодической засухи, повышал урожайность и позволял выращивать более дорогостоящие культуры - оливки и фрукты - чем во внутренних районах, специализировавшихся на пшенице⁹⁷. Только в данном регионе Сирии доминировал красный средиземноморский тип почвы, отличающийся наибольшей плодородностью⁹⁸.

Таблица 12. Доля осадков в различных районах Сирии в исследуемый период⁹⁹

Провинция	1978 г.	2005 г.
Дамаск	276	213
Алеппо	326	338
Риф Дамаск	276	213
Хомс	387	389

⁹⁷ Worth, R.F. The Price of Loyalty in Syria // The New York Times. 19.06.2013 [Electronic resource] Mode of access: <https://www.nytimes.com/2013/06/23/magazine/the-price-of-loyalty-in-syria.html> (дата обращения: 21.03.2018)

⁹⁸ Ilaiwi, M. Soil Map of Arab Countries. Soil Map of Syria & Lebanon. Damascus. 1985.

⁹⁹ Average of rainfall by governorates 1970,1978-2007. Syrian bureau of statistics. [Electronic resource] Mode of access: <http://www.cbssyr.sy/Time%20Series/farm4.htm> (дата обращения: 20.03.2018)

Хама	938	779
Латакия	1199	713
Идлиб	523	461
Эль-Хасеке	442	376
Дейр эз-Зор	89	168
Тартус	1105	1037
Ракка	235	186
Дера	326	265
Сувейда	283	253
Кунейтра	-	593
Сирия	27,4	-

Подобная ситуация позволяла сельским жителям получать достаточный урожай с гораздо меньших участков, чем в прочих провинциях. Согласно данным статистического бюро Сирии, как в 1970 г., так и в 1994 г. в Латакии и Тартусе площадь среднего участка во владении семьи была наиболее незначительной по всей Сирии, уступая некоторым другим регионам в 2 раза и более¹⁰⁰. Это, в свою очередь, делало возможным наделение землёй большего числа людей. Так, при том, что в Латакии и Тартусе в 2003-2004 гг. проживало 9.8% всего населения страны, в них проживало 19% всех сирийцев, владеющих землёй¹⁰¹. Таким образом, лучший

¹⁰⁰ No. of agricultural holders and average area of holding by governorate for: 1970-1981-1994-2004 (area:000sq.m.) Syrian bureau of statistics. [Electronic resource] Mode of access: <http://www.cbssyr.sy/yearbook/2010/Data-Chapter4/TAB-5-4-2010.htm> (дата обращения: 04.04.2018)

¹⁰¹ Ibid.

климат и более плодородная земля привели к тому, что в Латакии и Тартусе крестьянство могло кормиться с небольших наделов, что предоставляло возможность наделения землёй большего числа человек.

Дискуссионным остаётся вопрос о том, являлся ли рост благосостояния алавитских провинций в исследуемый период результатом какой-либо целенаправленной политики режима Х. Асада по поддержке своих единоверцев из чувства конфессиональной солидарности. До сих пор в научной литературе отсутствует полный и детальный анализ этой проблемы. Настоящее исследование не обнаруживает каких-либо явных признаков особого покровительства Латакии и Тартусу со стороны правящего режима.

Во-первых, имеющиеся данные по инвестициям в регионы страны показывают, что Латакия и Тартус не получали преференционального финансирования со стороны государства и бизнеса. В 1990-е гг. при доле населения в 6% на Латакию, например, приходилось 3% частных и 4.2% государственных инвестиций¹⁰². При этом большинство крупных экономических проектов в Сирии в период президентства Х. Асада, подобно плотине Табака или дамбам на Евфрате, затрагивало области проживания арабо-суннитского большинства. По этим же областям пролегла и главная промышленная «ось развития» страны (линия Дамаск – Хомс – Хама – Алеппо)¹⁰³. В местах проживания алавитов же подобных мероприятий практически не проводилось, за исключением расширения порта Латакии и строительства второго порта в Тартусе в 1983 г., что, по словам специалистов, было выгодно национальной экономике в целом, так как эти порты являлись единственным для всех районов Сирии выходом к морю¹⁰⁴.

¹⁰² Perthes V. The political economy of Syria under Asad. – Ib Tauris, 1997. P. 185

¹⁰³ Ibid., p. 184

¹⁰⁴ Ibid.

Во-вторых, данные по промышленному развитию страны также не свидетельствуют о каком-либо исключительном положении Латакии и Тартуса (Таблица 13). К 2010 г., то есть после четырёх десятилетий правления семьи Асадов, в Латакии с её 4,91% от населения страны находилось 4% всех сирийских промышленных предприятий. В Тартусе, в котором проживало 3,91% всех граждан страны, располагалось 3,7% предприятий. Подобные данные аналогичны ситуации в суннитских Хаме и Хомсе и сильно уступают Дамаску, Риф Дамаск и Алеппо, в которых, при суммарной доле населения в 43,91%, было сконцентрировано 60% промышленных предприятий. Следовательно, алавитские провинции не были объектом покровительства сирийских властей в вопросах развития промышленности.

Таблица 13. Процент промышленных предприятий на территории сирийских провинций в 2010 г.¹⁰⁵

Провинция	Процент населения провинции от всего населения страны	Процент предприятий провинции от всех промышленных предприятий страны
Дамаск	8,66	12
Алеппо	22,57	30
Риф Дамаск	12,68	18
Хомс	8,53	8
Хама	7,73	7

¹⁰⁵ Total of industrial establishments numbers by governorates 2010. Syrian bureau of statistics. [Electronic resource] Mode of access: <http://www.cbssyr.sy/economy%20statistics/economic%201/2010/eco-tabC.htm> (дата обращения: 10.04.2018)

Латакия	4,91	4
Идлиб	7,02	5
Эль-Хасеке	7,12	3
Дейр эз-Зор	5,61	2
Тартус	3,91	3.7
Ракка	4,43	2
Дера	4,71	3
Сувейда	1,75	1,57
Кунейтра	0,37	0,21
Сирия	100	100

В-третьих, немаловажным является тот факт, что командные высоты в частном секторе алавитского региона, традиционно наиболее прибыльном и доходном¹⁰⁶, на протяжении всего исследуемого периода оставались в руках мусульман-суннитов и христиан. Так, известно, что лишь 19% алавитов Латакии к началу 2000-х гг. работали в частном секторе — мелком и крупном бизнесе, что является очень низким числом по сравнению с 56% суннитов и 43% христиан¹⁰⁷. При этом, по сведениям экспертов, зарплаты в государственном и муниципальном секторах сильно уступали частному сектору¹⁰⁸. Несмотря на это, не происходило никаких попыток изменить ситуацию и «алавитизировать» частный бизнес

¹⁰⁶ Пир-Будагова Э. П. История Сирии, XX век // Москва: ИВ РАН. – 2015. с. 228

¹⁰⁷ Кегг М., Ларкин С. (ed.). The Alawis of Syria: War, faith and politics in the Levant. – Oxford University Press, 2015. P. 92

¹⁰⁸ Сарабьев А. В. Вопросы межконфессиональных отношений в Сирии, которые могли бы называться новыми, если бы в самом деле таковыми являлись // Религия и общество на Востоке. – 2017. – №. 1. – С. 148

региона. Похожая ситуация наблюдалась и по всей Сирии, где среди представителей крупного частного бизнеса не отмечено сильного повышения роли алавитов за исключением ближайших родственников правящей семьи - таких, как Рифат Асад в конце XX в. и Рами Махлюф в начале XXI в. С одной стороны, состояния этих ближайших президентских родственников были огромны - Рифат Асад в зените своего могущества (1980-е гг.) назывался «богачейшим человеком Дамаска» с состоянием около 100 миллионов долларов¹⁰⁹, Рами Махлюф, владеющий Шам Холдинг (ресторанный и отельный бизнес, недвижимость, частные авиаперевозки и банковский сектор), накануне войны носил аналогичный титул с состоянием ок. 6 млрд. долл.¹¹⁰ Однако за исключением подобных приближенных к главе государства людей к концу исследуемого периода крупный бизнес Сирии оставался преимущественно суннитским¹¹¹. Кроме того, бизнес, зависимый от государственной поддержки и близких отношений с правящим режимом, также состоял, несмотря на появление некоторых «нуворишей», из традиционной суннитской финансовой элиты¹¹². Таким образом, правительство страны не только не стремилось снизить влияние суннитской буржуазии за счёт передачи позиций в бизнесе выходцам из алавитской общины, но и, напротив, выстроило с ней партнёрские отношения и упрочило её положение по сравнению с периодами ОАР и нахождения у власти левых баасистов (см. Главу 2, пар. 3). Что касается поддержки алавитов со стороны земляков, находящихся у власти, то это,

¹⁰⁹ Haddad B. A. Business networks in Syria: The political economy of authoritarian resilience. Stanford University Press, 2011. p. 251

¹¹⁰ Rami Makhlouf, de l'affairisme à l'illusionnisme // Le Monde, 28.06.2011 [Electronic resource] Mode of access: <http://syrie.blog.lemonde.fr/2011/06/28/rami-makhlouf-de-laffairisme-a-lillusionnisme/> (дата обращения: 11.12.2018)

¹¹¹ Zambelis C. Syria's Sunnis and the Regime's Resilience // CTC Sentinel. 2015. T. 8. Pp. 5-9.

¹¹² Abboud S. Syria's Business Elite: Between Political Alignment and Hedging Their Bets // Stiftung Wissenschaft und Politik, German Institute for International and Security Affairs, 2013. p. 3

как правило, имело ограниченный характер (в основном осуществлялось в рамках одной семьи или клана)¹¹³.

* * *

Таким образом, можно констатировать, что алавитские регионы страны улучшили своё социально-экономическое положение по основным индикаторам уровня жизни населения, по которым Латакия и Тартус занимали в период 1970-2010 гг. первые места (или одни из первых мест) по стране. По размерам доходов, уровню обеспеченности, образования и здравоохранения эти области Сирии превосходили абсолютное большинство прочих сирийских провинций. Это стало возможным благодаря целому ряду объективных факторов, таких, как многократное увеличение внешнеторгового оборота через порты Латакии и Тартуса, развитие туризма в данной прибрежной зоне (единственной в Сирии), а также благоприятные природно-климатические условия, способствовавшие большей продуктивности сельского хозяйства в регионе по сравнению с другими частями Сирии.

При этом вышеприведенный анализ показывает, что Латакия и Тартус не имели никаких преференций ни в финансировании, ни в размещении промышленных объектов по сравнению с другими регионами. Кроме того, алавиты, в массе своей работавшие на государственной службе, не получили широкого доступа к прибыльному частному сектору, а государство не предпринимало попыток усилить их экономические позиции в бизнесе ни в Латакии и Тартусе, ни в Дамаске. Иными словами, нет указаний на то, что правительства Хафеза Асада и Башара Асада осуществляли политику поддержки

¹¹³ Рассадин, П.А. Конфессиональные меньшинства в общественно-политической жизни Сирии и Ливана : 1943-2010 гг. : диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук : 07.00.03. [Место защиты: Моск. гос. ин-т междунар. отношений]. - Москва, 2011. – Сс. 143-144.

алавитских провинций в социально-экономической области из чувства конфессиональной солидарности.

§3. Политический статус алавитов

3.1. Гражданское правительство в политической системе Сирии. Роль алавитов в правительстве

Несмотря на то, что в период президентства Х. Асада и Б. Асада беспрецедентными полномочиями были наделены спецслужбы, контролировавшие все прочие аспекты власти в САР (см. раздел 3.3, пар. 3), *текущими* вопросами социально-экономического развития страны ведало гражданское правительство. В то время, как на протяжении 1970-х гг. основное внимание, как руководства, так и населения страны было приковано к проблемам безопасности, таким, как война 1973 г. с Израилем, конфронтация баасистов с Братьями-мусульманами и внутренняя нестабильность самого нового режима, уже в 1980-е гг. роль правительства в вопросах экономического развития Сирии становится весьма заметной.

Так, именно правительство страны обеспечило выход из кризиса середины 1980-х гг., встав на путь частичной либерализации экономики (Указ 186 правительственного Высшего совета по туризму о разрешении частных инвестиций в туристическую сферу и Закон 10 от 1991 г. о привлечении частных инвестиций в экономику в целом)¹¹⁴. После того, как к середине 1990-х гг. ситуация наладилась, правительство страны, опасаясь неконтролируемой приватизации и коллапса социалистической экономики по примеру Восточной Европы, свернуло либеральные реформы¹¹⁵.

¹¹⁴ Seifan S. The Road to Economic Reform in Syria // Syria Studies. 2010. Vol. 2. №. 3. P. 9

¹¹⁵ Ibid., p. 10

С приходом Б. Асада к власти внимание правящего режима к экономике повысилось. Соответственно, возросла роль гражданского правительства. В первые годы правления нового президента в правительстве и партии развернулась борьба сторонников и противников либеральных рыночных реформ. Согласно экспертным оценкам, именно партия Баас являлась главной платформой для противников реформ, в то время как молодые технократы в правительстве выступали за их развитие¹¹⁶. Несмотря на то, что правительство формально проиграло борьбу с консерваторами за создание всеобъемлющего официального плана либерализации экономики (что проявилось в «охранительных» итогах 10 конгрессе БААС в 2005 г.¹¹⁷), фактически оно продолжало осуществление реформ на протяжении всего правления Б. Асада без идеологического одобрения со стороны партии и без опубликования какого-либо официального плана¹¹⁸. Так, ко второй половине 2000-х гг. благодаря ряду правительственных указов и распоряжений был полностью открыт для инвестиций сектор услуг, разрешён импорт большинства товаров (включая субсидируемые государством), снижено регулирование цен на сельскохозяйственные продукты, создана сеть частных банков и финансовых организаций¹¹⁹. Наконец, правительством были заключены соглашения о свободной торговле с ОАЭ, КСА, Турцией, Ираком, Иорданией, с Евросредиземноморском партнёрстве, а также начата процедура вступления в ВТО. В результате реформы привели к тому, что к концу 2000-х гг. на частный сектор экономики Сирии приходилось, по самым скромным оценкам, 60% ВВП страны¹²⁰. Таким образом, несмотря на оппозицию партийных консерваторов (и,

¹¹⁶ Bar S. Bashar's Syria: The Regime and its Strategic Worldview // Comparative strategy. 2006. Vol. 25. №. 5. Pp. 374-378

¹¹⁷ Ibid., p. 387

¹¹⁸ Seifan S. The Road to Economic Reform in Syria // Syria Studies. 2010. Vol. 2. №. 3. P. 17

¹¹⁹ Ibid., pp. 17-20

¹²⁰ Economic Challenges and Reform Options for Syria: A Growth Diagnostics Report. 2011. The World Bank. [Electronic resource] Mode of access: <http://siteresources.worldbank.org/INTDEBTDEPT/Resources/468980-1218567884549/5289593-1224797529767/5506237-1270144995464/DFSG03SyriaFR.pdf> (дата обращения: 26.10.2018). P. 85

частично, оппозицию силового блока), правительство Сирии в 2000-е гг. добилось множества подвижек на пути экономической либерализации.

Помимо социально-экономического развития страны гражданское правительство частично отвечало и за внешнюю политику САР. Несмотря на то, что силовики были ответственны за такие направления работы, как борьба со внешней оппозицией и диссидентами в эмиграции¹²¹, часть внешнеполитических проектов курировалась при Х. Асаде и Б. Асаде именно гражданскими дипломатами. Так, с одной стороны, в ливанском досье, важнейшем во внешнеполитической повестке Х. Асада, многие аспекты контролировались спецслужбами, являвшимися «главным средством поддержания [сирийского] влияния на политическую и экономическую жизнь Ливана в течение почти трёх десятилетий»¹²². Среди кураторов Ливана от силового блока главными были Г. Канаан и Рустум Газале¹²³. Однако министр иностранных дел (1970-1984 гг.) и, впоследствии, вице-президент (1984-2004 гг.) страны А. Хаддам, являвшийся одним из старейших советников и приближённых к Х. Асаду лиц, считается одним из архитекторов сирийской оккупации Ливана и главным посредником в переговорах с первыми лицами этого государства¹²⁴. Другой высокопоставленный дипломат (а в 1984-2006 гг. мининдел) Фарук Шара на протяжении 1980-х — 1990-х гг. отвечал за вопросы взаимодействия с США и израильское досье¹²⁵. В начале правления Б. Асада ливанский вопрос несколько лет курировал один из руководителей спецслужб Гази Канаан, однако после его самоубийства (по другим мнениям, убийства) в 2005 г. вопрос перешёл в ведение замминистра (а с 2006 г.

¹²¹ Lefèvre R. *Ashes of Hama: The Muslim Brotherhood in Syria*. Oxford University Press, USA. 2013. Pp. 165-166

¹²² Wright R. *Syrian Intelligence Still in Lebanon* // The Washington Post, 27.04.2005 [Electronic resource] Mode of access: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2005/04/26/AR2005042601558.html?noredirect=on> (дата обращения: 08.01.2019)

¹²³ Harris W. *Lebanon: A History, 600-2011*. Oxford University Press, 2014. p. 267

¹²⁴ Mardelli B. A. *Middle East Perspectives: From Lebanon (1968-1988)*. iUniverse, 2012. p. 291

¹²⁵ Kechichian, J. *Farouk Al Shara'a: Affable yet wily diplomat* // Gulf News. 25.09.2012. [Electronic resource] Mode of access: <https://gulfnews.com/opinion/op-eds/farouk-al-sharaa-affable-yet-wily-diplomat-1.1065417> (дата обращения: 14.09.2018)

министра) иностранных дел Валида Муаллема¹²⁶. В 1990-е — 2000-е гг. вопросы взаимодействия с саддамовским Ираком — торговлю (в том числе оружием) и миграцию — контролировал министр обороны М. Тласс¹²⁷.

В целом, несмотря на то, что гражданское правительство страны уступало по своей значимости спецслужбам, оно на протяжении исследуемого периода управляло социально-экономическим развитием страны и отвечало в лице приближенных к сирийскому руководству министров за основные внешнеполитические вопросы, являясь, таким образом, важнейшим органом власти, что позволяет считать его, несмотря на широчайшие полномочия спецслужб, важным органом власти в САР.

Что касается роли алавитов в гражданском правительстве страны, то можно с уверенностью говорить о том, что она на протяжении 1970-2000-х гг. не была значительной. Данные об этноконфессиональном составе сирийского правительства на протяжении правления Х. Асада и Б. Асада являются неполными (официальная идеология в принципе не делила мусульман на гетерогенные общины, предпочитая замалчивать сами названия «алавитов», « друзов » и т. д.), однако на основе имеющихся данных можно сделать ряд выводов.

В 1970-1978 гг. процент алавитов на министерских постах составлял 9.4%, что ознаменовало снижение по сравнению с предасадовским периодом 1966-1970 гг. (12.5%)¹²⁸. В дальнейшем статистика по ключевым постам в правительстве также не обнаруживает никакого доминирования алавитов: согласно Таблице 14, все ключевые должности сирийского правительства находились в руках суннитов.

¹²⁶ Rabil R.G. (2006). Syria, The United States, and the War on Terror in the Middle East. Greenwood Publishing Group. p. 191

¹²⁷ Minister of Defence. Интернет-портал GlobalSecurity.org. Syria. [Electronic resource] Mode of access: <https://www.globalsecurity.org/military/world/syria/defense.htm> (дата обращения: 09.09.2018)

¹²⁸ Van Dam N. The struggle for power in Syria: sectarianism, regionalism and tribalism in politics, 1961-1978. Croom Helm, 1981. P. 108

Таблица 14. Конфессиональная принадлежность ключевых чиновников сирийского правительства в исследуемый период.

Должность	Занимающие лица	Этноконфессиональная принадлежность
Министр экономики и внешней торговли	М. Аль-Имади (1972-1980 гг., 1985-2001 гг.)	Суннит
	С. Ясин (1980-1985 гг.)	
	Г. Аль-Рифаи (2001-2004 гг.)	Суннит
	А.Х. Лутфи (2004-2010 гг.)	Суннит
Премьер-министр	А.Р. Хлейфави (1971-1972; 1976-1978 гг.)	Суннит
	М. аль-Айюби (1976-1978 гг.)	Суннит
	М. А. аль-Халаби (1978-1980 гг.)	Суннит
	А.Р. Касм (1980-1987 гг.)	Суннит
	М. Зуаби (1987-2000 гг.)	Суннит
	М. Миро (2000-2003 гг.)	Суннит
	М. аль-Отари (2003-2011 гг.)	Суннит

Министр иностранных дел	А.Хаддам (1970-1984 гг.)	Суннит
	Ф. Шараа (1984-2006 гг.)	Суннит
	В. Муаллем (2006-н.в.)	Суннит

При анализе этноконфессионального происхождения правительственных чиновников, ответственных за социально-экономическое развитие Сирии как при Х. Асаде, так и при Б. Асаде, алавитов среди них не обнаруживается. По сведениям самого авторитетного биографа Х. Асада Патрика Сила, в 1971-1981 гг. надзор за экономической реструктуризацией сирийской экономики (в социалистическом ключе) осуществляли три премьер-министра (А. Хлейфави, М. аль-Айюби, М. аль-Халаби), являвшиеся представителями суннитской общины Дамаска¹²⁹. Главным «архитектором» сирийской частичной либерализации 1970-х гг, а также более масштабной либерализации конца 1980-х — начала 1990-х гг. был министр экономики и внешней торговли Мухаммад аль-Имади, экономист-интеллектуал из дамасской аристократической суннитской семьи¹³⁰.

На протяжении 2000-х гг. все главные правительственные функционеры, занимавшиеся экономическими вопросами, также были суннитами. Так, в условиях широкой партийной оппозиции и при отсутствии всеобъемлющего национального плана либерализации экономические реформы проходили в основном в соответствии с указами премьер-министра Аль-Утри¹³¹. Он же занимался переговорами о создании ЗСТ с рядом стран региона и о вступлении страны в ВТО и об Ассоциации с Европейским союзом¹³². Главой Комиссии по планированию в

¹²⁹ Seale P. Asad: The struggle for the Middle East. – University of California Press, 1990. P. 182

¹³⁰ Syria - The Economy // Mongabay.com. [Electronic resource] Mode of access: https://data.mongabay.com/reference/country_studies/syria/ECONOMY.html (дата обращения: 07.07.2018)

¹³¹ Raphaeli N. Syria's fragile economy // Middle East Review of International Affairs. 2007. Vol. 11. №. 2. P. 42

¹³² 46. Bar S. Bashar's Syria: The Regime and its Strategic Worldview // Comparative strategy. 2006. Vol. 25. №. 5. Pp. 377-378

2003-2005 гг. и вице-премьером правительства по экономическим вопросам в 2005-2011 гг., работавшим с проблемой выживания экономики в условиях американских санкций и имплементацией противоречивых реформ второй половины 2000-х гг., был суннит Абдулла Дардари¹³³. Наконец, министром финансов асадовского правительства, занимавшимся активизацией частных инвестиций в экономику и ограничением государственных трат, в том числе на социальные нужды, был суннит Мухаммад Хуссейн¹³⁴. Этих людей признают главными сирийскими экономистами 2000-х гг. все релевантные исследования.

Что касается министров иностранных дел, то среди них, как было показано выше, алавитов также не было. Таким образом, при том, что гражданское правительство на протяжении исследуемого периода отвечало за социально-экономическое развитие страны, а также за основные аспекты внешней политики, алавитов не было как на экономических, так и на внешнеполитических должностях, а общая численность алавитов на министерских постах не превышала их доли в населении страны.

3.2. БААС – опора политического режима. Партийная деятельность алавитов

Партия Баас, находившаяся у власти в Сирии на протяжении всего исследуемого периода, составляла одну из опор политических режимов Х. Асада и Б. Асада. Несмотря на падение её роли по сравнению с доасадовским периодом 1963-1969 гг., согласно авторитетным исследователям сирийской политики и экономики, в то время, как президент страны в существующих политических реалиях контролировал в основном сферу безопасности и внешней политики, партия была ответственна за большинство частных вопросов внутренней политики и делила с правительством функции по управлению экономикой¹³⁵. Действительно,

¹³³ Raphaeli N. Syria's fragile economy // Middle East Review of International Affairs. 2007. Vol. 11. №. 2.

¹³⁴ Ibid., P. 42

¹³⁵ Hinnebusch R. The Ba'th Party in Post-Ba'thist Syria: President, Party and the Struggle for 'Reform' // Middle East Critique. 2011. Vol. 20. №. 2. P. 110

детальный анализ её деятельности позволяет утверждать, что роль Баас в действительности была весьма значительной, что делало её одним из ключевых институтов существующей в Сирии системы власти.

Во-первых, если на государственном уровне большая часть власти находилась в руках гражданского правительства, партия отвечала за контроль ситуации на локальном уровне — провинций и муниципалитетов. Так, через систему ветвей (фуру') и ячеек (халякат) именно Баас осуществляла надзор над имплементацией решений руководства страны на местах, координировала деятельность органов исполнительной и партийной власти в провинциях страны, участвовала в принятии решений по бюджету и назначению муниципальных и провинциальных чиновников¹³⁶. Из среды местных партийных членов избирались мэры городов, главы отделений полиции, претенденты на пост губернатора (утверждались президентом)¹³⁷. Также местные ячейки выступали посредниками между государственной властью и традиционными лидерами общин на уровне населённых пунктов. Зачастую влиятельные семьи делегировали своих представителей в ряды местных партийных комитетов, что позволяло им сохранять часть своей традиционной власти на местном уровне.

Во-вторых, партия являлась единственным инструментом «массовой мобилизации» сирийцев. Под её патронажем действовал ряд общенациональных организаций, в первую очередь, Крестьянский союз, объединявший к 1991 г. 84% крестьян страны¹³⁸, а также Организация революционной молодёжи, Женская организация, Студенческий союз, Всеобщая организация торговых союзов. Из малочисленной идеологической организации партия превратилась в

¹³⁶ Belhadj S. The Decline of Syria's Baath Party // Carnegie Middle East Center. – 2012. [Electronic resource] Mode of access: <https://carnegieendowment.org/2012/12/05/decline-of-syria-s-baath-party-pub-50258> (дата обращения: 09.11.2018)

¹³⁷ Collelo T., ed. Syria: A Country Study. Washington: GPO for the Library of Congress, 1987. [Electronic resource] Mode of access: <http://countrystudies.us/syria/54.htm> (дата обращения: 09.11.2018)

¹³⁸ Batatu H. Syria's peasantry, the descendants of its lesser rural notables, and their politics. Princeton University Press, 1999, p. 252.

общенациональное объединение, охватывающее к 1990 г. 8%, а к 2011 г. 12% населения страны (Таблица 15).

Таблица 15. Процент населения Сирии, являющегося членами партии Баас¹³⁹.

год	1971	1981	1991	2011
Процент членов партии Баас от всего населения страны	1	4	8	12

Одним из главных направлений деятельности баасистов была идеологическая индоктринация молодёжи путём её привлечения в партийные «авангарды» (аналог пионерского движения в СССР), затем в Организацию революционной молодёжи (аналог Комсомола)¹⁴⁰. Об успешности этой деятельности, в частности, говорит тот факт, что к 1990 г. молодёжь от 14 до 30 лет, составляющая 26% населения Сирии, имела 69% мест в партии¹⁴¹. Также под контролем партии находились профсоюзы¹⁴².

В-третьих, при Б. Асаде роль партии возросла и в вопросах социально-экономического развития. Так, известно, что в 2000-е гг. не силовые структуры, а именно партия представляла собой главную оппозиционную силу по отношению к программам либерализации экономики. Старые партийные кадры ответственны за провал либерального крыла на выборах в Центральный комитет на 10 конгрессе в

¹³⁹ Ibid., p. 178.

¹⁴⁰ Collelo T., ed. Syria: A Country Study. Washington: GPO for the Library of Congress, 1987. [Electronic resource] Mode of access: <http://countrystudies.us/syria/54.htm> (дата обращения: 09.11.2018)

¹⁴¹ Batatu H. Syria's peasantry, the descendants of its lesser rural notables, and their politics. Princeton University Press, 1999, p. 245

¹⁴² Belhadj S. The Decline of Syria's Baath Party // Carnegie Middle East Center. – 2012. [Electronic resource] Mode of access: <https://carnegieendowment.org/2012/12/05/decline-of-syria-s-baath-party-pub-50258> (дата обращения: 09.11.2018)

2005 г.¹⁴³ Сохранение баасистского контроля за назначениями чиновников на местах называлось экспертами одной из главных проблем при осуществлении реформ¹⁴⁴. Причинами подобного противодействия были как идеологические несоответствия либерализации и социалистической ориентации Баас, так и тот факт, что большинство членов партии к 2000-м гг. в рамках устоявшейся системы стали частью патронажно-клиентельных сетей, объединяющих, помимо них, представителей исполнительной власти и бизнеса, что служило их финансовым интересам. В целом роль партийных органов в экономических вопросах и управлении на локальном уровне при Б. Асаде возросла настолько, что параллельно снижению значимости руководителей силовых структур (см. раздел 3) Баас превратилась в соперничающий с президентом источник власти в стране¹⁴⁵.

Таким образом, несмотря на то, что значение партии Баас в исследуемый период упало по сравнению с периодом 1963-1966 гг. по причине складывания суперпрезидентской формы власти в стране, она являлась посредником между государством и населением на местах, органом, контролирующим имплементацию политики режима на локальном уровне, а также главным институтом по идеологической и культурно-просветительской работе с населением. Исходя из этого, можно заключить, что партийные структуры представляли собой не менее важный столп власти режимов Х. Асада и Б. Асада, чем гражданское правительство, ответственное за социально-экономическое развитие страны, и силовые структуры, выполняющие охранную функцию (см. раздел 3.3, пар. 3).

Алавиты исторически являлись одними из главных сторонников и участников партии Баас: партия предлагала форму «инклюзивного» арабского национализма, включавшего в процессы нациестроительства

¹⁴³ Bar S. Bashar's Syria: The Regime and its Strategic Worldview // Comparative strategy. 2006. Vol. 25. №. 5, p. 387

¹⁴⁴ Seifan S. The Road to Economic Reform in Syria // Syria Studies. 2010. Vol. 2. №. 3. P. 14

¹⁴⁵ Hinnebusch R. The Ba'th Party in Post-Ba'thist Syria: President, Party and the Struggle for 'Reform' // Middle East Critique. 2011. Vol. 20. №. 2. P. 109.

этноконфессиональные меньшинства и эмансипировавшего их, в отличие от «эксклюзивного» арабского национализма суннитской городской буржуазии, имевшего серьёзный исламистский компонент¹⁴⁶. У корней баасизма стояли такие алавитские деятели, как З. аль-Арсузи и В. аль-Ганим, а основная работа будущих баасистов в 1940-х гг. наряду с Дамаском велась среди бедной алавитской молодёжи Латакии¹⁴⁷, с готовностью принимавшей идеи секуляризма и равенства граждан в рамках концепта «единой сирийской нации». Несмотря на отсутствие точной статистики для этого периода, исследователи сходятся на том, что в 1950-х гг. в партию шли в основном низшие городские слои и беднота, среди которых численность алавитов была достаточно высока¹⁴⁸. Во время роспуска партии при насеристах в 1958-1961 гг. в Латакии партия подпольно продолжила свою деятельность наряду с ячейкой в Джебель-Дурузе, что обусловило преобладание её «алавитского» и «друзского» секторов после восстановления и прихода к власти в 1963 г.

В 1970-2000 гг. партия пользовалась абсолютной поддержкой алавитов благодаря имиджу Баас как единственной силы, способной сохранить светский характер страны и общества. Ряд исследователей даже говорит о том, что баасистская ориентация стала неотъемлемой частью менталитета и самоидентификации алавитов как конфессиональной группы¹⁴⁹.

Тем не менее, в 1970-2000 гг. алавиты не были доминирующим большинством в партии. С одной стороны, процент членов партии из Латакии и Тартуса (7.9% и 8.1% соответственно) превышал их процент в населении страны (6.2% и 4.8%) в 1979 г. (Таблица 16). По данным на 1992 г. картина осталась

¹⁴⁶ Trivedi, D. Primer on the Alawites in Syria // Foreign Policy Research Institute. 01.12.2016. [Electronic resource]. Mode of access: <https://www.fpri.org/article/2016/12/primer-alawites-syria/> (дата обращения: 19.10.2018)

¹⁴⁷ Ibid.

¹⁴⁸ Seale P. Asad: The struggle for the Middle East. – University of California Press, 1990, p. 36

¹⁴⁹ Landis Joshua on Syria: What Lies Ahead. [Выступление директора Центра изучения Ближнего Востока Университета Оклахомы Дж. Лэндиса] // YouTube. 30.10.2012. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=g1NgB6GZV8k> (дата обращения: 10.12.2016)

примерно такой же: 11.1% и 6.6% членов партии проживало в Латакии и Тартусе при их более скромной доле (6% и 5%) в населении. Однако, несмотря на это, суммарная доля обеих «алавитских» провинций в партии составляла 11% в 1979 г. и 17.7% в 1992 г., что никак не позволяет говорить о «доминировании» выходцев из этих провинций в партии. При этом стоит учитывать, что все партийные кадры из упомянутых провинций не могли быть алавитами, так как в них проживало существенное суннитское и христианское население. Перевес доли Латакии и Тартуса в партийном составе также не является уникальным феноменом: в таких суннитских провинциях, как Хама, Хомс, Кунейтра, Дейр эз-Зор, Ракка, а также в друзской Сувейде, процент членов партии также в разные периоды превосходил долю этих провинций в населении страны.

Таблица 16. Процент членов партии по провинциям страны 1979 г. и 1992 г.¹⁵⁰

Провинция	Процент членов партии в 1979 г.	Процент от населения страны в 1979 г.	Процент членов партии в 1992 г.	Процент от населения страны в 1992 г.
Дамаск	5,4	13,4	6,6	11,4
Риф Дамаск	7,8	9,8	6,4	10,4
Дера	3,2	3,7	4,5	4,4
Сувейда	4,6	2,2	3,7	2,2
Кунейтра	3,7	0,2	2,5	0,3
Хомс	11,5	8,8	10,2	9,3

¹⁵⁰ Batatu H. Syria's peasantry, the descendants of its lesser rural notables, and their politics. Princeton University Press, 1999. Pp. 180-181

Хама	12,2	8,4	13,2	8,1
Тартус	8,1	4,8	6,6	5
Латакия	7,9	6,2	11,1	6
Идлиб	6,3	6	6,4	6,7
Алеппо	7,4	20,7	7,7	20,7
Ракка	5,2	3,8	4,3	3,7
Дейр эз-Зор	5,8	4,7	4	4,4
Эль-Хасеке	6,1	7,3	5,8	7,4

Наиболее репрезентативным показателем положения алавитов в партии является этноконфессиональная структура Регионального командования БААС — главного органа партийного руководства.

Таблица 17. Этноконфессиональная структура Регионального командования партии Баас на протяжении 1970-2000-х гг.^{151 152}

Община	1968 г.	1971-1975 г.	1975-1980 г.	1980-2000 г.	2000-2005 г.
Сунниты	46,7	71,4	57,1	66,7	86
Алавиты	26,7	19	33,3	19	9,5
Друзы	13,2	4,8	4,8	4,8	-
Исмаилиты	6,7	4,8	-	-	-
Христиане	6,7		4,8	9,5	4,8

¹⁵¹ Batatu H. Syria's peasantry, the descendants of its lesser rural notables, and their politics. Princeton University Press, 1999. Pp. 246-247

¹⁵² Bar S. Bashar's Syria: The Regime and its Strategic Worldview // Comparative strategy. 2006. Vol. 25. №. 5. P. 435

Согласно Таблице 17, если на заре прихода к власти Х. Асада численность алавитов в этом органе достигала 28%, то на протяжении практически всего его правления она составляла 19%. Исключением стал период 1975-1980 гг., когда их процент резко поднялся до 33%, что связано с ростом власти Р. Асада, более склонного к опоре на алавитские кадры, а также с назначением на посты только «своих» людей в период роста исламской оппозиции. Реальный процент алавитов в РК оказывается ещё ниже, если учесть, что Р. Асад после 1985 г. являлся лишь номинальным его членом, проживая в эмиграции и фактически не принимая участия в деятельности органа. Тогда получается, что в 1985-2000 гг. процент алавитов в РК составлял не 19%, а около 14%, что отвечает их реальной доле в населении страны. При Б. Асаде (в 2000-х гг.) с ростом влияния экономического блока, представленного суннитами, в структуре РК Баас численность алавитов сократилась до 9,5%, что обозначает падение их представительства в партийном руководстве ниже численности в населении страны. Аналогично наблюдалось повышение численности суннитов. Если до 1970 г. их процент в РК партии составлял 42%, то в 1970-2000 гг. они имели 67% мест, то есть абсолютное большинство, близкое к их доле в населении. При Б. Асаде сунниты составляли уже 86% РК Баас.

3.3. Алавиты и силовые структуры

Сирийские вооружённые силы комплектовались большим числом выходцев из алавитской общины на протяжении нескольких десятилетий ещё до прихода к власти баасистов. Это было вызвано как крайней бедностью общины, со времён французского мандата использовавшей армию как единственный социальный лифт на фоне презрения суннитского большинства к военной службе, так и ослаблением блока суннитских офицеров в результате многочисленных переворотов 1950-х

гг.¹⁵³ В результате ещё к 1955 г., задолго до прихода к власти баасистов, алавиты уже составляли 65% младшего офицерского состава армии страны¹⁵⁴.

Однако в годы правления Х. Асада алавиты впервые в истории Сирии заняли большинство руководящих постов в спецслужбах и армии. Так, согласно Таблице 18, три из четырёх спецслужб Сирии, совмещавших в себе функции разведки и контрразведки — Военная разведка, Разведка ВВС и Служба политической безопасности - практически бессменно возглавлялись алавитами.

Таблица 18. Этноконфессиональная принадлежность ключевых руководителей спецслужб.

Должность	Занимавшие должность офицеры	Этноконфессиональная принадлежность
Глава военной разведки	Хикмат Аль-Шихаби (1970-1974 гг.)	суннит
	Али Дуба (1974-2000 гг.)	алавит
	Хассан Халил (2000-2005 гг.)	алавит
	Ассеф Шаукат (2005-2009 гг.)	алавит
	Абдельфаттах Кудсие (2009-2012 гг.)	алавит

¹⁵³ Trivedi, D. Primer on the Alawites in Syria // Foreign Policy Research Institute. 01.12.2016. [Electronic resource]. Mode of access: <https://www.fpri.org/article/2016/12/primer-alawites-syria/> (дата обращения: 19.10.2018)

¹⁵⁴ Ibid.

Глава разведки ВВС	Мухаммад аль-Хули (1970-1987 гг.)	алавит
	Ибрагим Хвэйджа (1987-2002 гг.)	алавит
	Изеддин Исмаил (2002-2005 гг.)	неизвестно
	Абдельфаттах Кудсие (2005-2009 гг.)	алавит
	Джамиль Хассан (2009-н.в.)	алавит
Глава общей разведки	Аднан Даббаг (1970-1976 гг.)	суннит
	Али аль-Мадани (1976-1979 гг.)	суннит
	Назих Зурейр (1979-1984 гг.)	суннит
	Фуад аль-Абси (1984-1987 гг.)	суннит
	Маджид Саид (1987-1994 гг.)	суннит
	Башир Наджар (1994-2000 гг.)	суннит
	Хишам Ихтияр (2001-2005 гг.) Али Мамлюк (2005-2010 гг.)	суннит суннит

Глава службы политической безопасности	Ахмад Саид Салих (1970-1987 гг.)	алавит
	Аднан Бадр Хассан (1987-2002 гг.)	Алавит
	Гази Канаан (2002-2004 гг.)	алавит
	Мухаммад Мансура (2004-2009 гг.)	неизвестно
	Мухаммад бин Зайтун (2009-2012 гг.)	суннит
Глава сил специального назначения	Али Хайдар (1968-1994 гг.)	алавит
	Али Хабиб (1994-2000 гг.)	алавит
Глава Республиканской гвардии	Аднан Махлюф (1979-1995 гг.)	алавит
	Махер Асад (2000-н.в.)	алавит

Общая разведка, несмотря на то что возглавлялась на протяжении всех 40 лет суннитами, контролировалась их заместителями, неизменно принадлежавшими к алавитской общине. Например, в 1980-е — 1990-е гг. фактически ей руководил замглавы и близкий к Х. Асаду алавитский генерал М. Насиф¹⁵⁵. Кроме того,

¹⁵⁵ Batatu H. Syria's peasantry, the descendants of its lesser rural notables, and their politics. Princeton University Press, 1999. P. 243

известно, что подразделение Общей разведки, ответственное за внутристрановую деятельность, возглавлялось алавитами¹⁵⁶.

Помимо руководства спецслужб, алавиты составляли большинство офицерского и рядового состава Отрядов обороны (руководимых Р. Асадом до 1984 г.) и Республиканской гвардии — главным охранном подразделении, ответственном за безопасность президента¹⁵⁷.

Алавитские руководители спецслужб составляли большинство членов так называемой «джамаа» - внутреннего круга доверенных лиц Х. Асада¹⁵⁸. Имея широчайшие полномочия, они осуществляли надзор за всеми вопросами, так или иначе связанными со сферой безопасности и стабильности власти, в том числе отвечали за взаимодействие с исламистской оппозицией и светскими противниками режима из враждебных левых организаций.

В армии процент алавитов на ключевых должностях — дивизионных командиров — рос на протяжении всего правления Х. Асада. Если в 1973 г. только 2 из 5 дивизий возглавлялись алавитами (40%), то к 1985 г. уже 6 из 9 (66%), а к 1992 г. 7 из 9 (при том, что этноконфессиональная принадлежность командиров 2 оставшихся дивизий неизвестна и они также могли быть алавитами)¹⁵⁹. На уровне командиров более низшего звена — дивизий, полков и батальонов - процент суннитов был около 35%, среди офицеров Генштаба они составляли 38%¹⁶⁰. Однако суннитами-офицерами комплектовались в первую очередь части, далёкие от столицы — в областях на границе с Израилем, Ливаном и Ираком, что свидетельствует о сомнениях правящего режима в лояльности суннитской общины.

¹⁵⁶ Slococks, B. Assad's Torture Chiefs // Little Atoms. 15.10.2017. [Electronic resource]. Mode of access: <http://littleatoms.com/assads-torture-chiefs> (дата обращения: 19.10.2018)

¹⁵⁷ Nisan M. Minorities in the Middle East: a history of struggle and self-expression. McFarland, 2015. P. 123

¹⁵⁸ Maoz M., Yaniv A. Syria Under Assad (RLE Syria): Domestic Constraints and Regional Risks. Routledge, 2013. P. 27

¹⁵⁹ Batatu H. Syria's peasantry, the descendants of its lesser rural notables, and their politics. Princeton University Press, 1999. P. 228

¹⁶⁰ Ibid.

В течение правления Б. Асада процент суннитов на постах в армии несколько повысился: число суннитов-командиров батальонов выросло с 35% в 2000 г. до 65% к середине 2010 г., суннитов-командиров дивизий - с 35% в 2000 г. до 48% в 2010 г., суннитов-офицеров Генштаба - с 38% в 2000 г. до 54-58% в 2010 г.¹⁶¹

Подобное доминирование алавитов в спецслужбах и армии имеет, главным образом, две причины. Во-первых, суннитский офицерский корпус был настроен менее лояльно по отношению к светскому баасистскому строю и являлся объектом работы исламистов. В среде офицеров-суннитов неоднократно обнаруживалось исламистское подполье. Например, в течение активной фазы борьбы с Братьями-мусульманами в 1979-1982 гг. из рядов вооружённых сил из-за связей с исламистами было уволено 400 офицеров-суннитов. Однако заговоры в их среде зрели и раскрывались как до, так и после данного периода нестабильности¹⁶². Второй причиной алавитского доминирования является семейно-земляческий принцип подбора кадров в сирийских государственных институтах и прочих объединениях, исторически существовавший во всех общинах страны. Известно, что на ключевых армейских постах в период власти Х. Асада находились не случайные алавиты, а в основном выходцы из клана его и его жены, а также из его родных мест (что составляло очень небольшую часть алавитской общины)¹⁶³. Подобный подход был типичен для представителей всех религиозных групп Сирии. Так, в рядах «Братьев-мусульман», казалось бы, пан-суннитской организации, на протяжении всего XX в. происходила борьба между земляческими группировками из Дамаска, Алеппо и Хамы. При этом занятие руководящих постов дамаскинцами неизбежно влекло за собой назначение других дамаскинцев на важнейшие позиции (как в случае с И. Аль-Аттаром в 1961-1973 гг.), приход к

¹⁶¹ Ахмедов В.М. Роль конфессионального фактора в сирийском урегулировании. Часть 3 // Институт Ближнего Востока. 10.03.2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=33188> (дата обращения: 29.11.2018)

¹⁶² Ibid.

¹⁶³ Ibid.

власти руководителя из Хамы приводил к «засилью» хамавитов в организации (пример А. Саададдина в 1975-1982 гг.)¹⁶⁴. Подобная ситуация обнаруживалась и на государственном уровне: так, в 1949-1954 гг., когда у власти оказались офицеры курдского происхождения, в том числе и президент А. Шишакли, они заняли большинство государственных постов своими родственниками настолько, что в стране заговорили о «курдском военном режиме»¹⁶⁵. Ясно, что роль при этом играла не конфессиональная принадлежность в целом, а именно семейно-земляческие связи. В условиях, когда в 1960-х гг. большинство офицерского корпуса уже составляли алавиты, подобный принцип рекрутирования обеспечивал, в общем и целом, сохранение этноконфессионального баланса в их пользу в спецслужбах и армии в исследуемый период.

В то время, как многие комментаторы называют алавитов-руководителей спецслужб Сирии реальной властью в стране¹⁶⁶, существуют факты, которые свидетельствуют о том, что ситуация была несколько более сложной.

С одной стороны, полномочия и власть силового алавитского блока в исследуемый период в Сирии были огромными. В условиях сохраняющегося в стране при Х. Асаде и Б. Асаде режима чрезвычайного положения он являлся главным инструментом контроля как над институтами государственного управления, так и над общественными организациями¹⁶⁷. Хотя в правительстве и баасистских институтах роль алавитов, как следует из предыдущих разделов, была невелика, среди наиболее приближенных к Х. Асаду людей, влиявших на его политику, т.н. «джамаа» (ар. «группировка»), алавиты-силовики составляли большинство¹⁶⁸. Такие алавитские генералы, как Р. Асад, А. Дуба, М. аль-Хули, Г.

¹⁶⁴ Lefèvre R. *Ashes of Hama: The Muslim Brotherhood in Syria*. Oxford University Press, USA. 2013. 288 pp.

¹⁶⁵ McDowall D. *The Kurds of Syria*. Kurdish Human Rights Project, 1998. P. 471

¹⁶⁶ Syria's Real Power Brokers // CBS News. 12.06.2000. [Electronic resource] Mode of access: <https://www.cbsnews.com/news/syrias-real-power-brokers/> (дата обращения: 13.07.2018)

¹⁶⁷ Ахмедов В.М. Сирийское восстание: история, политика, идеология. Москва, 2015, с. 26

¹⁶⁸ Maoz M., Yaniv A. *Syria Under Assad (RLE Syria): Domestic Constraints and Regional Risks*. Routledge, 2013. P. 27

Канаан и другие претендовали на определяющую роль во внутренней политике, став серыми кардиналами и превосходя по значимости министров и губернаторов провинций. На местном уровне, в то время, как власть официально концентрировалась в руках партийных отделений и региональной администрации, руководители спецслужб и воинских подразделений зачастую стояли фактически выше их, осуществляя надзор за их деятельностью¹⁶⁹. Исключительное положение высокопоставленных силовиков позволяло им выступать теневой элитой Сирии, обладающей правом «вето» на те или иные решения отдельных министерств и ведомств, а также оказывать на них при необходимости любое влияние в условиях отсутствия гражданского органа контроля их деятельности кроме самого президента. Помимо этого, из многочисленных свидетельств сирийских и международных источников известно о вовлечении алавитской верхушки спецслужб САР в патронатно-клиентельные сети с представителями суннитских предпринимательских кругов и масштабный контрабандный бизнес, что позволяло ей аккумулировать значительные финансовые ресурсы и получать неограниченную нелегальную прибыль¹⁷⁰.

С другой стороны, власть алавитского генералитета в Сирии в 1970-2010 гг. была не такой всеобъемлющей, как о ней говорят многие исследования¹⁷¹. Во-первых, их роль возрастала в период кризисов, угрожающих стабильности политической власти в САР, и снижалась в более спокойные времена. Так, временем, отмечившимся полным господством силовых структур и обладанием ими определяющего влияния на всю жизнь страны, является период 1976-1982 гг., когда угроза режиму со стороны исламистской оппозиции достигла максимальных

¹⁶⁹ Ахмедов В.М. Сирийское восстание: история, политика, идеология. Москва, 2015, с. 22

¹⁷⁰ Kerr M., Larkin C. (ed.). The Alawis of Syria: War, faith and politics in the Levant. – Oxford University Press, 2015. P. 210

¹⁷¹ Syria's Real Power Brokers // CBS News. 12.06.2000. [Electronic resource] Mode of access: <https://www.cbsnews.com/news/syrias-real-power-brokers/> (дата обращения: 13.07.2018)

масштабов. В этот период военные и работники спецслужб обладали всей полнотой власти, в том числе и на местах, фактически подменив собой гражданскую администрацию. К тому же братья президента — Р. Асад и Дж. Асад — стояли во главе фактически самостоятельных и подчиняющихся только им вооружённых подразделений, с помощью которых приобрели как финансовый, так и политический вес и превратились в полунезависимых региональных правителей¹⁷². Аналогичным периодом роста роли силовиков стал кризис власти 1983-1984 гг., когда брат президента Рифат Асад пытался взять управление страной в свои руки, пользуясь болезнью президента. Однако в течение последующих двух десятилетий исследуемого периода подобной ситуации не наблюдалось. Как указано в разделах 1.2 и 1.3, текущими вопросами социально-экономического развития страны, ежедневными делами, связанными с внешней политикой и функционированием власти на местах, занимались выходцы из суннитской общины Сирии через институты партии и правительства. Спецслужбы же, хотя и сохраняли своё исключительное положение и контроль над деятельностью этих институтов, не вмешивались в их работу так очевидно, концентрируясь на борьбе с оппозицией, реальной и мнимой. Самый авторитетный израильский специалист по Сирии (не питающий симпатий к сирийскому режиму) И. Зиссер отмечает, что во вторую половину правления Х. Асада, когда стабильность власти не стояла под вопросом, а вся оппозиция была по большому счёту уничтожена или эмигрировала, президент гораздо меньше опирался на руководство силовых структур. Он пишет, что «в ежедневной социальной и экономической жизни общества влияние этой группы преимущественно алавитских офицеров ощущается гораздо меньше, чем полагают иностранцы»¹⁷³. В 1990-е гг. алавиты-спецслужбисты не чувствовали угрозы собственному положению и довольствовались положением стражей режима, в то время как в вопросах социально-экономического развития президент был более

¹⁷² Nisan M. Minorities in the Middle East: a history of struggle and self-expression. McFarland, 2015. P. 124

¹⁷³ Zisser E. Decision Making in Asad's Syria. Washington Institute for Near East Policy, 1998. P.15

склонен полагаться на гражданских советников и правительственных министров¹⁷⁴. Действительно, после неудачного путча 1984 г. в стране более не возникало подобных Рифату и Джамилу Асадам региональных правителей из рядов руководителей спецслужб, претендующих на самостоятельность и независимость. Так, эти генералы оказались сняты со всех постов вместе со своими сторонниками, а новые командиры элитных формирований и по совместительству родственники президента - Аднан Махлюф и Аднан Асад - так и не нашли своего места в истеблишменте и не претендовали на исключительную политическую значимость¹⁷⁵. Показательным является и нежелание Х. Асада подключать алавитский генералитет к управлению страной и в периоды «вакуума власти». Во время болезни 1983-1984 гг. (от которой, по общему мнению, он вряд ли мог оправиться) для управления страной Х. Асад сформировал орган из 6 близких помощников, среди которых не было ни одного спецслужбиста вообще и алавита в частности¹⁷⁶, что вызвало серьёзное недовольство в алавитских кругах. После смерти Х. Асада в 2000 г. обязанности руководителя страны в соответствии с волей покойного временно исполнял мининдел суннит А. Хаддам. Таким образом, сохраняя алавитский генералитет как опору своей власти и используя его как главный орган надзора над деятельностью государственных структур, Х. Асад всё же не делегировал ему принятие ежедневных управленческих решений, предпочитая гражданских чиновников-технократов. Б. Асад в принципе не имел близких доверенных лиц среди офицеров-алавитов подобно «джамаа» Хафеза Асада, которые могли бы влиять на вопросы управления страной¹⁷⁷. Исключение составляли его влиятельные брат и зять Махер Асад и Ассеф Шаукат, однако в данном случае очевидно, что их положение было обусловлено не их положением

¹⁷⁴ Eisenstadt M. Who Rules Syria? Bashar al-Asad and the 'Alawi 'Barons,' // Policy Watch. – 2000. – №. 472. [Electronic resource] Mode of access: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/who-rules-syria-bashar-al-asad-and-the-alawi-barons> (дата обращения: 15.06.2018)

¹⁷⁵ Zisser E. Decision Making in Asad's Syria. Washington Institute for Near East Policy, 1998. P.20

¹⁷⁶ Seale P. Asad: the struggle for the Middle East. – Univ of California Press, 1990. cc. 421-440

¹⁷⁷ Bar S. Bashar's Syria: The Regime and its Strategic Worldview // Comparative strategy. 2006. Vol. 25. №. 5, p. 374

руководителей силовых структур, а семейными узами. Помимо них неизвестно ни об одном алавите-генерале во внутреннем круге президента. Напротив, отмечается, что новый президент при принятии решений по различным вопросам предпочитал консультации с разными группами экспертов¹⁷⁸.

Во-вторых, необходимо отметить, что алавитский генералитет характеризовался абсолютной зависимостью от президента страны и не мог, так же, как и другие сирийские чиновники, позволить себе действия, ставящие под сомнение его лояльность. Алавиты-руководители силовых структур не имели возможности проводить собственный курс, отличный от президентского, а в тех случаях, когда пытались делать это, безоговорочно лишались должностей. Так, во время противостояния президента с его братом в 1983-1984 гг. большинство алавитских офицеров поддержали именно Рифата Асада¹⁷⁹, но потерпели поражение в этом конфликте благодаря пропрезидентской позиции партийного руководства, а также генералов-суннитов. На решающем этапе кризиса большинство из них предпочли снова примкнуть к президенту, оставшиеся же лишились своих постов вслед за Р. Асадом. Аналогичная ситуация сложилась в конце 1990-х гг., когда Х. Асад, готовясь к передаче власти своему сыну, без видимых сложностей удалил все нелояльные элементы в силовых структурах. Выступив против «наследственной» передачи власти, ряд руководителей силовых структур, таких, как командир сил специального назначения Али Хайдар и Али Дуба, несмотря на всю свою влияние, были отправлены в отставку и лишились всех постов¹⁸⁰. Б. Асад без труда отправил в отставку двоих оставшихся офицеров-алавитов из ближайшего окружения Х. Асада — Гази Канаана и Али Аслана¹⁸¹, а также в течение нескольких лет сменил всё руководство силового блока

¹⁷⁸ Ibid.

¹⁷⁹ Zisser E. Decision Making in Asad's Syria. Washington Institute for Near East Policy, 1998. P.16

¹⁸⁰ Büchs A. The resilience of authoritarian rule in Syria under Hafez and Bashar Al-Asad. GIGA Working Paper, No. 97, March 2009. Pp. 15-16

¹⁸¹ Bar S. Bashar's Syria: The Regime and its Strategic Worldview // Comparative strategy. 2006. Vol. 25. №. 5. P. 382

страны (см. Таблицу 18). Таким образом, вся алавитская «старая гвардия» Х. Асада оказалась отстранена без малейших проблем. Это свидетельствует о том, что, хотя алавитские генералы и обладали широчайшими полномочиями в вопросах контроля сирийского общества и государства, они всё же не могли претендовать на самостоятельность и независимость от президентского мнения.

После уничтожения «старой гвардии» Х. Асада в Сирии не возникло новой устойчивой «джамаа» из алавитских генералов, игравшей бы роль высшего тайного органа при Б. Асаде: если в период правления предыдущего президента такие «титаны» спецслужб, как Али Дуба, Гази Канаан и Мухаммад Хули, оставались на своих постах на протяжении десятилетий, за десять лет предвоенного президентства Б. Асада должности начальников разведслужб переходили от одних офицеров к другим через каждые несколько лет. Например, если при Х. Асаде важнейшую Военную разведку возглавлял Али Дуба на протяжении 27 лет (1973-2000 гг.), то при Б. Асаде данный пост занимали Хассан Халил (2000-2005 гг.), Асеф Шавкат (2005-2009 гг.) и Абдельфаттах Кудсие (2009-2012 гг.). Аналогичная ситуация сложилась и во второй важнейшей спецслужбе — Разведке ВВС. После 24 лет руководства М. Хули (1963-1987 гг.) и 15 лет руководства И. Хвейджа (1987-2002 гг.) при Б. Асаде в данном органе за 8 лет сменилось три руководителя: И. Исмаил (2002-2005 гг.), Абдельфаттах Кудсие (2005-2009 гг.) и Джамиль Хассан (с 2009 г.). Подобная ротация кадров свидетельствует о нежелании Б. Асада позволять отдельным силовикам приобретать чрезмерно сильные позиции и создавать собственную сеть лоялистов.

Таким образом, ситуация относительно алавитской верхушки спецслужб САР представляется не такой однозначной. С одной стороны, эти люди действительно могли в значительной мере контролировать деятельность гражданских и партийных органов власти страны, а также влиять на большинство вопросов внутренней и внешней политики благодаря предоставленным им президентом неограниченным полномочиям. С другой, в мирные годы исследуемого периода их

роль в управлении страной не была так заметна: при сохранении их больших возможностей ежедневные вопросы управления социально-экономическим развитием страны находились в ведении гражданских и партийных чиновников. Вдобавок, алавиты-силовики не представляли собой отдельную независимую «власть», находясь в полной зависимости от расположения к ним президента Сирии.

§4. Трансформация алавитской общины в контексте политики «новой сирийской идентичности»

Несмотря на распространённое мнение об алавитях как о правящей группе и «новой элите» Сирии в период президентства Х. Асада, данная община в 1970-е – 1990-е гг. сама подверглась трансформации, ставшей результатом баасистской политики по созданию новой общесирийской идентичности. Можно говорить о том, что в исследуемый период в алавитской общине Сирии происходили два противоположных процесса, оба из которых в той или иной степени были инициированы властью: масштабная секуляризация и «баасизация», с одной стороны, и попытки инкорпорировать алавитов в общемусульманское общество для их «эмансипации» в глазах суннитского большинства, с другой.

Секуляризация алавитов имела под собой достаточно прочные исторические основания. К середине XX в. алавиты не обнаруживают каких-либо сильных религиозных чувств, что объясняется, видимо, вековой практикой сокрытия сути вероучения от массы верующих и отсутствием у алавитского большинства чётких религиозных убеждений: так, исследователи отмечают, что к этому времени стоящие в горах могилы шейхов были единственным заметным знаком каких-либо религиозных верований в алавитских районах, а алавитская молодёжь массово отходила от традиционного образа жизни (и даже насмехалась над ним) и

отказывалась от верований предков¹⁸². Алавитский критик середины XX в., вещая из иракского Наджафа, заявлял, что алавитские шейхи сами не имеют достаточного религиозного образования и держат народ в полнейшей религиозной темноте¹⁸³. В 1940-х гг. в среде общины имело успех еретическое с точки зрения алавитской догматики учение Сулеймана аль-Муршида, объявившего себя пророком и увлекшего за собой существенную часть несведущих в религиозных вопросах алавитов¹⁸⁴.

После прихода к власти Х. Асада государство взяло курс на всё большую секуляризацию алавитской общины, стремясь превратить её в основу будущего светского сирийского общества. Алавитские шейхи не имели возможности открыто участвовать в публичной жизни страны, создавать религиозные организации и фонды, публиковать свои мнения по тем или иным вопросам и в целом лишились большей части своего влияния на рядовых алавитов¹⁸⁵. Х. Асад выступал против религиозного образования детей в алавитской общине. Более того, упоминание алавитов исчезло из медийного и информационного пространства страны вплоть до того, что глава политической секции администрации президента отрицал само существование такого понятия, как «алавитская община Сирии»¹⁸⁶. Подобная ситуация отличалась от положения суннитских или христианских религиозных авторитетов, которые имели право публиковаться и создавать религиозные организации, хотя и полностью вне политики. Школьная программа, столь важный элемент воспитания общесирийского патриотизма и преодоления коммунализма, не говорила об алавитах ни слова, при этом уделяя внимание суннитско-

¹⁸² Seale P. *Asad: The struggle for the Middle East*. – University of California Press, 1990. P. 56

¹⁸³ Kramer M. *Syria's Alawis and Shi'ism // Shi'ism, Resistance and Revolution*. Westview Press, 1987. P. 197

¹⁸⁴ Yaffe G. *Suleiman al-Murshid: beginnings of an Alawi leader: In memory of professor Uriel Dann // Middle Eastern Studies*. 1993. T. 29. №. 4. С. 624-640.

¹⁸⁵ Kerr M., Larkin C. (ed.). *The Alawis of Syria: War, faith and politics in the Levant*. – Oxford University Press, 2015. P. 228

¹⁸⁶ Sachs, S. *Assad Patronage Puts a Small Sect on Top in Syria // The New York Times*. 22.06.2000. [Electronic resource]. Mode of access: <https://www.nytimes.com/2000/06/22/world/assad-patronage-puts-a-small-sect-on-top-in-syria.html> (дата обращения: 10.08.2018)

христианскому сосуществованию. У алавитов не существовало ни централизованного религиозного руководства, ни культурных и даже исторических обществ¹⁸⁷.

Существует мнение, что подобное состояние дел является следствием «секретного» характера алавитской доктрины и практики устной передачи тайных религиозных знаний. Однако пример зарубежных стран свидетельствует об обратном: в Ливане, Турции и западных странах алавиты имели множество культурно-религиозных организаций и вели публичную жизнь, освещая и свои праздники и мероприятия, и заявляя в лице шейхов о своём мнении по каким-либо политическим вопросам. Таким образом, отсутствие специфически алавитских организаций является отличительной особенностью Сирии, что вызвано целенаправленной политикой власти по замене религиозной идентичности алавитов баасистской. Показателен пример Дж. Асада, брата президента, который, будучи одним из немногих верующих алавитов, создал в Латакии религиозную организацию «Аль-Муртада», которая в 1983 г. была запрещена самим президентом¹⁸⁸.

Взамен правящие круги поощряли развитие в алавитской общине светской культуры, что находило отклик и в среде самих алавитов. Повышенное число баасистских идеологических, культурных и воспитательных организаций было открыто в Латакии¹⁸⁹. В частности, именно в Латакии большой успех имели «Отряды парашютистов» Рифата Аль-Асада, своеобразный аналог пионерской организации в СССР, в которых молодёжь проходила спортивную и идеологическую баасистскую подготовку¹⁹⁰. В Латакии же был построен

¹⁸⁷ Karfan & Friend. Myth No. 7: Alawie is still a Religious Sect // Syria Exposed. 28.03.2005. [Electronic resource]. Mode of access: <http://syriaexposed.blogspot.com/2005/03/myth-no-7-alawie-is-still-religious.html> (дата обращения: 04.08.2018)

¹⁸⁸ Jamil Assad, 71; Uncle of Syrian President Bashar Assad Was in Parliament // Los Angeles Times. 17.12.2004 [Electronic resource]. Mode of access: <http://articles.latimes.com/2004/dec/17/local/me-passings17.1> (дата обращения: 04.08.2018)

¹⁸⁹ Из личной беседы автора с представителями делегации сирийских курдов в Москве 01.03.2016 г.

¹⁹⁰ Seale P. Asad: The struggle for the Middle East. – University of California Press, 1990. P. 298

грандиозный спортивный комплекс «Аль-мадина аль-риядийя аль-лаззакийя» и проведены 20-е Средиземноморские игры. Таким образом, государство никак не способствовало развитию алавитской религиозности и конфессионального самосознания и формировало из общины прообраз будущей сирийской светской нации.

При этом нет никаких свидетельств того, что алавиты (или хотя бы существенная их часть) противились подобной секуляризации и выступали с критикой баасистов с религиозных позиций. Напротив, исследователи отмечают, что алавитам в исследуемый период была свойственна всё большая апатия к религиозным вопросам, и говорят даже об «отмирании алавизма как религии»¹⁹¹. Показателен и феномен принятия атеизма, столь нетипичный для ближневосточных обществ вне зависимости от вероисповедания: по утверждениям самих выходцев из общины, придерживающихся атеистических взглядов, алавиты спокойно принимали подобные убеждения и не меняли своего отношения к родственнику, выражавшему их¹⁹². Подобная политика секуляризации и баасизации имела огромные последствия для менталитета и самоидентификации алавитов: будучи, в результате, их лишёнными в большой степени религиозного самосознания, алавиты оказывались в идеологическом вакууме, который быстро заполняла баасистская пропаганда. Таким образом, баасизм и культ президента стал неотделимым от их идентичности в исследуемый период¹⁹³. По утверждению ряда экспертов, это была настоящая замена идентичности — утрачивая религиозную основу, алавиты стали превращаться в общность, объединённую не конфессиональными, а культурно-историческими и родственными связями, а

¹⁹¹ Sadowski, Y., The Evolution of Political Identity in Syria // Telhami, S. & Barnett, M., (eds), (2002), Identity and Foreign Policy in the Middle East, Cornell University Press, Ithaca & London, p.146.

¹⁹² Al-Tamimi A. J. Looking at Alawites // The Levantine Review. 2012. Vol. 1. № 2. Pp. 181-199.

¹⁹³ Landis Joshua on Syria: What Lies Ahead. [Выступление директора Центра изучения Ближнего Востока Университета Оклахомы Дж. Лэндиса] // YouTube. 30.10.2012. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=g1NgB6GZV8k> (дата обращения: 10.12.2016)

также культом президента и баасизма, накладывающимся на общие страхи перед возможным суннитским реваншем¹⁹⁴.

Согласно оппозиционным силам из числа представителей алавитской общины, политика по размыванию религиозной идентичности являлась целенаправленным курсом режима, который стремился не допустить, чтобы существовали иные источники влияния на общину, являющуюся столь важной опорой власти¹⁹⁵. Это коренным образом расходится с исламистским дискурсом об алавитах как о шовинистической монолитной общине, стремящейся к власти чуть ли не из конфессиональных соображений по доминированию над всеми не-алавитами. В условиях масштабной секуляризации община попросту бы не имела достаточного идеологического основания для того, чтобы стремиться подавлять иные этноконфессиональные группы Сирии: она более не обладала чётким религиозным самосознанием и отождествляла себя с арабским большинством в этническом плане. В такой ситуации осознанное доминирование и недопущение прочих групп ко власти представляется маловероятным.

Вместе с тем, в связи с ростом исламистской оппозиции в стране, объявлявшей алавитов «немусульманами» и «еретиками», в целях укрепления внутренней стабильности режиму Х. Асада пришлось задуматься о легитимизации алавитской общины в глазах суннитского большинства. С этой целью режим прибегнул к «поверхностной исламизации» алавитов, что в определённой степени расходилось с политикой секуляризации. Было ясно, что признание алавитов мусульманами суннитскими богословами (попытки чего уже имели место в 1940-е гг.¹⁹⁶) не возымеет должного эффекта — религиозная пропаганда Братьев-мусульман, сосредотачивавшаяся на различиях в вероубеждениях, свела бы эти

¹⁹⁴ Karfan & Friend. Myth No. 7: Alawie is still a Religious Sect // Syria Exposed. 28.03.2005. [Electronic resource]. Mode of access: <http://syriaexposed.blogspot.com/2005/03/myth-no-7-alawie-is-still-religious.html> (дата обращения: 04.08.2018)

¹⁹⁵ Ibid.

¹⁹⁶ Kramer M. Syria's Alawis and Shi'ism // Shi'ism, Resistance and Revolution. Westview Press, 1987. P.200.

усилия на нет. Ставка была сделана на духовенство шиитов-двунадесятников, что было обусловлено и политической целесообразностью. В итоге в 1973 г. шейх Муса ас-Садр фетву, признающую алавитов частью своего шиитского ислама¹⁹⁷. При этом известно, что сама алавитская община выступала в этом процессе скорее в роли пассивного объекта, нежели субъекта. Первоначально некоторые шейхи даже выступали против подобного признания, боясь ухода алавитов Ливана в сферу влияния ливанского клирика М. Садра¹⁹⁸. Лишь активная правительственная позиция изменила ситуацию. В алавитских районах иранцами были построены мечети, открыты несколько религиозных организаций. Однако никакого оживления религиозной жизни вслед за этим не последовало, что подтверждает вышеупомянутый тезис о светском менталитете алавитов в рассматриваемый период. Таким образом, исламизация носила лишь внешний характер, не повлияв ни на самих алавитов (никак не отреагировавших на данное событие), ни на отношение к ним со стороны суннитского большинства страны.

* * *

Относительно роли алавитов в управлении страной в исследуемый период можно заключить следующее: община была слабо представлена (особенно на важных должностях) в гражданском правительстве, ответственном за внутреннее развитие Сирии и (частично) международные отношения. В партийных структурах, отвечавших за осуществление власти на местах и политическую стабильность, алавиты также не обладали численностью, достаточной для доминирования, и при этом лишились (при Б. Асаде) почти всех мест в Региональном командовании - главном партийном органе. Единственной сферой, где режим отдавал явное предпочтение алавитам, были силовые структуры, в которых алавиты занимали

¹⁹⁷ Gentry, C. The Minor Sect Ruling Syria: Who are the Alawites? // International Review. 29.12.2017 [Electronic resource] Mode of access: <https://international-review.org/minor-sect-ruling-syria-alawites/> (дата обращения: 14.09.2018)

¹⁹⁸ Kramer M. Syria's Alawis and Shi'ism // Shi'ism, Resistance and Revolution. Westview Press, 1987. P. 201

практически все руководящие должности. Подобная ситуация позволяет говорить об алавитах во власти как о группе, *контролировавшей* главные аспекты государственной машины, но *не управлявшей* ей и её текущей деятельностью в исследуемый период. Сами же высокопоставленные силовики-алавиты легко теряли положение в случае недовольства руководства страны и в целом лишились возможности (при Б. Асаде) оказывать сильное влияние на президента. Это не позволяет говорить данной группе как об уникальных носителях «реальной власти» в Сирии. Можно согласиться с Л. Голдсмитом, который предполагает, что семья Асадов не стремилась привести к власти алавитскую общину как таковую, желая при этом использовать её как одну из опор (в военном отношении) своего режима¹⁹⁹.

При этом алавиты Сирии в исследуемый период подверглись политике секуляризации и замены конфессионального самосознания на общесирийское, определяемое нормами и доктринами баасизма. Отсутствие алавитских организаций и обществ, исчезновение упоминания об общине в медиапространстве и сведение на нет роли религии превратили общину в наиболее последовательных сторонников баасизма, что видно из их большой процентной доли среди членов партии, а также поддержки сирийского режима с началом гражданской войны в стране в 2011 г.

¹⁹⁹ Goldsmith, L. Unearthing the Alawites: A Political Geography of the Alawite Community of Syria. Sultan Qaboos University, 2007. P. 46

ГЛАВА 2. СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ СУННИТСКОЙ ОБЩИНЫ: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТАТУС, ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ВЛАСТЬЮ

§1. Сунниты как традиционная элита Сирии

Суннитский ислам являлся политически доминирующей религией в регионе начиная с арабских завоеваний VII в. С вхождением территорий Большой Сирии, Палестины и Месопотамии в состав Халифата в 630-650 гг. население, не принадлежавшее к арабо-суннитской элите, было частично поражено в правах. Так, согласно Пакту халифа Умара, на немусульман были наложены ограничения в отправлении религиозных обрядов, социальных и бытовых вопросах²⁰⁰. Что касается мусульман, принадлежавших к неортодоксальным течениям, главным образом, различного шиитского толка, со времён правления династии Омейядов (661–750 гг.) до установления власти тюркских мамлюкских династий в X - XIII вв. они подвергались систематическим преследованиям и маргинализации в обществе²⁰¹. В целом на территории Сирии и Палестины лишь сунниты (за редкими исключениями) обладали политической и военной властью, а также имели полную свободу вероисповедания.

С переходом Сирии в начале XVI в. в лоно Османской империи новые власти при управлении сирийскими провинциями продолжили опираться на суннитскую городскую элиту, связанную с османами общими религиозными узами²⁰². В то время, как османы слабо контролировали периферию, особенно горные области, заселённые конфессиональными меньшинствами, суннитские города – Дамаск, Алеппо, Хомс, Хама – представляли собой опору их власти. Подобная ситуация

²⁰⁰ Thomas D., Roggema B. (ed.). *Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History. Volume 1 (600-900)*. – Brill, 2009. P. 361

²⁰¹ Nasr V. (2006). *The Shia Revival: How Conflicts Within Islam Will Shape the Future*. W.W. Norton & Company Inc. Pp. 41-66

²⁰² Maoz M., Yaniv A. *Syria Under Assad (RLE Syria): Domestic Constraints and Regional Risks*. – Routledge, 2013. p. 10

сохранялась до начала XX в., когда суннитская торгово-предпринимательская элита сосредоточила в своих руках всю власть в Сирии²⁰³.

Существование в Сирии Французского мандата в 1920-1936 гг. привнесло изменения в положение суннитской городской элиты. На протяжении данного периода среди арабо-суннитского населения набирал силу арабский национализм, выражающийся в стремлении избавиться от колониального господства и создать панарабскую державу в пределах Большой Сирии. Желая противопоставить набирающему силу арабскому национализму сепаратизм конфессиональных меньшинств, французы разделили страну, вычленив из неё миноритарные государства, а также сделав ставку на миноритарные общины при наборе в администрацию и войска²⁰⁴. Тем не менее, с достижением независимости Сирией в 1946 г. именно старые суннитские элиты городов продолжили занимать главенствующее положение в политической и экономической структуре сирийского государства. Однако на протяжении 1950-х гг. череда военных переворотов и чисток в армии и политических партиях привела к значительному ослаблению суннитской элиты²⁰⁵. Параллельно набирали силу радикальные течения левого толка, в которых большую роль играли члены этноконфессиональных меньшинств. В итоге через несколько лет после установления в стране баасистской власти в 1963 г. старая суннитская элита оказалась оттеснена от рычагов власти, а главенствующее положение в стране заняли партийные и военные деятели миноритарного происхождения²⁰⁶. По мере того, как это происходило, росла популярность суннитского исламистского

²⁰³ Yildiz K. The Kurds in Syria: the forgotten people. – London : Pluto Press, 2005. – Pp. 116-121.

²⁰⁴ Khoury P. S. Syria and the French Mandate: The Politics of Arab Nationalism, 1920-1945. – Princeton University Press, 2014. Vol. 487. P. 81

²⁰⁵ Pipes D. The Alawi capture of power in Syria // Middle Eastern Studies. – 1989. – Vol. 25. – №. 4. – Pp. 429-450.

²⁰⁶ Fildis A. T. Roots of Alawite-Sunni Rivalry in Syria // Middle East Policy. – 2012. – Vol. 19. – №. 2. – Pp. 148-156.

движения, представленного, главным образом, Братями-мусульманами и стремящегося к установлению в Сирии исламской формы правления.

Таким образом, к моменту прихода к власти Х. Асада в 1970 г. суннитская община лишилась своего традиционного главенствующего положения. Осознавая необходимость завоевать лояльность суннитского населения (75% населения страны), новый режим был вынужден искать среди социальных классов этого конфессионального большинства потенциальных союзников. В то время, как отношения с суннитской верхушкой были осложнены из-за утраты последней прежней власти, а суннитский городской «средний класс» обнаруживал наиболее стойкие симпатии к исламистскому движению, власть Х. Асада сделала ставку на наиболее бедное и пассивное сельское суннитское население.

§2. Сельское суннитское население: динамика отношений с властью

2.1. Экономическая поддержка сельских районов при Х. Асаде и Б. Асаде

Сельское суннитское население на протяжении исследуемого периода являлось самой многочисленной группой суннитов Сирии несмотря на тренд форсированной урбанизации в 1980-е гг. Согласно переписям, в 1970 г. 56%, в 1981 г. 53%, а в 1991 г. 49% населения страны (то есть около половины всех сирийцев) проживало за пределами крупных городов и занималось (или было связано с) сельским хозяйством²⁰⁷. Нет данных относительно конфессионального состава этой части сирийского населения, однако очевидно, что, за исключением Латакии и Сувейды, подавляющее большинство крестьян принадлежали именно к суннитской общине, тогда как представители этноконфессиональных меньшинств в тот период особенно активно мигрировали в города — Латакию, Тартус, Хомс, Дамаск и Алеппо.

²⁰⁷ Batatu H. Syria's peasantry, the descendants of its lesser rural notables, and their politics. Princeton University Press, 1999. P. 6

Несмотря на то, что основная часть мероприятий по переделу земли в рамках аграрной реформы была проведена баасистами ещё в 1960-е гг., в первые годы правления Х. Асада реформа была завершена, что позволило именно ему воспользоваться её политическими и экономическими плодами. Согласно Таблице 19, в результате реформы количество безземельных крестьян сократилось с 60 до 36%, количество мелких собственников увеличилось с 30 до 48%, средних — с 9 до 15%. Таким образом, по результатам реформы, завершённой при Х. Асаде, количество крестьян-собственников земли в Сирии выросло с 39% до 63%.

Таблица 19. Примерный процент людей, владеющих землёй в Сирии²⁰⁸

	До реформы (начало 1960-х гг.)	После реформы (1970-е гг.)
% владеющих 100+ га	1	0,5
% владеющих от 10 до 100 га	9	15
% владеющих до 10 га	30	48
% безземельных	60	36

На протяжении 1970-х и 1980-х гг. осуществлялось объединение крестьянских хозяйств в кооперативы. К 1983 г. 85% крестьянских семей страны были членами кооперативов, которые предоставляли их членам материальные займы, удобрения, технику, и в целом обеспечивали лучшие стандарты

²⁰⁸ Hinnebusch R. et al. Agriculture and reform in Syria. – University of St Andrews Centre for Syrian Studies, 2011. P. 8

производства, нежели при индивидуальном ведении хозяйства²⁰⁹. Налоговые ставки для крестьян находились на очень низком уровне – продажа продуктов сельского хозяйства на экспорт или на местном рынке облагалась (и то не всегда) налогом от 9 до 12%, при этом отсутствовали подоходный налог и налог на прибыль как таковую, что выгодно отличало ситуацию на селе от города²¹⁰. Также был достигнут прогресс в деле освобождения крестьян от ростовщической кабалы, которая являлась традиционной проблемой в Сирии с османских времён: проценты по кредитам, выдаваемым государственным Аграрным банком крестьянам, снизились с 5.5% в 1970-х гг. до 3% в 1985 г., а общая сумма займов крестьянам увеличилась со 143 млн сирийских фунтов в 1970 г. до 4.6 млрд сирийских фунтов в 1990 г., что во много раз обогнало инфляцию за этот же период²¹¹.

В течение правления Х. Асада было осуществлено большое количество масштабных проектов по окультуриванию пустынных земель на востоке страны и распространению системы ирригации (подобно плотине Габ или дамбе Тишрин на Евфрате). В результате в 2.5 раза возросло количество гектаров земли с ирригацией^{212,213}. За период с 1970 по 1992 гг. доля электрифицированных деревень увеличилась с 3% до 95%²¹⁴, доля деревень с водопроводом достигла 54% в 1980 г. и 67% в 1985 г.²¹⁵. Впечатляющих результатов достигла и механизация сельского хозяйства: за период с 1972 г. по 1995 г. количество комбайнов утроилось, а тракторов возросло в 7 раз^{216,217}. Разрослась дорожная сеть. Такие меры правительства, как ежегодное назначение минимальных цен на продукцию

²⁰⁹ Ibid., P. 10

²¹⁰ Batatu H. *Syria's peasantry, the descendants of its lesser rural notables, and their politics*. Princeton University Press, 1999. Pp. 62-63

²¹¹ Ibid., p. 56

²¹² Statistical Abstract. Damascus, Syrian Central Bureau of Statistics. 1978. P. 192.

²¹³ Statistical Abstract. Damascus, Syrian Central Bureau of Statistics. 1994. P. 106

²¹⁴ Batatu H. *Syria's peasantry, the descendants of its lesser rural notables, and their politics*. Princeton University Press, 1999. P. 66

²¹⁵ Ibid.

²¹⁶ Statistical Abstract. Damascus, Syrian Central Bureau of Statistics. 1974. P. 266.

²¹⁷ Statistical Abstract. Damascus, Syrian Central Bureau of Statistics. 1996. P. 149-151

сельского хозяйства, предоставление на льготных условиях удобрений и инвентаря снизили степень непредсказуемости крестьянской жизни. Были предприняты меры для повышения уровня здравоохранения в сельской местности: так, в период с 1963 г. по 1990 г. количество врачей в Сирии увеличилось в 5 раз, при этом доля медиков, практикующих в Дамаске и Алеппо, уменьшилась с 70% до 50% в пользу провинции. В области образования процент неграмотных крестьян уменьшился с 77 в 1960 г. до 50 в 1976 г. и до 25 в 1990 г.²¹⁸

Можно утверждать, что наиболее впечатляющих результатов социально-экономическая политика баасистов достигла именно в сельской местности, которая к концу правления Х. Асада сделала качественный рывок вперёд, оставив позади проблемы голода, крайней бедности, ручного труда, ростовщичества и отсутствия системы здравоохранения и образования. Согласно Таблице 22, производство пшеницы — ключевого сельскохозяйственного продукта — в Сирии в течение правления Х. Асада удваивалось каждые 10 лет. Определённым показателем роста благосостояния крестьян стал тот факт, что если в 1976 г. крестьянские кооперативы опирались на государственные субсидии на 39%, то к 1990 г. они обеспечивали свой бюджет (возросший в несколько раз) из собственных средств на 91%²¹⁹. Среди причин хороших показателей развития сельскохозяйственных районов страны, безусловно, выделяется также и существовавший тренд массовых миграций беднейших, разорившихся или находящихся на грани разорения крестьян в крупные города. Их уход из сельской местности улучшал её объективные показатели и создавал впечатление экономического благополучия. В целом экономисты утверждают, что несмотря на проблемы в институтах управления и низкой технической грамотности многих аграрных агентств и работников, за период правления Х. Асада рост сельского хозяйства привёл к значительному

²¹⁸ Batatu H. Syria's peasantry, the descendants of its lesser rural notables, and their politics. Princeton University Press, 1999. P. 67

²¹⁹ Ibid., P. 80

повышению стандартов жизни на селе. Так, Р. Хиннебюш отмечает, что, ликвидировав помещиков как значимую силу на селе, баасистский режим не занял, подобно другим левым режимам, их место и в общем и целом оставлял крестьянам излишки продукта, что привело к росту их материального благосостояния²²⁰.

Объективные показатели жизненного уровня суннитского крестьянства (сконцентрированном в основном в северо-восточном регионе (Идлиб, Алеппо, Ракка, Дейр эз-Зор, Эль-Хасеке) подтверждают вышеизложенные данные и мнения экспертов. Согласно Таблице 20, сельские районы этих провинций («северо-восточный регион») по уровню бедности находились практически на одном уровне с южным регионом, в который входит и традиционно зажиточный Риф Дамаск (15,24% и 15,19% соответственно) и демонстрировали лучшие показатели по сравнению с сельской местностью центрального региона (Хомс и Хама со смешанным в этноконфессиональном плане сельским населением), в котором уровень бедности достигал 22,58%.

Что касается уровня расходов домохозяйств (Таблица 21), то в 1996 г., к концу правления Х. Асада, в суннитских сельских районах северо-восточных провинций он был выше, чем в центральных, и незначительно (по сравнению с последующим периодом правления Б. Асада) уступал южному району с обеспеченной Риф Дамаск. От общенационального уровня расходов сельские суннитские районы незначительно отставали всего лишь на 191 с.л. Учитывая, что эти районы находились в самой засушливой и неблагоприятной климатической зоне, подобные данные свидетельствуют о благотворном влиянии на них экономических преобразований правительства.

²²⁰ Hinnebusch R. et al. Agriculture and reform in Syria. – University of St Andrews Centre for Syrian Studies, 2011. P. 11

Таблица 20. Бедность в сельских районах Сирии в 1996, 2004 и 2007 гг.²²¹

Регион	Бедность в 1996 г.	Бедность в 2004 г.	Бедность в 2007 г.
Северо-восточный	15,2	17,9	19,7
Центральный	22,6	11,1	9,1
Южный	15,2	10,7	12,8
Прибрежный	9,5	9,7	9,1
Сирия	16	14,2	15,1

Таблица 21. Уровень расходов домохозяйств в сельских районах Сирии по регионам²²².

Регион	1996 г.	2004 г.	2007 г.
Северо-восточный	2613	2472	2051
Центральный	2375	3074	3037
Южный	3058	3174	3307
Прибрежный	3876	3844	3751
Сирия	2804	2922	2728

²²¹ Syrian Arab Republic Third National MDGs Progress Report. United Nations Development Programme. Портал Программы развития ООН. [Electronic resource] Mode of access: <http://www.undp.org/content/dam/rbas/report/MDGR-2010-En.pdf> (дата обращения: 04.03.2018), p.21.

²²² Khalid Abu-Ismael, Ali Abdel-Gadir, Heba El-Laithy. Poverty and Inequality in Syria (1997- 2007). Arab Development Challenges Report Background Paper 2011/15. Портал Программы развития ООН. [Electronic resource] Mode of access: http://www.arabstates.undp.org/content/dam/rbas/doc/poverty/BG_15_Poverty%20and%20Inequality%20in%20Syria_FeB.pdf (дата обращения: 04.03.2018), p. 9.

Однако при Б. Асаде ситуация в сельских суннитских районах страны существенно ухудшилась, что превратилось в одну из определяющих тенденций развития страны в данное десятилетие и имело далеко идущие последствия для стабильности правящего политического режима. Частичная экономическая либерализация сирийской экономики негативно отразилась на сельском хозяйстве. Веховым событием стал Указ №83 от 16 декабря 2000 г., который провозгласил разделение крестьянских кооперативов и распределение земли в них между индивидуальными земледельцами²²³. На протяжении данного десятилетия, особенно в 2006-2010 гг. (согласно 10 пятилетнему плану) правительство последовательно отменило ряд важнейших субсидий крестьянам. Особенно сильный удар по благосостоянию села нанесла отмена в 2008 гг. субсидий на дизельное топливо, цены на которое моментально взлетели в 3.5 раза²²⁴. При этом дизельное топливо в Сирии является стратегически важным для крестьян ресурсом, повсеместно используемым как для орошения полей, так и для транспортировки урожая на рынки²²⁵. В 2009 г. были либерализованы цены на химические удобрения, в результате чего их цена возросла в 2 раза²²⁶. Также либерализация и оптимизация сельского хозяйства привела к сокращению количества рабочих мест на селе на 33% с 2001 по 2007 гг.²²⁷ После начала засухи, в 2008-2010 гг., рабочая сила на селе в результате миграции сократилась вдвое — с 1.4 миллиона до 800 тысяч человек²²⁸.

Засуха 2006-2010 гг. явилась также одной из главных проблем для сельского суннитского населения, особенно в так называемых «северо-восточных» провинциях страны — Алеппо, Идлибе, Ракке, Дейр эз-Зоре и Эль-Хасеке. При

²²³ Hinnebusch R. et al. *Agriculture and reform in Syria*. – University of St Andrews Centre for Syrian Studies, 2011. p. 84

²²⁴ Haidar, D., de Chatel, F. *Leaving the Land*. Syria Today, 2009. Pp.35–37

²²⁵ De Châtel F. The role of drought and climate change in the Syrian uprising: Untangling the triggers of the revolution // *Middle Eastern Studies*. – 2014. – Vol. 50. – №. 4. – P. 526

²²⁶ Ibid., p. 534

²²⁷ Ibid., p. 526

²²⁸ Hinnebusch R. et al. *Agriculture and reform in Syria*. – University of St Andrews Centre for Syrian Studies, 2011. P. 83

этом, несмотря на то что засуха была вызвана объективными природно-климатическими причинами, большую роль в усугублении её последствий сыграла неудачная правительственная политика. Во-первых, в условиях уже имеющегося дефицита водных ресурсов и при том, что страна производила достаточно пшеницы для прокорма населения, правительство при Б. Асаде продолжало проводить мероприятия по культивированию степей²²⁹, а также не предпринимало никаких мер по противодействию рытью частных и промышленных колодцев по выкачиванию подземных вод, чьё число выросло с 135 тыс. в 1999 г. до 230 тыс. в 2010 г.²³⁰, что ещё больше истощало водные ресурсы. Во-вторых, засуха и её масштабы замалчивались правительством, отрицавшим её масштабы, и официальными СМИ, что привело к тому, что значительные мероприятия по противодействию её последствиям начались лишь в 2009 г.

Вышеуказанные факты привели к массовому разорению фермерских хозяйств, особенно в северных и восточных суннитских районах страны. Так, если за период правления Х. Асада урожай пшеницы удваивался за каждые 10 лет, то при Б. Асаде с 2001 по 2011 гг. он впервые не только не вырос, но и снизился почти на 20% при том, что в отдельные годы падал почти в 2 раза по сравнению с уровнем 2001 г. (см. Таблицу 22). Данные Таблицы 20 показывают, что, если в период 1996-2004 гг. бедность в сельской местности во всех прочих регионах Сирии сократилась, в аграрной местности суннитского северо-востока она выросла с 15.24% до 17.91%, что отражает ситуацию ещё до засухи 2007 г. В 2007 же году она достигла 19,7%, что делает данный регион единственным в стране, где бедность на селе только выросла со времён правления Х. Асада (на 30% даже по официальной статистике). Что касается расходов домохозяйств в сельских районах, то, если в 1996 г. суннитский северо-восток отставал от общенационального уровня всего на

²²⁹ De Châtel F. The role of drought and climate change in the Syrian uprising: Untangling the triggers of the revolution // *Middle Eastern Studies*. – 2014. – Vol. 50. – №. 4. – P. 530

²³⁰ *Ibid.*, p. 529

191 с.л., то к 2004 г. разрыв увеличился до 450 с.л., а к 2007 г. до 677 с.л. (Таблица 21). При этом если с 1996 по 2007 гг. данный показатель значительно увеличился в центральном и южном районах и остался практически неизменным в прибрежном, то суннитский северо-восток единственный отметил его снижением на целых 22.5%.

Таким образом, при Б. Асаде сельские суннитские районы страны отметились ростом бедности на 30%, а также снижением расходов домохозяйств на 22,5%. Подобные данные не до конца отражают плачевную картину сельских суннитских районов, так как, учитывая описанный на стр. 94 тренд массовой миграции в южные и центральные районы, большой процент обнищавших и покинувших свои места проживания жителей северо-востока не был учтён в данной статистике.

Таблица 22. Урожай пшеницы в Сирии в исследуемый период²³¹.

Год	Урожай пшеницы (млн. тонн)
1970	0,63
1979	1,32
1990	2,07
2001	4,75
2004	4,54
2007	4,04
2008	2,14
2009	3,6

²³¹ Syrian Arab Republic Wheat Production by Year. Статистический портал Index Mundi. [Electronic resource] Mode of access: <https://www.indexmundi.com/agriculture/?country=sy&commodity=wheat&graph=production> (дата обращения 02.12.2018)

2010	3,6
2011	3,85

Таким образом, повсеместное разорение сподвигло массы суннитского сельского населения на миграции в города, включая не только столицы своих провинций, но и южные Дера и Риф Дамаск, что привело к «рурализации» последних и росту вокруг них трущобных кварталов. В отсутствие официальной статистики данной миграции специалисты считают её масштабы близкими 1 млн человек (см. стр. 94). Известно, что к концу правления Б. Асада в Дейр эз-Зоре и Ракке, например, опустели 60-70% деревень²³².

2.2. Политические позиции сельского суннитского населения

Благоприятная аграрная политика Х. Асада привела к тому, что сельское население Сирии вне зависимости от конфессиональной принадлежности стало одной из опор его режима. Так, около 2/3 крестьян вошли в число мелких и средних землевладельцев, став при помощи кооперативов главной социальной силой на селе вместо помещиков²³³. Крестьян на местах рекрутировали в партийные структуры и органы исполнительной власти, через которые они могли, в свою очередь, влиять на сельскохозяйственную политику, добиваться выгодных решений по закупкам, субсидиям и прочим аспектам государственного аграрного курса²³⁴. Таким образом, большое число крестьянских лидеров солидаризовалось с государственной властью. Стоит отметить, что при Х. Асаде крестьяне составляли 25.1% членов Баас в 1974 г. (Таблица 23), что являлось беспрецедентно большим числом, учитывая традиционную политическую пассивность сельского населения

²³² De Châtel F. The role of drought and climate change in the Syrian uprising: Untangling the triggers of the revolution // Middle Eastern Studies. – 2014. – Vol. 50. – №. 4. – P. 527

²³³ Hinnebusch R. et al. Agriculture and reform in Syria. – University of St Andrews Centre for Syrian Studies, 2011. P.10

²³⁴ Ibid., p. 13

при большей активности городских слоёв. При этом крестьян в Баас было больше, чем представителей профессий «среднего класса», учителей, профессоров и рабочих, которые традиционно были достаточно активны в сирийской политике. К 1992 г. процент крестьян снизился, однако, как видно из таблицы, по большей части это стало следствием ставки на массовое привлечение в ряды Баас учащейся молодёжи, которая составила до половины членов партийного состава. Таким образом, партия во многом была «крестьянской», и выходцы из сельских суннитских районов могли без труда делать в ней карьеру.

Таблица 23. Профессии членов партии Баас в 1974 и 1992 гг.²³⁵

Профессия	Процент от членов партии в 1974 г.	Процент от членов партии в 1992 г.
Крестьяне	25.1%	13%
Ученики старшей школы	34% вместе	36.4%
Студенты		13.6%
Учителя школ	7.2% вместе	7.8%
Профессора		0.4%
Промышленные рабочие	10.6%	18%
Административные служащие	19.7%	7.8%
Ремесленники	2.6% вместе	1%
Врачи		0.4%

²³⁵ Batatu H. Syria's peasantry, the descendants of its lesser rural notables, and their politics. Princeton University Press, 1999. P. 184

Инженеры и агрономы		1.3%
Юристы		0.2%
Другие		0.1%

При этом данные по крестьянам-баасистам по отдельным провинциям (Таблица 24) показывают, что именно суннитское крестьянство было наиболее активно в партии. Больше всего крестьян-баасистов происходили из провинций Хама, Идлиб, Алеппо, Эль-Хасеке, Дейр эз-Зор, а общая доля крестьян суннитских провинций доходила примерно до 90%. Крестьяне из других областей – Латакии, Тартуса и Сувейды – в сумме составляли менее 10% всех крестьян-баасистов.

Таблица 24. Удельный вес крестьян отдельных провинций в общем числе крестьян-членов Баас в 1989 г.²³⁶

Риф Дамаск	6.8
Дерья	1.7
Сувейда	2.1
Кунейтра	1.1
Хомс	7.1
Хама	12.8
Тартус	3.7
Латакия	4.1

²³⁶ Batatu H. Syria's peasantry, the descendants of its lesser rural notables, and their politics. Princeton University Press, 1999. P. 182

Идлиб	11.5
Алеппо	15.8
Ракка	8.8
Дейр эз-Зор	7.9
Эль-Хасеке	16.5
Всего	100%

Поддержка режима Х. Асада сельскими суннитами страны видна и из следующих фактов. Во-первых, на протяжении рассматриваемых 30 лет на всей территории Сирии эта группа населения не участвовала ни в одном крупном выступлении против правительства. Во-вторых, среди известных членов Братьев-мусульман, а также радикального «Сражающегося авангарда» нет ни одного представителя сельской местности (анализ социального происхождения сирийских исламистов приведён на стр. 96-99). В-третьих, самые «аграрные» суннитские провинции страны – Ракка, Дейр эз-Зор, Идлиб, Хама, Эль-Хасеке – были регулярными поставщиками кадров для баасистского режима и отличались очень прочными позициями местных отделений партии (как видно из Таблицы 24). Исламистские же движения и оппозиционно настроенные джамааты традиционно действовали в городах страны - Дамаске, Алеппо, Хомсе и Хаме²³⁷, не имея на селе “своих” имамов и возможности вести антиасадовскую пропаганду.

Помимо успешной в общем и целом экономической политики, стабильность ситуации в сельской местности явилась и результатом того, что наиболее бедные и не получившие выгод от политики режима крестьяне переселялись в Дамаск,

²³⁷ Pierret T. Sunni Clergy Politics in the Cities of Ba‘thi Syria // Demystifying Syria. Londres : Saqi, 2009. pp. 71-72

Алеппо, Хомс и Хаму, повышая протестный потенциал в городах и снижая его в деревнях. По мнению Пир-Будаговой, благодаря аграрной политике баасистского режима исламистские движения существенно не проникли в сельскую местность страны²³⁸. Более того, неоднократно режим Х. Асада благодаря описанным выше доверительным отношениям с Крестьянским союзом опирался на крестьян при выступлениях исламистов. Так, в конце 1970-х – начале 1980-х гг. крестьян свозили в крупные города, такие, как Хама и Алеппо, для противостояния уличным демонстрациям и забастовкам противников президента. В 1980 г. Были созданы вооружённые отряды Крестьянского союза, число членов которых к 1990 г. Достигло 46 тыс. человек²³⁹. Исходя из вышесказанного, можно заключить, что суннитское крестьянство не только не участвовало в исламистском оппозиционном движении в период президентства Х. Асада, но и, напротив, представляло противовес ему в суннитском обществе Сирии.

Таким образом, представляется правильным утверждать, что благодаря успешной социально-экономической политике баасистского режима сельские сунниты страны не только не демонстрировали оппозиционных настроений, но и составляли одну из опор правящего режима, будучи широко представлены в партии и её руководящих структурах, с одной стороны, и заполняя собой существенную часть партийных и государственных органов власти на местах.

Однако отрицательные результаты социально-экономического развития сельских суннитских районов при Б. Асаде, освещённые в предыдущем разделе, обусловили рост в них оппозиции правящему режиму. Протестный потенциал, накапливавшийся в них в течение десятилетия, с очевидностью проявился с началом в стране гражданской войны (2011 г.). Информация, приведённая ниже, свидетельствует, что сельские суннитские районы Сирии стали наряду с бедными

²³⁸ Пир-Будагова Э. П. История Сирии, XX век // Москва: ИВ РАН. – 2015. с. 248

²³⁹ Lahoud N., Johns A. H. (ed.). Islam in world politics. – Routledge, 2012. p. 183

кварталами городов двигателями сирийской революции. Первоначальные протесты 2011 г. распространились по сельскохозяйственным регионам суннитских областей - севера страны, региона Джазира, южной Дер'я, а также в окрестностях Хомса и Хамы²⁴⁰. Лишь затем оппозиционная деятельность началась в крупных городах страны, что, по замечанию И. Зиссера, в корне отличает сирийский сценарий от других процессов в рамках "Арабской весны"²⁴¹. В дальнейшем на всех фронтах гражданской войны наиболее активную и непримиримую антиправительственную позицию занимало именно сельское суннитское население. При этом большую роль играло и сельское духовенство²⁴², ранее, в отличие от городского, не принимавшее активного участия в антиасадовской деятельности. Согласно Карте 1, оплот восстания на дамасском театре приходился, помимо трущобных кварталов Ярмук на юге самого города и северо-восточных рабочих кварталов, именно на сельскохозяйственные пригороды - Восточную Гуту со столицей в Думе, а также Дарайя и Хаджар Асвад на юге (в Западной Гуте). Выходцы из Восточной Гуты организовали первые антиасадовские демонстрации в столице в 2011 г.²⁴³ Впоследствии выходцы из вышеупомянутых районов составили основу оппозиционных сил в регионе, а места их проживания были возвращены под контроль правительственных сил лишь в апреле 2018 г.²⁴⁴ Аналогичная ситуация сложилась на втором ключевом театре войны - алеппском. Так, известно, что большинство повстанцев в Алеппо происходили из сельских суннитских районов одноимённой провинции, причём, несмотря на их ожидания, экономически благополучное суннитское население самого города не оказало

²⁴⁰ Berzins J. Civil War in Syria: Origins, Dynamics, and Possible Solutions // Strategic Review of National Defence Academy of Latvia. – 2013. – №. 7. p. 2

²⁴¹ Zisser, E. Can Assad's Syria Survive Revolution? // Middle East Quarterly. – 2013. Vol. 20, № 2, pp. 65-71.

²⁴² Land A. Assad's Divide and Conquer Strategy Is Working // Foreign Policy. 28.03.2018 [Electronic resource] Mode of access: <https://foreignpolicy.com/2018/03/28/assads-divide-and-conquer-strategy-is-working/> (дата обращения 12.12.2018)

²⁴³ Kilcullen D., Rosenblatt N. The Rise of Syria's Urban Poor: Why the War for Syria's Future Will Be Fought Over the Country's New Urban Villages. – Caerus Analytics, LLC Fort Lauderdale United States, 2014., p. 35

²⁴⁴ Сирийская армия установила полный контроль над Восточной Гутой // РИА Новости. 12.04.2018 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://ria.ru/syria/20180412/1518441233.html> (дата обращения - 12.11.2018)

поддержку восстанию²⁴⁵. При этом восставшие происходили из религиозных районов провинции, что в очередной раз доказывает определяющую роль исламистских сил в восстании уже на начальном этапе²⁴⁶. Согласно карте боёв на севере Сирии (Карта2), восстание охватило все сельские районы провинции, тогда как правительство контролировало городскую застройку в западной части самого города, а также районы военных баз и аэропорт. Наконец, Карта 3 подтверждает тезис о высоком протестном потенциале сельских суннитских районов и на примере южного театра боевых действий: в то время, как преимущественно под властью правительства оставался крупнейший в регионе город Дера и наиболее развитые населённые пункты вдоль дороги к Дамаску, оппозиция контролировала все окрестные сельскохозяйственные районы.

Второстепенные фронты гражданской войны также свидетельствуют о том, что сельское суннитское население в массе своей решительно примкнуло к антиасадовской оппозиции уже в начале боевых действий. Так, преимущественно сельскохозяйственные суннитские провинции Дейр эз-Зор, Идлиб и Ракка перешли под контроль восставших уже в 2012 г., вскоре после начала полномасштабных боевых действий²⁴⁷. Расклад сил в провинциях Хомс и Хама представлял собой примерно схожую картину. В первой из них оплот антиправительственных сил, ликвидированный лишь в 2018 г., на протяжении гражданской войны находился в аграрных районах к северу от столицы провинции с центром в городке Растан²⁴⁸. Во второй также повстанцы контролировали и проводили все операции из

²⁴⁵ Rebels in Syria's largest city of Aleppo mostly poor, pious and from rural backgrounds. Associated Press. // FOX News. 16.10.2012 [Electronic resource] Mode of access: <https://www.foxnews.com/world/rebels-in-syrias-largest-city-of-aleppo-mostly-poor-pious-and-from-rural-backgrounds> (дата обращения: 06.09.2018)

²⁴⁶ Там же

²⁴⁷ White J., Tabler A. J., Zelin A. Y. Syria's Military Opposition // Washington Institute for Near East Policy for Near East Policy. – 2013. – p. 3

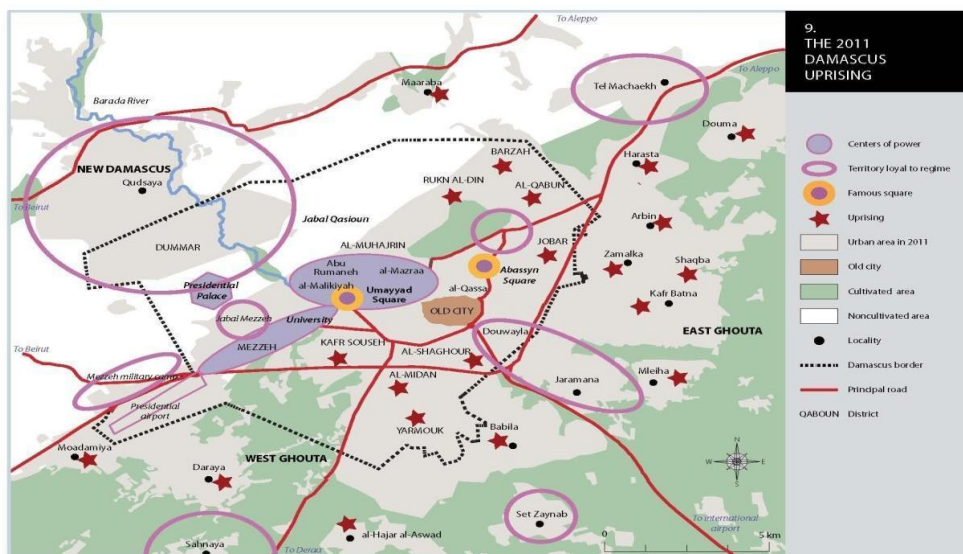
²⁴⁸ Syrian Government Forces Seize Last Rebel Enclave in Homs. Associated Press. // US News. 15.05.2018 [Electronic resource] Mode of access: <https://www.usnews.com/news/world/articles/2018-05-15/syrian-government-forces-seize-last-rebel-enclave-in-homs> (дата обращения - 07.08.2018)

северных сельскохозяйственных районов, примыкающих к Идлибу, и практически не имели баз в самом городе²⁴⁹.

Таким образом, если в период правления Х. Асада сельское суннитское население Сирии выступало одной из основ власти президента, что было обусловлено его благоприятной политикой, то социально-экономические проблемы, с которыми столкнулась эта группа населения страны в период президентства Б. Асада, сделали её одной из основ оппозиции его власти и обусловили его антиасадовскую позицию в текущем десятилетии.

²⁴⁹ Enders D. Weeks spent with Syrian rebels reveal a force of Sunni Muslim civilians // McClatchy Newspapers. 25.06.2012 [Electronic resource] Mode of access: <https://www.mcclatchydc.com/news/nation-world/world/article24731650.html> (дата обращения - 14.08.2018)

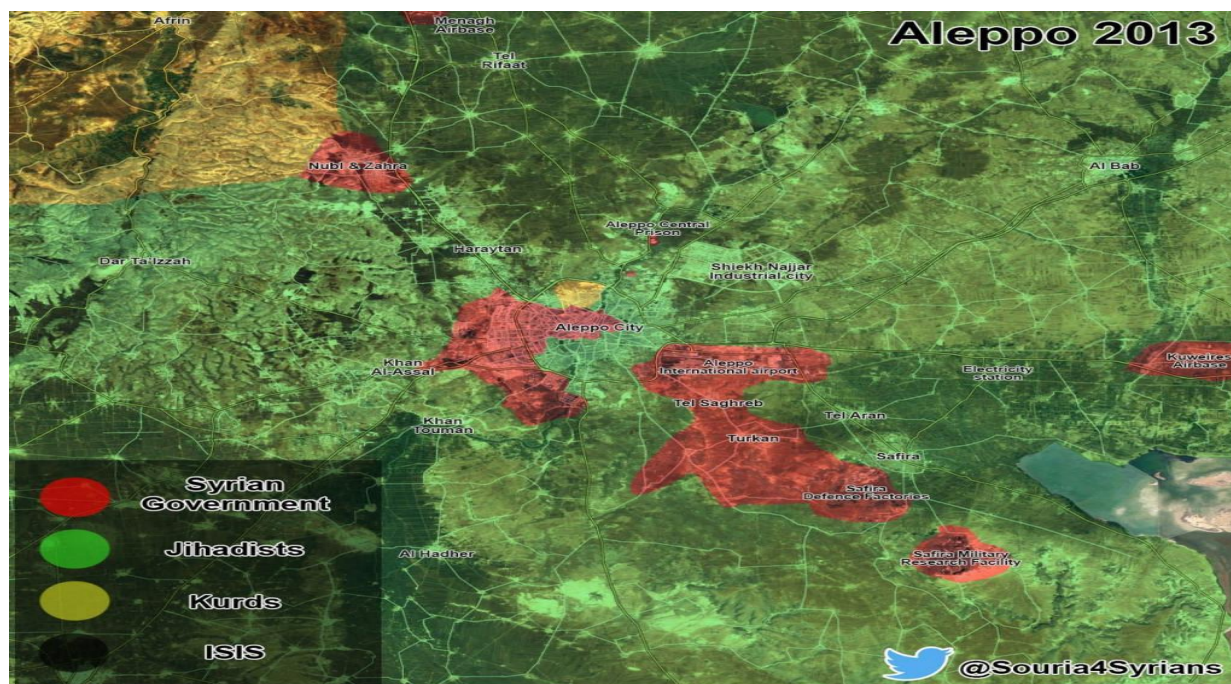
Карта 1. Очаги восстания в регионе Дамаска в 2011 г.²⁵⁰



10

FABRICE BALANCHE

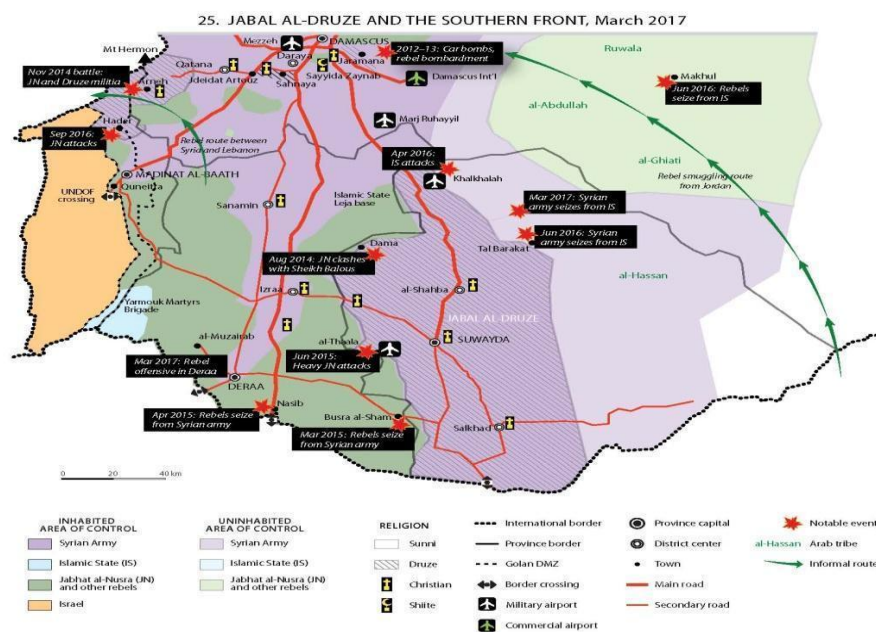
Карта 2. Восстание в провинции Алеппо²⁵¹.



²⁵⁰ Balanche F. Sectarianism in Syria's Civil War. The Washington Institute for Near East policy. 2018. P.10

²⁵¹ Maps comparison: Aleppo city in 2013 vs Aleppo city in 2016 // SouthFront. 27.07.2016 [Electronic resource] Mode of access: <https://southfront.org/map-comparison-aleppo-city-in-2013-vs-aleppo-city-in-2016/> (дата обращения - 02.07.2018)

Карта 3. Положение правительства и оппозиции в южном регионе в 2011 г.²⁵²



²⁵² Balanche F. Sectarianism in Syria's Civil War. The Washington Institute for Near East policy. 2018. P. 40

§3. Средние и бедные суннитские городские слои как маргинализируемая группа сирийского населения

3.1. Показатели социально-экономического развития суннитских городов

Иная с самого начала ситуация прослеживается в отношении суннитов, принадлежавших к средним и бедным городским слоям. Анализ социально-экономического развития Сирии при Х. Асаде показывает, что, в отличие от суннитской религиозной и торгово-предпринимательской элиты, с одной стороны, и сельского суннитского населения, с другой, бедные и средние городские слои не только не пользовались никакими мерами поддержки со стороны власти, но и, напротив, были наиболее маргинализированным элементом сирийского общества. Наметившийся ещё в 1920-е – 1930-е гг. радикализм средних и низших городских слоёв объясняется не в последнюю очередь тем фактом, что мелкие торговцы и ремесленники были главной жертвой засилья иностранных товаров под французским мандатом²⁵³. В баасистский период он тоже имел экономическую подоплёку. В то время, как режим установил союзнические отношения с крупной буржуазией и в то же время выделял щедрое финансирование для улучшения жизни аграрных районов, эти «средние» слои оказались фактически исключены из его сферы интересов. Меры по централизации экономической жизни сильно ударили по мелким торговцам, ставшим объектом различных налогов, запретов и ограничений. Централизация экспорта и импорта под патронажем государства, рост бюрократии, ограничения мелкой розничной торговли – проблемы, унаследованные Х. Асадом от левых баасистов – не были разрешены в 1970-е гг., что усиливало протестные настроения среднего класса и низших слоёв²⁵⁴. Меры по поддержке сельского хозяйства также косвенно затрагивали эти слои – так, снижение производства хлопка, ставшее мерой режима по диверсификации

²⁵³ Lefèvre R. *Ashes of Hama: The Muslim Brotherhood in Syria*. Oxford University Press, USA. 2013. P. 13

²⁵⁴ Пир-Будагова Э. П. История Сирии, XX век // Москва: ИВ РАН. – 2015. С. 334

продуктов сельского хозяйства и увеличения производства других культур, отразилось на падении предложения и росте цен на этот товар, что стало проблемой для городских ремесленников. Мелкие торговцы — существенная часть потенциального актива Братьев-мусульман — имели большие проблемы в виде роста сельскохозяйственных кооперативов с одной стороны и ассоциаций потребителей с другой, в результате чего и те, и другие навязывали свои правила игры торговцам и делали их работу сложнее²⁵⁵. Вдобавок к вышеупомянутым проблемам, масштабная миграция в города и «рурализация» привели к неконтролируемому росту цен на жильё в городах. Ситуацию усложнял тот факт, что «сук» - мелкий розничный рынок в ремесленных кварталах городов — являлся оплотом религиозного консерватизма²⁵⁶. Что касается среднего городского класса, его представители — учителя, врачи, адвокаты, инженеры - обладали образованием и амбициями, однако при монополии баасистов на власть и их заботой о других социальных группах они не имели перспектив в экономической и политической сферах для реализации своих чаяний. Если в 1960-е — 1970-е гг. многие представители профессий находились на заработках за рубежом, главным образом, в Иордании и странах Персидского залива, в 1970-1980-х гг. эта опция в силу политических причин была осложнена для сирийцев, вынужденных вернуться домой, где не было такого количества оплачиваемых рабочих мест, отвечающих их квалификации. Вдобавок, в данный период в силу урбанизации в городах появилось множество выходцев из сельских районов, принадлежавших к этноконфессиональным меньшинствам, которые получали образование инженеров, учителей, юристов и врачей²⁵⁷. В то время, как появление и распространение подобного образования среди сельских сирийцев явилось

²⁵⁵ Batatu H. Syria's peasantry, the descendants of its lesser rural notables, and their politics. Princeton University Press, 1999. P. 264

²⁵⁶ Khoury P. S. Syria and the French Mandate: The Politics of Arab Nationalism, 1920-1945. — Princeton University Press, 2014. — Vol. 487. p. 609

²⁵⁷ Pipes D. The Alawi capture of power in Syria // Middle Eastern Studies. — 1989. — Vol. 25. — №. 4. — pp. 429-450.

результатом социально-экономической политики Х. Асада, направленной на подъём уровня сельского населения, при котором, как было доказано выше, суннитское крестьянство получало такие же преференции, массовый приток в города выходцев из ранее маргинализированных общин вызывало особое раздражение у городских суннитов, видевших в пришельцах (иногда справедливо) людей, отнимающих их рабочие места. В этой связи показателен тот факт, что во время первоначальных оппозиционных выступлений городской бедноты в 2011 г. одним из популярных лозунгов городской оппозиции было «отправить Башара обратно на ферму»²⁵⁸, что следует расценивать как недовольство городских суннитов алавитской миграцией из сельских районов в города и занятием рабочих мест, ранее традиционно находившихся в распоряжении суннитов. Вдобавок к этому, в 1970-1980-е гг. в Сирии происходила форсированная урбанизация простого сельского населения без образования. Сотни тысяч крестьян устремились в города, что привело к снижению протестного потенциала в сельских районах и его росту в городских. Они селились на окраинах Дамаска, Алеппо, Хамы, Хомса и других крупных агломераций и создавали трущобные районы, характеризующиеся чрезвычайно низким уровнем жизни, преступностью и социально-экономической нестабильностью²⁵⁹. Будучи не в состоянии найти хорошо оплачиваемую работу и обеспечить своим семьям достойный уровень жизни, новые переселенцы представляли собой потенциальный контингент для исламистов, успешно действующих в их среде и перенаправлявших их социально-экономические проблемы в русло оппозиции режиму. При этом, если первоначально правительство пыталось бороться с неконтролируемой миграцией в города, то начиная с середины 1980-х гг. оно решило «цивилизовать» вновь созданные трущобы, проведя электрификацию, развитие дорожной сети, систем

²⁵⁸ Kerr M., Larkin C. (ed.). *The Alawis of Syria: War, faith and politics in the Levant*. – Oxford University Press, 2015. P. 155

²⁵⁹ Seale P. *Asad: the struggle for the Middle East*. – University of California Press, 1990. Pp. 443-444

здравоохранения и образования²⁶⁰. Тем не менее, эти меры не дали достаточного эффекта, и большинство городских окраин представляли собой слабо контролируемые властью нищие районы, ставшие оплотом консерватизма, исламской оппозиции и преступности. Одним из наиболее значительных негативных факторов, влияющих являлась гиперинфляция. Наибольших масштабов она достигла в 1980-е гг. При этом если 1 доллар США в 1979 г. стоил 3.90 с.л., то к 1985 г. он вырос до 10 с.л. и до 45 с.л. к 1990 г., атем упал до 26 с.л.²⁶¹ В отличие от сельского населения, в значительной степени потреблявшего продукты собственного производства, население городов, получавшее фиксированную зарплату, было наиболее подвержено валютным колебаниям.

Статистические данные также говорят о том, что в период правления Х. Асада городское суннитское население было наиболее маргинализированным в социально-экономическом плане. Согласно Таблице 25, к 1997 г. в суннитском северо-восточном регионе и смешанном, но преимущественно суннитском центральном (представители меньшинств в Хомсе и Хаме селились в основном в сельской местности) процент бедных людей достигал соответственно 13.9% и 14.8%. Эти данные представляются более высокими по сравнению с алавитским прибрежным регионом, где такие факторы, как международная торговля, туризм и др. (см. Главу 1) смягчали проблемы городских слоёв. Южный регион, городское население которого было смешанным (хотя сунниты составляли там большинство), имел самые низкие показатели бедности, что, однако, объясняется наличием в этой группе провинций столицы – Дамаска. Таким образом, по итогам правления Х. Асада основная часть суннитского городского населения страны – проживающая в центральных, северных и восточных регионах – демонстрировала самые высокие показатели бедности. При этом данные городские районы по уровню бедности были

²⁶⁰ Ibid.

²⁶¹ Seifan S. The Road to Economic Reform in Syria // Syria Studies. 2010. Vol. 2. №. 3. P. 8

сопоставимы с сельскими районами тех же провинций (см. Таблицу 3 в главе 1), которые ранее традиционно отставали от городских в вопросах развития. Это доказывает, что разрыв между городом и деревней при Х. Асаде действительно сократился в пользу второй.

Таблица 25. Процент городского населения за чертой бедности по регионам²⁶²

Регион	1997 г.
Прибрежный (Латакия и Тартус)	11.3
Южный (Дамаск, Риф Дамаск, Сувейда, Дера, Кунейтра)	10.7
Центральный (Хомс, Хама)	14.8
Северо-восточный (Идлиб, Алеппо, Ракка, Дейр эз-Зор, Хасеке)	13.9
В целом по стране	12.6

Данный тезис подтверждается и данными по потребительским расходам. Согласно Таблице 26, в суннитских городах северо-востока и центра страны месячные расходы домохозяйств составляли чуть больше 3 тысяч с.л., в то время,

²⁶² Syrian Arab Republic Third National MDGs Progress Report. United Nations Development Programme. Портал Программы развития ООН. [Electronic resource] Mode of access: <http://www.undp.org/content/dam/rbas/report/MDGR-2010-En.pdf> (дата обращения: 04.03.2018), p. 21

как в смешанном южном и прибрежном алавитском регионах они находились около отметки в 3.8 тыс. с.л.

Низкие показатели социально-экономического развития городского суннитского населения при Х. Асаде усугубились в десятилетие предвоенного правления Б. Асада. По данным, приведённым в Таблице 26, с 1997 по 2007 гг. реальные расходы домохозяйств в суннитских городских районах, в отличие от алавитских и смешанных, остались на низком уровне. Так, в прибрежном алавитском регионе этот показатель вырос на 482 с.л., в южном смешанном он даже несколько упал (на 19 с.л.), при этом в суннитском северо-восточном регионе рост составил 123 с.л., а в центральном регионе с преимущественно суннитским населением этот показатель вырос на 357 с.л. Однако в целом оба суннитских региона остались практически на таком же низком уровне: если в южном и прибрежном регионах расходы в 2007 г. составляли 3.8 тыс. с.л. и 4.3 тыс. с.л. в месяц, то в обоих суннитских – всего 3.1 тыс. с.л. и 3.3 тыс. с.л. При этом стоит отметить, что отрицательный рост показателя в южном регионе произошёл из-за притока в города юга в данное десятилетие до 1 млн. суннитских беженцев (см. стр. 94), пополнивших ряды городской бедноты.

Таблица 26. Ежемесячные расходы городских домохозяйств по регионам Сирии²⁶³.

Регион	1996 г.	2007 г.
Прибрежный (Латакия и Тартус)	3857	4339

²⁶³ Khalid Abu-Ismaïl, Ali Abdel-Gadir, Heba El-Laithy. Poverty and Inequality in Syria (1997- 2007). Arab Development Challenges Report Background Paper 2011/15. Портал Программы развития ООН. [Electronic resource] Mode of access: http://www.arabstates.undp.org/content/dam/rbas/doc/poverty/BG_15_Poverty%20and%20Inequality%20in%20Syria_FeB.pdf (дата обращения: 04.03.2018) p. 9

Южный (Дамаск, Риф Дамаск, Сувейда, Дера, Кунейтра)	3796	3777
Центральный (Хомс, Хама)	3022	3379
Северо-восточный (Идлиб, Алеппо, Ракка, Дейр эз-Зор, Хасеке)	3027	3150
В целом по стране	3558	3528

Таблица 27 приводит данные по уровню бедности в городских районах Сирии в 1997 и 2007 гг. В алавитском прибрежном регионе она упала практически в 2 раза - с 11.3% до 5.6%. В южном смешанном регионе она осталась на том же уровне - снизилась с 10.7% до 10.6%. Однако подобные неудовлетворительные результаты снижения её уровня являются, по-видимому, следствием миграции в регион 1 млн бедных суннитов в 2000-2010 гг. В главном же суннитском северо-восточном регионе она снизилась незначительно - с 13.9% до 10.8%. В центральном, преимущественно суннитском, регионе уровень бедности значительно сократился. Однако данные Таблицы 2 из Главы 1 показывают, что, несмотря на это, Хомс и Хама находились сильно позади городов юга и побережья в «расходах на развлечения». Следовательно, несмотря на то что уровень бедности в этих городах был существенно снижен, население продолжало жить в них достаточно скромно.

Таблица 27. Уровень городской бедности в регионах Сирии в 2007 г.²⁶⁴

²⁶⁴ Syrian Arab Republic Third National MDGs Progress Report. United Nations Development Programme. Поправки Программы развития ООН. [Electronic resource] Mode of access: <http://www.undp.org/content/dam/rbas/report/MDGR-2010-En.pdf> (дата обращения: 04.03.2018), p.21

Регион	1996 г.	2007 г.
Прибрежный (Латакия и Тартус)	11.3%	5.6%,
Южный (Дамаск, Риф Дамаск, Сувейда, Дера, Кунейтра)	10.7%	10.6%,
Центральный (Хомс, Хама)	14.8%	7.8%.
Северо-восточный (Идлиб, Алеппо, Ракка, Дейр эз-Зор, Хасеке)	13.9%	10.8%.
В целом по городам страны	12.6%	9.9%

Таким образом, в годы предвоенного правления Б. Асада явно обозначилось отставание суннитского городского населения северо-востока в вопросах социально-экономического развития. С неудовлетворительными условиями жизни новых суннитских мигрантов было связано и отсутствие прогресса в социально-экономических вопросах южного региона. Определённые успехи были достигнуты в преимущественно суннитских городских районах центра страны, однако по уровню расходов жителей Хомс и Хама по-прежнему значительно оставали от городов юга и средиземноморского побережья.

Подобная стагнация была следствием политики либерализации экономики, утверждённой на 10 конгрессе Баас в 2005 г., однако фактически начатая с приходом Б. Асада к власти. Были сокращены пенсии и государственные субсидии на продукты питания и топливо, прекратило расти количество рабочих мест в госсекторе, осуществлена программа приватизации медицинских и образовательных учреждений²⁶⁵. В результате удовлетворение базовых социально-

²⁶⁵ Daher, J. Syria: the social origins of the uprising // RLS. 01.07.2018 [Electronic resource]. Mode of access: <https://www.rosalux.de/en/publication/id/39116/syria-the-social-origins-of-the-uprising/> (дата обращения: 21.07.2018)

экономических потребностей стало трудноосуществимо с материальной точки зрения для малоимущих городских слоёв²⁶⁶. По признанию министра экономики страны А. Дардари, в 2009 г. средний сириец тратил на продукты питания 42% своих доходов²⁶⁷.

Подробная статистика по социально-экономическому развитию сирийских городов заканчивается на 2007 г., однако известно, что в последующие несколько лет ситуация в суннитских городах страны сильно ухудшалась. Главной причиной этого явился кризис в сельскохозяйственных районах северо-востока, описанный в предыдущем разделе. Засуха 2007 г. привела к тому, что во вторую часть предвоенного правления Б. Асада около 2-3 млн суннитов в сельских областях потеряли средства к существованию, что привело к их масштабной миграции в города страны²⁶⁸. Правительство не публиковало открытых данных относительно масштабов этой миграции и ограничивало доступ иностранных журналистов и экономистов для оценки ситуации. Однако известно, что в 2007-2009 г. из суннитских районов северо-востока в города мигрировало до 60 тысяч семей²⁶⁹, а в последующие 2 года - ещё 80 тысяч²⁷⁰, что в сумме составляет более миллиона человек.

По оценкам экспертов, из-за масштабного притока сельского суннитского населения уровень бедности в городах страны вырос за конец 2000-х гг. примерно

²⁶⁶ Abboud, Samer (2015), "Locating the "Social" in the Social Market Economy", in Hinnebusch R., Zintl T. Syria from Reform to Revolt: Political Economy and International Relations. – Syracuse University Press, 2014. p. 55

²⁶⁷ Syria: Economy. Интернет-портал GlobalSecurity.org. [Electronic resource]. Mode of access: <https://www.globalsecurity.org/military/world/syria/economy.htm> (дата обращения: 09.09.2018)

²⁶⁸ Drought pushing millions into poverty // IRIN News. 09.09.2010. [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.irinnews.org/report/90442/syria-drought-pushing-millions-poverty> (дата обращения: 09.09.2018)

²⁶⁹ Syria's Drought Response Plan. 2010. United Nations. [Electronic resource]. Mode of access: https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/2A1DC3EA365E87FB8525760F0051E91A-Full_Report.pdf (дата обращения: 10.05.2018) p.5

²⁷⁰ De Schutter O. UN Special Rapporteur on the Right to Food: Mission to Syria from 29 August to 7 September 2010 – 2014. [Electronic resource]. Mode of access: https://www2.ohchr.org/english/issues/food/docs/SyriaMissionPreliminaryConclusions_07092010.pdf (дата обращения: 11.05.2018), p.2

вдвое²⁷¹. Особенно это коснулось южного региона, принявшего большую часть суннитских переселенцев: по данным ООН, ещё до начала масштабных миграций (2007-2008 гг.) процент частично занятых работников в городах региона вырос с 13.6% в 2004 г. до 20.2% в 2007 г.²⁷² Новое городское суннитское население оседало в бедных трущобных районах, создавало палаточные города в пределах и за городской чертой и не получало, по большому счёту, какой-либо помощи от правительства²⁷³. Таким образом, непривлекательное социально-экономическое положение суннитского городского населения в начале и середине предвоенного правления Б. Асада ещё сильнее ухудшилось в последние годы затрагиваемого периода в результате притока в города разорившихся сельских переселенцев.

При этом в правление Б. Асада повысилось благосостояние зажиточных горожан. Политика либерализации экономики привела к тому, что средний класс, особенно его высшая страта, проживал в относительном благополучии. Именно эти слои населения сирийских городов, по оценкам специалистов, стали основными бенефициарами троекратного увеличения ВВП и политики открытости²⁷⁴. В данное десятилетие богатели обеспеченные кварталы городов²⁷⁵. Крупный частный сектор стал основным двигателем экономики²⁷⁶, достигнув к 2010 г. 65% ВВП и обеспечивая 75% рабочих мест²⁷⁷. Крупный частный бизнес получал преференции

²⁷¹ Achy L. Syria: Economic hardship feeds social unrest. Los Angeles Times. // Carnegie Middle East Center. – 2011. [Electronic resource] Mode of access: <http://carnegie-mec.org/2011/03/31/syria-economic-hardship-feeds-social-unrest-pub-43355> (дата обращения: 09.11.2018)

²⁷² Khalid Abu-Ismaïl, Ali Abdel-Gadir, Heba El-Laithy. Poverty and Inequality in Syria (1997- 2007). Arab Development Challenges Report Background Paper 2011/15. Портал Программы развития ООН. [Electronic resource] Mode of access: http://www.arabstates.undp.org/content/dam/rbas/doc/poverty/BG_15_Poverty%20and%20Inequality%20in%20Syria_FeB.pdf (дата обращения: 04.03.2018), pp. 25-26

²⁷³ Syria's Drought Response Plan. 2010. United Nations. [Electronic resource]. Mode of access: https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/2A1DC3EA365E87FB8525760F0051E91A-Full_Report.pdf (дата обращения: 10.05.2018), p.9

²⁷⁴ Kilcullen D., Rosenblatt N. The Rise of Syrias Urban Poor: Why the War for Syrias Future Will Be Fought Over the Countrys New Urban Villages. – Caerus Analytics, LLC Fort Lauderdale United States, 2014, p.34

²⁷⁵ Ibid, p. 35

²⁷⁶ Abboud, Samer (2015), "Locating the "Social" in the Social Market Economy", in Hinnebusch R., Zintl T. Syria from Reform to Revolt: Political Economy and International Relations. – Syracuse University Press, 2014. P. 55

²⁷⁷ Daher, J. Syria: the social origins of the uprising // RLS. 01.07.2018 [Electronic resource]. Mode of access: <https://www.rosalux.de/en/publication/id/39116/syria-the-social-origins-of-the-uprising/> (дата обращения: 21.07.2018)

от правительства в инвестициях и налоговом режиме (там же), что положительно сказывалось на управленцах и части сотрудников данных компаний. По некоторым оценкам, малые и средние предприятия составляли 95% частного сектора и, даже в условиях доминирования крупного бизнеса, на них приходилось около 40% теневой экономики²⁷⁸, что приносило большие доходы их владельцам и менеджерам. Это позволило сделать капитал заметной части суннитского городского населения, лишённой такой возможности в предыдущее десятилетие господства в экономике государства. Развитие социальной инфраструктуры городов обеспечило повышение жизненных стандартов имущих жителей²⁷⁹.

Стоит также отметить, что в период президентства Б. Асада плачевное материальное положение городских низов и отсутствие заботы о них со стороны государства привели к тому, что исламистские джамааты и объединения взяли на себя функции социально-экономической и культурной помощи населению. В 2000-е гг. в городах возникла целая сеть образовательных, благотворительных и информационных организаций, подконтрольная местному духовенству²⁸⁰. Это увеличило авторитет религии и религиозных организаций в глазах бедного суннитского населения, что привело в будущем к его быстрой радикализации.

3.2. Городское суннитское население как главная база оппозиции

Подобные плачевные социально-экономические условия стали определяющими для активной и радикальной оппозиции этих слоёв власти, нашедшей проявление в виде исламского радикализма. Средние и низшие городские слои не были основоположниками и главной движущей силой движения Братьев-мусульман в Сирии в добаасистский период. Организация уходила

²⁷⁸ Hamlo, K. Syria's war kills middle class // The Arab Weekly. 06.11.2015 [Electronic resource]. Mode of access: <https://the arabweekly.com/syrias-war-kills-middle-class> (дата обращения: 08.08.2018)

²⁷⁹ Simpson, M. Under Pressure, Syria Ends Economic Liberalization, Worsening Outlook // The Atlantic. 25.05.2011 [Electronic resource]. Mode of access: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2011/05/under-pressure-syria-ends-economic-liberalization-worsening-outlook/239417/> (дата обращения: 13.05.2018)

²⁸⁰ Pierret T. Sunni Clergy Politics in the Cities of Ba'ṯhi Syria // Demystifying Syria. Londres : Saqi, 2009. Pp. 70-75

корнями в интеллектуальные и богословские кружки османских времён, членами которых были представители аристократии - улемы, состоятельные купцы и потомственная аристократия²⁸¹. Однако на основании данных, приведённых в исследованиях канадского востоковеда Р. Лефевра, можно утверждать, что именно массовое вливание выходцев из бедных и средних городских слоев в БМ привело к радикализации движения. Ещё в первой половине XX в., до официального образования БМ в Сирии, наиболее консервативные и традиционалистские исламские силы были представлены выходцами из среды учителей, адвокатов и малых шейхов (старост)²⁸². Массовые протесты под исламскими лозунгами 1920-х – 1940-х гг., организованные первой организацией подобного толка «Аль-Гарра», характеризовались участием в основном городских низов Дамаска, Алеппо, Хомса и Хамы²⁸³. Уже в 1964 обозначился раскол между умеренными верхами и радикальными низами суннитской общины, когда городские низы Хамы стали вооружаться для противостояния с правительством вопреки непрекращающимся попыткам руководства БМ остановить их²⁸⁴. В 1967 г., когда в стране вновь разгорелись протесты из-за «безбожной» публикации баасистского офицера, главную роль в них играл «народный» шейх Хасан Хабаннака, религиозный авторитет в дамасском торгово-ремесленном квартале Мидан, на фоне молчания улемов из «суннитской аристократии». Сам Хабаннака происходил из семьи мелких торговцев и ремесленников²⁸⁵. Таким образом, данные группы суннитского населения обозначили свою радикальную антиправительственную позицию уже в доасадовский период.

²⁸¹Lefèvre R. *Ashes of Hama: The Muslim Brotherhood in Syria*. Oxford University Press, USA. 2013. Pp. 3-19

²⁸² Ibid., p. 12

²⁸³ Khoury P. S. *Syria and the French Mandate: The Politics of Arab Nationalism, 1920-1945*. – Princeton University Press, 2014. Vol 487. Pp. 608-609

²⁸⁴ Lefèvre R. *Ashes of Hama: The Muslim Brotherhood in Syria*. Oxford University Press, USA. 2013. P. 45

²⁸⁵ Pierret T. *Religion and State in Syria: The Sunni Ulama from Coup to Revolution*. – Cambridge University Press, 2013. P. 45

Традиционно крепкое положение в городах страны исламистских организаций и неблагоприятная социально-экономическая политика власти привели к сохранению протестных настроений в среде городской бедноты и среднего класса. Анализ происхождения и социально-экономического статуса наиболее радикальных деятелей исламистской оппозиции периода правления Х. Асада обнаруживает, что практически все они относились к бедным городским слоям, а руководящие позиции в исламистском движении занимали представители городского среднего класса. Пожалуй, единственным спорным моментом здесь является происхождение Марвана Хадида, первого «мученика режима» и вдохновителя сирийского воинствующего исламизма. Основатель экстремистского «Сражающегося авангарда» происходил из семьи богатых торговцев из Алеппо. Однако вместо стандартных для этого класса занятий – религиозного образования или торговли – М. Хадид избрал путь сельскохозяйственного инженера, более того, после начала исламистской деятельности он прекратил общение с семьёй, остальные члены которой придерживались иного мировоззрения и даже работали на правящий режим²⁸⁶. Таким образом, несмотря на происхождение, М. Хадида в силу профессии и отсутствия семейных связей можно отнести к городскому среднему классу. Все известные лидеры организации, созданной им и явившейся олицетворением радикальной исламистской оппозиции Х. Асаду, происходили из городского среднего класса. Преемник М. Хадида на посту главы «Сражающегося авангарда» - Абдель Саттар Заим, человек, во второй половине 1970-х превративший «Авангард» из одиночной группы в сеть законспирированных, имеющих ячейки во всех городах отрядов – принадлежал к среднему классу и был

²⁸⁶ From the Heart of the Syrian Crisis: A Report on Islamic Discourse, between a Culture of War and the Establishment of a Culture of Peace. Adyan Foundation, 2015 [Electronic resource]. Mode of access: http://www.adyanonline.com/pluginfile.php/4253/mod_resource/content/2/BRR%20-%20EN%20-%20Report%20on%20Islam%20between%20extremism%20and%20peace-building%20in%20Syria.pdf (дата обращения: 16.03.2018), p. 25

по профессии дантистом²⁸⁷. Идеологом организации стал А. Укле, сын пекаря, а впоследствии полицейского из г. Кунейтра²⁸⁸. Командиром алеппского отделения группировки был Хусни Абу, являвшийся сыном торговца и учителем французского²⁸⁹. К среднему городскому классу, несмотря на знатное происхождение, принадлежала семья и сирийского боевика и (в будущем) идеолога глобального джихада Абу Мусаба ас-Сури. В период 1980-х — 1990-х гг. после смерти А. Укле «Авангард» возглавил инженер Фарук Тайфур²⁹⁰. Ни одного выходца из высших суннитских слоёв или из сельской местности, равно как и совсем бедных горожан, в руководстве «Авангарда» не было. Что же касается рядовых членов Авангарда и других организаций вооружённой оппозиции, исследователи сходятся во мнении, что подавляющее большинство из них являлись студентами университетов и старшей школы, а также ремесленниками и мелкими торговцами, то есть выходцами из бедных городских слоёв²⁹¹.

Антибаасистский мятеж городских низов в Хаме в 1964 г., возглавленный М. Хадидом, обозначил разрыв между умеренным «аристократическим» руководством БМ, не желавшим радикализации движения, и основной массой членов — выходцев из низших и средних городских слоёв. Этот разрыв давал о себе знать на протяжении 1960-х — начала 1970-х гг. В то время, как первые не желали эскалации напряжённости и перерастания её в горячую фазу, вторые выступали за более активные действия против режима Х. Асада. Такие личности, как М. Хадид, призывающие к вооружённому джихаду против баасистов, не получали никакой поддержки со стороны руководства БМ, состоявшего в тот момент из

²⁸⁷ Batatu H. Syria's peasantry, the descendants of its lesser rural notables, and their politics. Princeton University Press, 1999. P. 265

²⁸⁸ Seale P. Asad: The struggle for the Middle East. — University of California Press, 1990. P. 325

²⁸⁹ Batatu H. Syria's peasantry, the descendants of its lesser rural notables, and their politics. Princeton University Press, 1999. P. 266

²⁹⁰ Mohammad Farouk Tayfour // Carnegie Middle East Center. 01.02.2012 [Electronic resource]. Mode of access: <http://carnegie-mec.org/publications/?fa=48371> (дата обращения: 23.03.2018)

²⁹¹ Lefèvre R. Ashes of Hama: The Muslim Brotherhood in Syria. Oxford University Press, USA. 2013. P. 106

аристократической «Дамасской ветви»²⁹². Также организацию не поддерживали знатные высокопоставленные улемы. Единственные представители духовенства, поддерживающие радикалов, были по происхождению и статусу «малыми» шейхами - выходцами из средних и бедных городских слоёв, часто по совместительству являвшиеся мелкими торговцами или ремесленниками²⁹³. Учитывая отрицательный эффект экономической политики баасистов по отношению к этим группам населения, связь между социально-экономическим положением этих шейхов и их позицией по отношению к власти становится очевидной.

Приход к власти представителей средних и низших городских слоёв в самой ОБМ после 1975 г. способствовал радикализации движения. Во главе организации встал выходец из небогатой городской семьи г. Хама Аднан Саадддин (1975-1981). Сильные позиции в движении оказались в руках «Хамавитского клана», состоявшего в основном из этих же слоёв и отличавшегося жёстким подходом к взаимоотношениям с правительством²⁹⁴. При нём ОБМ встала на путь постепенного наращивания сотрудничества с радикалами из «Авангарда», имеющими схожее социально-экономическое происхождение. После создания в 1980 г. под патронажем Саададдина Объединённого командования было создано вооружённое крыло БМ, которое возглавил Саид Хавва, также хамавит и выходец из бедной семьи самого депрессивного района г. Хомс²⁹⁵.

После поражения восстания в Хаме в 1982 г. радикализм исламистов, происходивших из городских низов и среднего класса, долгое время не смягчался. Примечательно, что на призыв С. Хавва в марте 1982 г. собрать новые силы для

²⁹² Ibid., pp. 82-88

²⁹³ Личный разговор автора с представителями посольства САР в Москве 23.03.2018

²⁹⁴ Abdul Reda A. Framing Political Islam: Syria's Muslim Brotherhood and the 2011 Uprising // American Journal of Islamic Social Sciences. – 2016. – Vol. 61. – №. 137. – P. 16

²⁹⁵ Weismann I. Sa'id Hawwa: the making of a radical Muslim thinker in modern Syria // Middle Eastern Studies. – 1993. – Vol. 29. №. 4. Pp. 601-605

ведения вооружённой борьбы против баасистов откликнулись, главным образом, сирийцы, находящиеся на заработках в арабских странах и на Западе²⁹⁶ – в основном инженеры, врачи, а также рабочие разного рода. Показателен и тот факт, что Сражающийся авангард, состоявший из представителей этих слоёв, разорвал отношения с БМ после присоединения последних к светскому Национальному альянсу в марте 1982 г. и не пошёл на контакт с правительством на протяжении всего исследуемого периода. Фракция БМ, занявшая схожую непримиримую позицию, возглавлялась А. Саададдином и включала в себя большое количество хамавитов. Учитывая, что по некоторым данным, в Хаме БМ и Авангард фактически слились в начале 1980-х в одну организацию, можно заключить, что в среде этой непримиримой фракции выходцы из низов и среднего класса составляли большинство. Они продолжали проводить отдельные вооружённые акции на территории Сирии на протяжении 1980-х гг и позже²⁹⁷. Таким образом, несмотря на существование земляческих и идеологических различий в противостоянии «алеппской» и «хамавитской» группировок, налицо и социально-экономический подтекст.

Необходимо отметить, что коммуналистскую и шовинистическую риторику исламской оппозиции придали именно выходцы из средних городских слоёв. Именно такие личности, как Марван Хадид, Аднан Укле, Саид Хавва и Абу Мусаб ас-Сури ввели в оборот такие обозначения сирийских властей, как «неверные нусайриты», «безбожники», «муртады» и т. п., в то время, как выходцы из высших слоёв суннитской общины старались всячески нивелировать этноконфессиональный компонент в своей пропаганде и воздерживались от антиалавитских высказываний и публикаций²⁹⁸.

²⁹⁶ Lefèvre R. *Ashes of Hama: The Muslim Brotherhood in Syria*. Oxford University Press, USA. 2013. P. 139

²⁹⁷ Abdul Reda, A. *Framing Political Islam: Syria's Muslim Brotherhood and the 2011 Uprising* // *American Journal of Islamic Social Sciences*. – 2016. – Vol. 61. – №. 137. – P. 16

²⁹⁸ Lefèvre R. *Ashes of Hama: The Muslim Brotherhood in Syria*. Oxford University Press, USA. 2013. Pp. 97-98

Основная роль низших городских слоёв в суннитской оппозиции правящему режиму прослеживается и из того факта, что на период роста исламистской активности в стране (1975-1982 гг.) приходится самое сильное падение численности сельского населения Сирии. В 1976-1981 гг. численность трудоспособного населения страны, занятого в сельском хозяйстве, стремительно падала²⁹⁹, что отражает тенденцию масштабной миграции в города. Пополняя ряды городской нищеты и оказавшись «на дне» города, эти люди приобретали значительный протестный потенциал, использовавшийся исламистами в городских демонстрациях, забастовках и столкновениях с силами правопорядка. Характерно, что после 1982 г., когда численность сельского населения стала вновь (и почти непрерывно) расти и не падала за счёт массовых миграций в города, исламистская активность в стране пошла на спад. В 1990-е гг. наблюдалась обратная миграция, когда многие новые горожане переселялись обратно в деревни благодаря улучшению жизненных условий крестьян вкупе с невозможностью найти работу в городе³⁰⁰. Соответственно, протестный потенциал в стране продолжал снижаться, что привело к относительной стабильности в Сирии на протяжении 1990-х гг. В целом, в течение последнего десятилетия власти Х. Асада наблюдался тренд частичного примирения режима с исламистами. Так, за 10 лет на свободу были выпущены практически все заключённые, обвинённые в связях с организацией, а некоторым высшим деятелям движения БМ было позволено вернуться в Сирию при условии отказа от политической деятельности³⁰¹. Однако, несмотря на отсутствие видимой нестабильности и проявлений исламистской оппозиции в 1990-е гг., в стране сохранялась строжайшая цензура и запрет на любые проявления

²⁹⁹ Batatu H. Syria's peasantry, the descendants of its lesser rural notables, and their politics. Princeton University Press, 1999. P. 8

³⁰⁰ Ibid. P. 9

³⁰¹ Porat L. The Syrian Muslim Brotherhood and the Asad Regime // Middle East Brief. – 2010. – Vol. 47. – pp. 5-6

политического ислама³⁰² (впрочем, затрагивающие не только суннитское большинство, но и миноритарные мусульманские общины).

Таким образом, возможно утверждать, что именно выходцы из средних и низших городских слоёв составили основу и главную движущую силу суннитских экстремистских движений против режима Х. Асада. В то время, как подавляющее большинство рядовых членов принадлежало к городской бедноте, во главе радикальных движений становились они же наряду с выходцами из среднего класса, имевшие образование и амбиции. В свою очередь, политическая программа Братьев была наиболее благоприятной именно для низших и средних городских слоёв: они отвергали ограничения предпринимательства со стороны государства, подчёркивали неприкосновенность частного бизнеса и частной собственности, необходимость свободной торговли и частных инвестиций³⁰³. Это добавляло к социально-экономическому противостоянию с баасистской властью идеологический аспект, так как баасизм, при всей своей умеренности в рассматриваемый период, представлял собой левую социалистическую идеологию.

Очевидно, что экономические причины сыграли огромную роль в накоплении протестного потенциала этой группы населения наряду с религиозными и коммуналистскими. В результате в 1970-е — 1990-е гг. численность юристов, учителей, инженеров в партии Баас из числа представителей суннитских провинций во много раз уступала числу их коллег из алавитских Латакии и Тартуса³⁰⁴.

Неблагоприятная социально-экономическая политика властей при Б. Асаде по отношению к бедным городским слоям в суннитских городах вылилась в сохранение в этой группе населения оппозиционных настроений, что было

³⁰² Ibid.

³⁰³ Lefèvre R. *Ashes of Hama: The Muslim Brotherhood in Syria*. Oxford University Press, USA. 2013. P. 52

³⁰⁴ Batatu H. *Syria's peasantry, the descendants of its lesser rural notables, and their politics*. Princeton University Press, 1999. Pp. 186-188

продемонстрировано с началом гражданской войны и активизацией исламистской пропаганды. В Дамаске помимо сельских районов Восточной и Западной Гуты лишь бедные районы поддержали восстание в 2011 г. (см. Карту 1). Базой повстанцев в городе стал квартал Ярмук. При этом известно, что данный квартал по сути является лагерем палестинских беженцев в городской черте со всеми вытекающими низкими социально-экономическими стандартами³⁰⁵. Второй зоной, затронутой восстанием, стали северо-восточные районы, такие, как Барза и Кабур (рабочие кварталы с низким уровнем жизни), сопротивление правительственным войскам в которых продолжалось до 2017 г.³⁰⁶ Обеспеченные кварталы западной части города, а также места проживания среднего класса, такие, как район Аль-Мидан, не примкнули к восстанию и, в случае проникновения на их территорию повстанцев, быстро возвращались под контроль сирийской армии³⁰⁷. Более того, известно, что многие сунниты из средних и обеспеченных городских слоёв формировали проправительственное ополчение для борьбы с попытками джихадистов проникнуть в их кварталы.

Аналогичная ситуация повторилась в Алеппо. На Карте 4 светло-оранжевым цветом выделены "нелегальные" бедные кварталы, стихийно возникшие в последние десятилетия в результате неконтролируемой урбанизации. Пунктирная линия отражает линию фронта, которая практически полностью совпадает с границами, с одной стороны, обеспеченных западных, а с другой, бедных восточных районов. При этом, по свидетельству самих членов вооружённой оппозиции, в 2011-2012 гг. жители обеспеченных кварталов Алеппо не оказали им

³⁰⁵ Chulov, M. Syrian jet fires rocket at Palestinian refugee camp in Damascus // The Guardian. 16.12.2012 [Electronic resource]. Mode of access: <https://www.theguardian.com/world/2012/dec/16/syrian-rocket-palestinian-refugee-camp> (дата обращения: 19.06.2018)

³⁰⁶ Karim, Z. In Damascus, a general feeling that the war is winding down // The Times of Israel. 02.06.2017 [Electronic resource]. Mode of access: <https://www.timesofisrael.com/in-damascus-a-general-feeling-that-the-war-is-winding-down/> (дата обращения: 21.06.2018)

³⁰⁷ Balanche F. Sectarianism in Syria's Civil War. The Washington Institute for Near East policy. 2018. P. 31

никакой поддержки³⁰⁸, в результате чего сельские повстанцы, войдя в город, смогли осесть лишь в бедных восточных кварталах. Население этих кварталов в массе своей состояло из низкооплачиваемых рабочих и служащих предприятий в других частях города³⁰⁹. При этом правительство не испытывало проблем с сохранением контроля не только над богатыми кварталами Шахба и Мохафаза, но и с местами проживания среднего класса - Хамадания и Сулеймания³¹⁰.

Карта 5 города Хомс, третьего по числу жителей в стране, показывает, что восстанием в 2011 г. оказались охвачены именно бедные районы. Так, главной базой оппозиции стал район Баба Амр, отличавшийся высоким уровнем бедности³¹¹. Второй очаг восстания - северо-восток города - также представлял собой бедные кварталы - например, аль-Баальба³¹². Однако, как видно по карты, западные области города оказались незатронутыми восстанием. При этом примечательно, что западная часть города гораздо обеспеченнее восточной³¹³.

Определяющую роль в том, что именно городские слои суннитского населения стали основой оппозиции Б. Асаду, сыграл описанный в предыдущем разделе феномен замещения в городских кварталах официальных государственных экономических, социальных и культурных институтов неофициальными, связанными с мечетями и религиозными организациями. В связи с этим в конце 2000-х гг. многие горожане видели именно в ислализме выход из политических и экономических проблем страны. При этом именно мечети превратились в “штабы” революции в сирийских городах, а вскоре после начала революции популярность

³⁰⁸ Rebels in Syria's largest city of Aleppo mostly poor, pious and from rural backgrounds. Associated Press. // FOX News. 16.10.2012 [Electronic resource] Mode of access: <https://www.foxnews.com/world/rebels-in-syrias-largest-city-of-aleppo-mostly-poor-pious-and-from-rural-backgrounds> (дата обращения: 06.09.2018)

³⁰⁹ Balanche F. Sectarianism in Syria's Civil War. The Washington Institute for Near East policy. 2018. P. 44

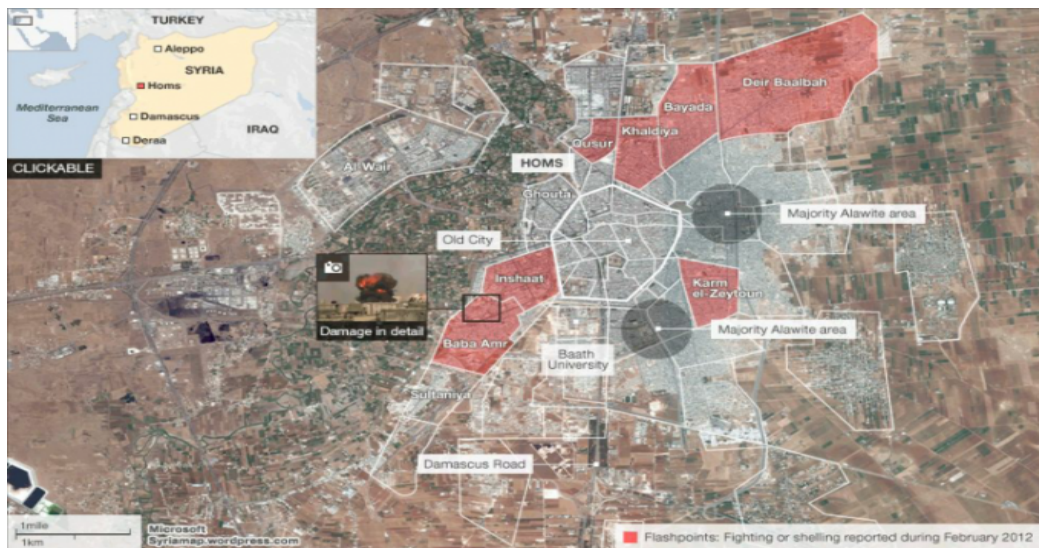
³¹⁰ Ibid.

³¹¹ Syria gov't forces reclaim Homs neighborhood, Baba Amr, known for its support of opposition groups // CBS News. 26.03.2013 [Electronic resource]. Mode of access: <https://www.cbsnews.com/news/syria-govt-forces-reclaim-homs-neighborhood-baba-amr-known-for-its-support-of-opposition-groups/> (дата обращения: 12.07.2018)

³¹² Solomon, E. Syrians find "massacre" on Homs city street // Reuters. 07.04.2012 [Electronic resource]. Mode of access: <https://www.reuters.com/article/us-syria-bodies-idUSBRE83606V20120407> (дата обращения: 17.10.2018)

³¹³ Balanche F. Sectarianism in Syria's Civil War. The Washington Institute for Near East policy. 2018. P. 43

Карта 5. Восстание в г. Хомс (красным)³¹⁶.



§4. Суннитская торгово-промышленная элита Сирии и её союз с властью

4.1. Правительственные меры по улучшению положения сирийского бизнес-сообщества

Что касается крупного суннитского бизнеса, то ещё в 1960-е гг., к началу правления Х. Асада, его позиции были потеснены в результате экономической политики баасистов. Национализация крупных предприятий, изъятие и распределение среди безземельных крестьян сельскохозяйственных угодий и ограничения на торговлю (особенно внешнюю) ударили по основным источникам дохода этой части населения - крупной буржуазии, помещиков-абсентеистов³¹⁷. Попытки баасистов первой волны поставить под контроль систему вакфов

³¹⁶ Syria Unrest: Maps and Videos of Homs Fighting (as of 5 Mar 2012) // ReliefWeb. 05.03.2012 [Electronic resource]. Mode of access: <https://reliefweb.int/map/syrian-arab-republic/syria-unrest-maps-and-videos-homs-fighting-5-mar-2012> (дата обращения: 08.10.2018)

³¹⁷ Пир-Будагова Э. П. История Сирии, XX век // Москва: ИВ РАН. – 2015. Сс. 154-155

напрямую затрагивали положение и религиозной элиты. Всё это дополнялось тем, что, будучи на протяжении десятилетий единственной правящей группой в Сирии, старая суннитская элита Дамаска, Алеппо, Хомса и Хамы оказалась оттеснённой от власти даже в своих городах, где все важные посты занимали баасисты – в основном выходцы из сельских районов страны³¹⁸.

Однако в период правления Х. Асада суннитская буржуазия крупных городов не только не потеряла своих позиций, но и укрепила их. Стремление властей привлечь суннитскую буржуазию на свою сторону привело к обогащению данного класса, что началось ещё с 1970-х гг., но особенно проявилось с началом реформ по либерализации экономики в 1980-е - 1990-е гг. Так, согласно Таблице 28, с 1971 по 1990 гг. количество членов Дамасской торговой палаты, состоявшей из представителей крупного и среднего бизнеса, увеличилось в 2,3 раза, при этом в некоторых классах (палата делилась на 5 «гильдий» в зависимости от капитала членов) число участников выросло в 4 раза.

Таблица 28. Количество членов Торговой палаты Дамаска в первой и второй половинах правления Х. Асада³¹⁹.

Класс бизнесменов (и их капитал)	Количество в 1971 г.	Количество в 1990 г.
Особый (2 млн с.л.)	44	66
1 (1 млн с.л.)	104	331
2 (800 с.л.)	230	868

³¹⁸ Fildis A. T. Roots of Alawite-Sunni Rivalry in Syria // Middle East Policy. – 2012. – Vol. 19. – №. 2. – Pp. 148-156.

³¹⁹ Batatu H. Syria's peasantry, the descendants of its lesser rural notables, and their politics. Princeton University Press, 1999. P. 209

3 (600 с.л.)	627	1381
4 (300 с.л.)	1210	6040
5 (отменена в 1982 г.)	1535	-
ВСЕГО	3750	8686

Таблица 29 предоставляет данные по доле частного сектора в импорте и экспорте страны в исследуемый период. Показательно, что, будучи незначительными в первую половину правления Х. Асада, эти показатели резко вырастают во вторую половину: экспорт почти в 3 раза, импорт в 2.5.

Таблица 29. Доля сирийского частного сектора в экспорте и импорте страны³²⁰.

Год	1975	1980	1985	1990	1995
Доля частного сектора в экспорте	10.2%	7.3%	7.6%	44.6%	28.5%
Доля частного	27.7%	25.8%	15.8%	46%	65.3%

³²⁰ Ibid., pp. 212-213

сектора импорте	в					
--------------------	---	--	--	--	--	--

Во вторую половину 1980-х и в 1990-е гг. правительство начало первый этап экономической либерализации, что отразилось в сотрудничестве с крупным частным капиталом. В 1986 г. Был принят закон №10 о создании смешанных государственно-частных предприятий в сельском хозяйстве³²¹, а в последующие годы для частных инвестиций открылись туризм, транспорт и другие сферы экономики. Суннитская бизнес-элита, особенно та её часть, которая была связана патронажно-клиентельными отношениями с высокопоставленными людьми в партии, правительстве или силовых структурах, стала главным бенефициаром новых экономических возможностей. Кроме того, правительство практиковало послабления налогового режима. Так, в период с 1974 по 1992 гг. примерно в 2 раза снизились налоги на прибыль частных компаний³²². С 1990-х гг. практиковалась практика налоговых каникул для бизнеса.

Подобная благоприятная социально-экономическая политика власти по отношению к крупному бизнесу привела к тому, что к 1997 г. наиболее зажиточные 10% суннитского населения городов северо-восточного (суннитского) региона страны контролировали 27.3% национального дохода, что примерно равнялось доле национального дохода, приходившегося на 50% беднейшего населения (Таблица 30). Это доказывает, что предпринимательский класс вырос и укрепился к 1990-м гг., что неизбежно должно было повысить его лояльность к действующей власти. Известно, что в то время, как тяжёлая и обрабатывающая промышленность находились в основном в руках государства, частный бизнес по-прежнему

³²¹ Seifan S. The Road to Economic Reform in Syria // Syria Studies. 2010. Vol. 2. №. 3. P.9

³²² Batatu H. Syria's peasantry, the descendants of its lesser rural notables, and their politics. Princeton University Press, 1999. P. 209

контролировал банковский сектор и внутреннюю торговлю, включая продукцию сельского хозяйства. При этом, несмотря на появление отдельных «нуворишей», связанных с партийной или военной элитой и сделавших состояние на основе близких взаимовыгодных отношений с лицами во власти, подавляющее большинство торгово-предпринимательской элиты страны по-прежнему составляли сунниты- жители крупных городов³²³. В целом, по замечанию П.А. Рассадина, «сохранив в своих руках военно-политический контроль, Х. Асад был вынужден несколько сдать позиции в финансово-экономической сфере, которая была «отдана на откуп» новым партнёрам по «коалиции» из лояльных мусульмано-суннитских элит»³²⁴.

Таблица 30. Экономическое неравенство в городах в северо-восточном районе Сирии в разные годы³²⁵

	1997 г.	2004 г.	2007 г.
доля доходов верхних 10%	27.3%	30.4%;	27.2%
доля доходов нижних 50%	27.4%	25.5%	27.6%

При Б. Асаде и его программе либерализации экономики суннитская бизнес-элита сохранила своё благоприятное социально-экономическое положение.

³²³ Prados, A.B., Sharp, J.M. Syria: Political Conditions and Relations with the United States After the Iraq War. 2005 [Electronic resource] Mode of access: <https://fas.org/sgp/crs/mideast/RL32727.pdf> (дата обращения: 12.12.2018), p.6

³²⁴ Рассадин, П.А. Конфессиональные меньшинства в общественно-политической жизни Сирии и Ливана : 1943-2010 гг. : диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук : 07.00.03. [Место защиты: Моск. гос. ин-т междунар. отношений]. - Москва, 2011. С. 134

³²⁵ Khalid Abu-Ismael, Ali Abdel-Gadir, Heba El-Laithy. Poverty and Inequality in Syria (1997- 2007). Arab Development Challenges Report Background Paper 2011/15. Портал Программы развития ООН. [Electronic resource] Mode of access: http://www.arabstates.undp.org/content/dam/rbas/doc/poverty/BG_15_Poverty%20and%20Inequality%20in%20Syria_FeB.pdf (дата обращения: 04.03.2018), pp. 11-13

Таблица 30 свидетельствует, что экономические реформы, мыслившиеся как средство борьбы со стагнацией экономики и низким материальным уровнем жизни средних горожан, не привели к сокращению разрыва в доходах суннитской элиты и низших городских слоёв. К последним годам предвоенного периода суннитская экономическая элита сохранила свой удельный вес в распределении национального дохода по сравнению с периодом до начала правления Б. Асада, при этом в середине его правления её доля даже выросла. Как в 1997 г., так и в 2007 г. 10% наиболее обеспеченных людей в суннитских городах владели примерно тем же доходом, что и низшие 50% населения.

Для получения представлений о социально-экономическом положении суннитской бизнес-элиты следует рассмотреть также данные по южному региону. Несмотря на его смешанное в этноконфессиональном плане население, известно, что подавляющая часть его наиболее зажиточных горожан (которые в данном контексте рассматриваются как верхние 10% населения) приходилась на суннитов-членов торгово-промышленных кругов Дамаска³²⁶. Как видно из Таблицы 31, и здесь доля зажиточных горожан за десять лет осталась почти такой же, как и доля бедных 50% населения.

Таблица 31. Экономическое неравенство в городах в южном регионе Сирии в различные годы³²⁷.

	1997 г.	2004 г.	2007 г.

³²⁶ Van Dam N. The struggle for power in Syria: politics and society under Asad and the Ba'th Party. I.B. Tauris, 1996. P. 142.

³²⁷ Khalid Abu-Ismaïl, Ali Abdel-Gadir, Heba El-Laithy. Poverty and Inequality in Syria (1997- 2007). Arab Development Challenges Report Background Paper 2011/15. Портал Программы развития ООН. [Electronic resource] Mode of access: http://www.arabstates.undp.org/content/dam/rbas/doc/poverty/BG_15_Poverty%20and%20Inequality%20in%20Syria_FeB.pdf (дата обращения: 04.03.2018), pp. 11-13

доля доходов верхних 10%	26.8%,	30.7%,	26.2%
доля доходов нижних 50%	28%	25.8%,	28.6%

При этом, несмотря на отсутствие данных по дальнейшим годам, известно, что в конце 2000-х гг. уровень жизни простого населения городов страны резко упал за счёт беспрецедентной по масштабам миграции (см. предыдущие разделы), что позволяет предположить некоторое повышение процентной доли "суннитской элиты" в распределении доходов.

При этом, как следует из Таблицы 32, на общесирийском уровне доля верхних 10% с 1997 по 2007 гг. в национальном доходе упала с 32 до 26%, то есть на 6%. Это доказывает, что сохранение (а временами и увеличение) непропорционально большой доли богатейших 10% горожан в национальном доходе явилось особенностью именно северо-восточного региона - сердца суннитского населения Сирии, и южного, где традиционная дамаская суннитская элита также не потеряла своих позиций в распределении дохода.

Таблица 32. Экономическое неравенство в городах по Сирии в целом³²⁸.

	1997 г.	2004 г.	2007 г.
--	---------	---------	---------

³²⁸ Ibid.

доля доходов верхних 10%	32.2%	30.2%	26.3%
доля доходов нижних 50%	28.1%	25.2%	28.5%

Период правления Б. Асада действительно принёс процветание сирийской бизнес-элите, состоявшей преимущественно из суннитов. Программы приватизации передали львиную долю бывших государственных предприятий в руки крупных капиталистов, связанных с политической элитой страны³²⁹. В целом, по оценкам экспертов, частный сектор страны был представлен в основном именно крупными компаниями, чьи владельцы так или иначе связаны с правящим режимом родственными или партнёрскими связями³³⁰. При этом спайка бюрократов и крупных бизнесменов обогащала их и препятствовала развитию мелкого и среднего бизнеса³³¹. При этом не только бизнесмены, непосредственно связанные с режимом семейными или дружескими узами, но и традиционные суннитские городские торгово-промышленные круги получали выгоду от государственных программ по приватизации и либерализации, а их круг постепенно расширялся³³². В Дамаске и

³²⁹ Sottimano, A. The Syrian Business Elite: Patronage Networks and War Economy // Syria Untold. 24.09.2016 [Electronic resource] Mode of access: <http://syriauntold.com/2016/09/the-syrian-business-elite-patronage-networks-and-war-economy/> (дата обращения: 10.11.2018)

³³⁰ Achy L. Syria: Economic hardship feeds social unrest. Los Angeles Times. // Carnegie Middle East Center. – 2011. [Electronic resource] Mode of access: <http://carnegie-mec.org/2011/03/31/syria-economic-hardship-feeds-social-unrest-pub-43355> (дата обращения: 09.11.2018)

³³¹ Seifan S. The Road to Economic Reform in Syria // Syria Studies. 2010. Vol. 2. № 3. Pp. 1-79.

³³² Abboud, Samer (2015), "Locating the "Social" in the Social Market Economy", in Hinnebusch R., Zintl T. Syria from Reform to Revolt: Political Economy and International Relations. – Syracuse University Press, 2014. P. 3

других крупных городах в это десятилетие возникли десятки крупных фирм в сфере торговли, недвижимости и транспорта³³³.

Показателем того факта, что именно верхние имущие слои суннитской буржуазии стали основными бенефициарами политики либерализации Б. Асада, служит следующий факт. Согласно Таблице 10, ВВП на душу населения за период правления Б. Асада вырос в полтора раза. При этом данные по бедности (см. раздел «Городские слои») свидетельствуют о том, что в наиболее промышленно развитых городских регионах страны - на юге и северо-востоке - за этот же период она не снизилась, то есть уровень жизни низших слоёв остался прежним. Таким образом, можно предположить, что именно верхние слои получили основную долю прибыли от либерализации.

Таблица 33. ВВП (ППП) на душу населения в Сирии при Б. Асаде³³⁴

Год	1999	2003	2005	2007	2010
Значение, CID	4223	4512	5101	5705	6374

4.2. Политические позиции суннитской торгово-промышленной элиты при Х. Асаде и Б. Асаде

Агрессивная антибуржуазная политика ранних баасистов привела к тому, что в 1970-е гг. крупный суннитский капитал сирийских городов оказывал финансовую поддержку исламистам, и крупные предприниматели часто вели двойную игру, сотрудничая в целях выгоды с представителями власти и одновременно перечисляя средства Братьям-мусульманам. Показательным, хотя и единственным случаем

³³³ Khaddour, K. Local Wars and the Chance for Decentralized Peace in Syria // Carnegie Middle East Centre. 28.03.2017 [Electronic resource] Mode of access: <https://carnegie-mec.org/2017/03/28/local-wars-and-chance-for-decentralized-peace-in-syria-pub-68369> (дата обращения: 24.02.2018)

³³⁴ Syria - GDP per capita. Интернет-портал Index Mundi [Electronic resource] Mode of access: https://www.indexmundi.com/syria/gdp_per_capita_%28ppp%29.html (дата обращения: 13.06.2018)

подобного масштаба является пример восстания в Хаме в 1982 г., когда местная буржуазия и связанные с ней улемы полностью поддержали восставших из низших и средних городских слоёв³³⁵. Будучи более других городских элит затронутым политикой национализации и изъятия излишек земли, местный торгово-землевладельческий класс оказал полную поддержку восставшим, фактически обозначив союз между высшим, средним и низшим городскими слоями в противостоянии режиму. Результаты такого объединения для правящего режима были катастрофическими — помимо того, что он на несколько недель утратил контроль над одним из главных городов, он потерял, по некоторым оценкам, больше тысячи солдат и офицеров³³⁶.

Однако, по имеющимся данным, несмотря на подобные случаи, поддержка исламистских движений не приобрела в среде крупных предпринимателей-суннитов большого масштаба. Случай Хамы во время восстания 1982 г. является уникальным, так как в других городах, например, в Алеппо и Дамаске, ситуация была принципиально иной: на фоне протестов среднего и низшего слоёв дамаская и алеппская буржуазия в целом, как пишет Э.П. Пир-Будагова, занимали «выжидательную» позицию³³⁷. На протяжении 1980-х— 1990-х гг. ситуация изменилась коренным образом - представители суннитской торговой элиты не только не были настроены оппозиционно, но и стали одним из главных партнёров режима Х. Асада³³⁸. Примечательно, что, если исламистские заговоры раскрывали в вооружённых силах и в среде низших и средних городских слоёв, ни один суннит-бизнесмен высокого уровня не был обвинён в указанный период в связях с исламистами. Низкий конфликтный потенциал этих слоёв объясняется мягкой политикой баасистов в отношении этой группы населения.

³³⁵ King S. J. The new authoritarianism in the Middle East and North Africa. – Indiana University Press, 2009. p. 85

³³⁶ Minister of Defence. Интернет-портал GlobalSecurity.org. Syria. [Electronic resource] Mode of access: <https://www.globalsecurity.org/military/world/syria/defense.htm> (дата обращения: 09.09.2018)

³³⁷ Пир-Будагова Э. П. История Сирии, XX век // Москва: ИВ РАН. – 2015. Сс. 240, 246

³³⁸ Perthes V. The political economy of Syria under Asad. – Ib Tauris, 1997. P. 104

Параллельно происходило и подключение представителей «суннитской аристократии» к управлению страной. Уже к 1982 г. правительство сумело достичь определённого компромисса в отношениях с алеппской буржуазией путём назначения её представителей на ключевые посты в управлении городом и провинцией³³⁹, хотя на общегосударственном уровне представители буржуазии Алеппо не появились. Иная ситуация сложилась в Дамаске – местный верхний суннитский слой не только получил экономические привилегии, но и был инкорпорирован в политическую элиту страны (например, составив 25% членов Регионального командования Баас в 1976 г., и к 1980 г. четверть членов правительства представляли собой дамаскинцы из традиционной торговой и религиозной элиты³⁴⁰. Наконец, следует отметить, что большая часть предпринимательской элиты создала теневые альянсы с людьми в правительстве, партии и силовых структурах. В то время, как обычно исследователи считают это экономически благоприятным для этих людей во власти, получившими рычаги влияния на бизнес, следует отметить, что бизнес получал через этих «агентов» выходы на новые рынки и преференции и это партнёрство являлось однозначно взаимовыгодным³⁴¹. В 1990-е гг. часть богатых суннитских кланов стала заключать брачные союзы с представителями семей, близких к власти. Например, бизнесмен-суннит Мунзир Аль-Кассар женился на сестре жены алавита Али Дуба, одного из главных командиров разведывательных служб³⁴². Кроме того, сын самого президента Башар Асад женился на представительнице богатой суннитской семьи Ахрас.

Таким образом, благоприятная социально-экономическая политика режима Х. Асада по отношению к суннитской торгово-промышленной элите привела к

³³⁹ Lefèvre R. *Ashes of Hama: The Muslim Brotherhood in Syria*. Oxford University Press, USA. 2013. P. 60

³⁴⁰ Ibid.

³⁴¹ Zisser E. *Decision Making in Asad's Syria*. Washington Institute for Near East Policy, 1998. P.22

³⁴² Batatu H. *Syria's peasantry, the descendants of its lesser rural notables, and their politics*. Princeton University Press, 1999. P. 241

тому, что «суннитская аристократия» ко второй половине его правления в целом приняла сторону его режима. Что касается радикальных экстремистских движений, в них участие верхних суннитских слоёв было минимальным, эпизодическим (охватывающим в основном период 1979-1982 гг.) и после 1982 г. было практически сведено к нулю.

При Х. Асаде сохранение (и даже улучшение) благоприятного положения суннитской бизнес-элиты предопределило её лояльный настрой к власти на протяжении 2000-х гг. Фактически элементы в партии и правительстве, с одной стороны, и представители крупного бизнеса с другой образовывали взаимовыгодные альянсы: первые обеспечивали своим партнёрам покровительство, вторые делились прибылью³⁴³. Таким образом, суннитский крупный бизнес оказывался не просто лояльным правящему кругу, но и был с ним в союзе.

Начало гражданской войны в полной мере продемонстрировало уровень поддержки правящего режима со стороны суннитской бизнес-элиты. Среди богатых сирийцев оппозицию в начале протестов поддерживали лишь бизнесмены, проживающие за рубежом - экспатрианты³⁴⁴. На "сирийской бизнес-конференции" в Дохе в 2012 г. основная часть собранных для поддержки оппозиции 300 млн. долларов поступила не от сирийских бизнесменов, а от бизнесменов стран Персидского залива и (по некоторым сведениям) американских околосударственных структур³⁴⁵. При этом исследование специалиста по Сирии

³⁴³ Haddad B. The political economy of Syria: realities and challenges // Middle East Policy. – 2011. – Vol. 18. – №. 2. – Pp. 46-61.

³⁴⁴ Sottimano, A. The Syrian Business Elite: Patronage Networks and War Economy // Syria Untold. 24.09.2016 [Electronic resource] Mode of access: <http://syriauntold.com/2016/09/the-syrian-business-elite-patronage-networks-and-war-economy/> (дата обращения: 10.11.2018)

³⁴⁵ Skelton, C. The Syrian opposition: who's doing the talking? // The Guardian. 12.07.2012 [Electronic resource] Mode of access: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2012/jul/12/syrian-opposition-doing-the-talking> (дата обращения: 01.11.2018)

Б. Хаддада не обнаруживает среди оппозиционеров каких-либо значимых представителей суннитского класса Сирии³⁴⁶.

В первую очередь, лояльность крупного бизнеса правительству проистекала из опасений бизнесменов политической нестабильности, разрушения инфраструктуры и разрыва торговых связей³⁴⁷, а также реквизирования собственности со стороны повстанцев. Если первоначально Суннитская бизнес-элита Дамаска и Алеппо в массе своей заняла выжидательную позицию³⁴⁸, то она окончательно встала на сторону правительства после того, как повстанцы в занятых ими районах стали мародёрствовать и отбирать принадлежавшие ей фабрики и предприятия³⁴⁹.

По сведениям оппозиционных (суннитских же) источников, именно суннитский крупный бизнес (и такие его представители, как Тариф Ахрас, Имад Грайвайт, Фарес Шехаби и др.) обеспечил материальную поддержку сирийскому правительству достаточную для выживания в первые годы гражданской войны³⁵⁰. Более того, представители этой части суннитского населения активно финансировали проправительственные митинги, мероприятия, а также ополчения³⁵¹. Правительство Сирии использовало представителей крупного бизнеса и как своих представителей для тайных переговоров с оппозиционными структурами в условиях, когда прямой контакт между ними был по политическим

³⁴⁶ Haddad B. The Syrian regime's business backbone // Middle East Report. – 2012. – Vol. 42. – №. 262.

³⁴⁷ Sottimano, A. The Syrian Business Elite: Patronage Networks and War Economy // Syria Untold. 24.09.2016 [Electronic resource] Mode of access: <http://syriauntold.com/2016/09/the-syrian-business-elite-patronage-networks-and-war-economy/> (дата обращения: 10.11.2018)

³⁴⁸ Slim, R. Where's Syria's business community? // Foreign Policy. 05.08.2011 [Electronic resource] Mode of access: <https://foreignpolicy.com/2011/08/05/wheres-syrias-business-community/> (дата обращения: 04.09.2018)

³⁴⁹ Dagher, S. Assad's not-so-secret weapon: loyal syrian businessmen // The Wall Street Journal. 24.05.2013 [Electronic resource] Mode of access: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424127887323528404578453043883699474> (дата обращения: 06.09.2018)

³⁵⁰ Under sectarian surface, Sunni backing props up Assad regime // Syria direct. 20.06.2013 [Electronic resource] Mode of access: <https://syriadirect.org/news/under-sectarian-surface-sunni-backing-props-up-assad-regime/> (дата обращения: 06.09.2018)

³⁵¹ Aston-Ward, A. Assad Regime Resilience During the Syrian Civil War. An Historical Perspective. Harmoon Center for Contemporary Studies, 2017. P. 10

и идеологическим причинам невозможен. Так, в 2013 г. переговоры с лидером Сирийского национального совета Моазом аль-Хатибом вёл суннитский бизнесмен, тесно связанный с режимом Б. Асада - Мухаммад Хамшо³⁵².

При этом лояльность крупного бизнеса правительству Б. Асада выражалась также в том, что даже после введения американских санкций и недовольством действиями руководства страны суннитский бизнес не примкнул к оппозиции³⁵³. Напротив, исследователи отмечают, что санкции сыграли даже отрицательную роль для антиасадовской коалиции: бизнесмены, затронутые санкциями, стали ещё больше блокироваться с режимом в целях получения от него поддержки в подобной кризисной ситуации. Те же, что оставались на относительно нейтральных позициях, по тем же причинам стали больше тяготеть к режиму, опасаясь быть включёнными в списки санкций в любой момент³⁵⁴.

Таким образом, возможно заключить, что как при Х. Асаде, так и при Б. Асаде крупный суннитский предпринимательский класс не только практически не участвовал в оппозиционной деятельности, но и стал одним из партнёров правящего режима, благодаря покровительству которого данный класс разросся и обогатился.

Анализ социально-экономического и политического развития основных групп арабо-суннитского населения Сирии в исследуемый период позволяет сделать следующие выводы.

³⁵² Ballout, M. Hawks in Syrian Opposition Resist Dialogue Initiative // Al-Monitor. 25.02.2013 [Electronic resource] Mode of access: <https://www.al-monitor.com/pulse/politics/2013/02/syrian-coalition-boycotting-conference.html> (дата обращения 07.07.2018)

³⁵³ Batrawy, A. Syria's business elite feel squeeze // Monterey Herald. 17.10.2012 [Electronic resource] Mode of access: <https://www.montereyherald.com/2012/10/17/syrias-business-elite-feel-squeeze/> (дата обращения: 25.04.2018)

³⁵⁴ Abboud, Samer (2015), "Locating the "Social" in the Social Market Economy", in Hinnebusch R., Zintl T. Syria from Reform to Revolt: Political Economy and International Relations. – Syracuse University Press, 2014. p. 4

Сельское суннитское население при Х. Асаде получало преференциальное отношение правительства как в экономической, так и в политической областях. Подобная поддержка сельских районов властью обусловила прочные позиции баасистов на селе и сделала эту группу наиболее лояльной режиму Х. Асада. Однако прекращение государственной политики поддержки села при Б. Асаде, совпавшее с масштабной засухой, привело к обнищанию и росту оппозиционных настроений в среде сельских суннитов, что вылилось в их однозначной антиправительственной позиции в начале гражданской войны в стране в 2011 г.

Бедные и средние суннитские городские слои при Х. Асаде оказались фактически маргинализированной группой населения, что сделало их основой исламистской активности в стране в последние десятилетия XX века. При Б. Асаде данная группа суннитского населения не получила выгоды от политики либерализации, кроме того, её положение ухудшилось благодаря масштабной миграции разорившихся крестьян в города. В результате с началом гражданской войны именно данные группы из социально-экономических причин оказали поддержку восстанию. Исключение составляла верхняя страта среднего класса, которая улучшила своё положение благодаря росту частного сектора и осталась в массе своей лояльной правительству.

Крупная суннитская буржуазия пользовалась поддержкой и покровительством обоих президентов. Её представители, особенно близкие к правящему режиму, получали основные выгоды от программ государственно-частного партнёрства в 1990-е гг. и от либерализации и приватизации госсектора в 2000-е гг. Благодаря этой политике правящий режим обеспечивал лояльность подавляющего большинства крупного суннитского бизнеса на протяжении всего исследуемого периода.

ГЛАВА 3. ДРУЗЫ СИРИИ КАК ОБЪЕКТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПО РАЗРУШЕНИЮ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

§1. Друзская община в истории Сирии

Друзы Ближнего Востока представляют собой этноконфессиональную группу, расселённую, преимущественно, в таких странах, как Сирия, Ливан, Израиль и Иордания. Возникнув в начале XI в. в Египте, находившемся под властью шиитской династии Фатимидов, друзизм как религия изначально представлял собой смесь исмаилитского вероучения, неоплатонизма, гностических верований Востока, а также культа последнего фатимидского халифа аль-Хакима³⁵⁵. Несмотря на лакуны в историческом повествовании о зарождении друзизма, известно, что основателями его выступили приближённые халифа аль-Хакима - теологи Мухаммад ибн Исмаил ад-Дарази и Хамза ибн Али³⁵⁶. После исчезновения (или, по друзским поверьям, «ухода в сокрытие») аль-Хакима в 1021 г. адепты друзизма распространили новую веру в горах Ливана среди местного арабского и автохтонного населения.

Сама друзская религия, подобно алавизму, существенно отличается от ортодоксальной интерпретации ислама. Она представляет собой разветвлённую и многоуровневую систему понимания Бога в его различных проявлениях (манифестациях), главным из которых является обожествлённый халиф аль-Хаким³⁵⁷. В религиозных практиках друзы отводят мало места формальным признакам набожности, уделяя первостепенное внимание мистическому духовному самосовершенствованию и развитию. Основой друзизма является вера

³⁵⁵ Bayram A. Shi'ism in the Middle East. – Lulu.com, 2014. Pp. 36-38

³⁵⁶ Hodgson M. G. S. Al-Darazî and Hamza in the Origin of the Druze Religion // Journal of the American Oriental Society. – 1962. – Pp. 5-20.

³⁵⁷ Nkrumah, G. The crazed caliph // Al-Ahram. 10.12.2009 [Electronic resource]. Mode of access: <http://weekly.ahram.org.eg/Archive/2009/976/cu3.htm> (дата обращения: 24.06.2018)

в реинкарнацию, секретный характер вероучения, а также (подобно алавитам) деление общества на «посвящённых» - «уккаль», и «невежественных» (в религиозном смысле) – «джуххаль». Друзизм невозможно принять, и друзом считается только человек, родившийся от родителей данного вероисповедания. Одной из наиболее заметных особенностей веры является сравнительно высокий статус женщины в друзском обычном праве – помимо самостоятельности в мирских делах и права на развод, друзизм признаёт за ней возможность духовного развития наравне с мужчиной и даже превращения в шейха – религиозного авторитета³⁵⁸.

Несмотря на то, что друзская вера существенно отошла от ислама, исповедуемого суннитским большинством, и на обвинения друзов в «ереси» со стороны авторитетных суннитских богословов, друзы в XII-XIII вв. принимали активное участие в борьбе мусульманских государств Ближнего Востока с крестоносцами³⁵⁹. В это время, а также в более поздние века, община, компактно и относительно изолированно проживавшая в ливанских горах, приобретает сильные традиции автономии и самоуправления, ещё более усилившиеся из-за агрессивной политики по отношению к «еретикам» арабских и тюркских правителей. Под властью «шейхов аз-заман» - феодальных родов – друзы превращаются в наиболее сплочённую, воинственную и замкнутую этноконфессиональную группу региона. С установлением в начале XVI в. в регионе османской власти друзы сохранили большую часть своей автономии. В 1584-1633 гг. под властью Фахреддина II из друзской династии Маанов в Ливане было создано настоящее государство со своей армией и внешней политикой, лишь номинально вассальное от Османской империи и в итоге уничтоженное османскими войсками³⁶⁰. После падения Маанов на смену

³⁵⁸ Aridi N. Focus on Israel: The Druze in Israel. – Israel Information Center, 2002.

³⁵⁹ Druze. Encyclopædia Britannica. [Electronic resource] Mode of access: <https://www.britannica.com/topic/Druze> (дата обращения: 24.06.2018)

³⁶⁰ Salameh F. Charles Corm: An Intellectual Biography of a Twentieth-Century Lebanese “Young Phoenician”. – Lexington Books, 2015. Pp. 71-72

им в 18 веке пришли династии Шихабов, Арсланов и Джумблатов, пользовавшиеся феодальной властью в общине и являвшиеся посредниками в её взаимодействии со внешним миром.

В 1711 г. в результате этнических и феодальных конфликтов часть ливанских друзов вынуждена была мигрировать в южную часть современной Сирии - горную часть области Хауран, которая с течением времени стала именоваться "Друзской горой" - "Джебель-Друз"³⁶¹. В новом регионе друзы продолжали жить преимущественно замкнуто и независимо под властью своих феодальных династий - Атрашей, Амеров и других, а Османская империя обладала здесь, как и в Ливане, лишь относительной властью.

Период конца XIX - начала XX вв., сопровождавшийся масштабными потрясениями (реформы Танзимата, распад Османской империи, установление Французского мандата), привёл к созданию в 1921 г. под французским контролем отдельного квази-государства Джебель-Друз, что произошло в рамках политики колониальных властей по расчленению Сирии и завоеванию поддержки среди этноконфессиональных меньшинств³⁶². Несмотря на подобный шаг, неблагоприятная социально-экономическая политика французов и их нежелание допускать к власти видных представителей общины привели к друзскому восстанию 1925 г., перетекшему в Великое сирийское восстание 1925-1927 гг. под предводительством друзского вождя Султана-паши аль-Атраша³⁶³. После инкорпорации друзского региона в сирийское государство в 1936 г. в общине были сильны сепаратистские настроения, что привело к экономической маргинализации и репрессиям региона со стороны правительства Адиба аш-Шишакли в 1950-е гг.³⁶⁴

³⁶¹ Firro K. A History of the Druzes. Leiden: E. J. Brill, 1992. P. 37

³⁶² Khoury P. S. Syria and the French Mandate: The Politics of Arab Nationalism, 1920-1945. – Princeton University Press, 2014. – Vol. 487. P. 58

³⁶³ Ibid, pp. 151-168

³⁶⁴ Landis J. Shishakli and the Druzes: integration and intransigence // The Syrian Land: Processes of Integration and Fragmentation in Bilad al-Sham from the 18th to the 20th Century. Stuttgart, 1998. pp. 369-395

Однако многие её представители, подобно алавитам Латакии, предпочли, напротив, более активно участвовать в важнейших государственных институтах новой страны - армии и партии арабского национализма Баас - в обоих из которых друзья достигли качественного и количественного веса к 1960-м гг.³⁶⁵

Приход к власти баасистов и повышение политического веса армии в 1963 г. ознаменовал новый этап в истории общины. В 1963-1966 гг. при своей доле в сирийском населении на уровне ок. 2-3% друзья составляли 20% состава Регионального командования партии Баас - главного правящего органа Сирии³⁶⁶. Особенно сильны были позиции выходцев из общины в армии - Салим Хатум, Хамад Убейд, Джамиль Шайя. При этом друзей во власти, как правило, характеризовала сильная конфессиональная сплочённость, что обусловило отсутствие конфликтов между ними в отличие от выходцев из других общин.

Однако с приходом к власти в 1967 г. алавитских группировок С. Джадида и Х. Асада друзья оказались фактически отстранены от рычагов власти, а после неудачного выступления 1967 г. члены общины были удалены со всех важных постов в правительстве, партии и вооружённых силах³⁶⁷. Таким образом, к моменту начала правления Х. Асада в 1970 г. друзская община представляла собой замкнутую этноконфессиональную группу с древними традициями самоуправления, коммуналистским самосознанием и лишённую в недавнем прошлом доступа к власти на общесирийском уровне.

§2. Экономика друзского региона: миграция и модернизация

В десятилетия, предшествующие исследуемому периоду, друзская Сувейда представляла собой отсталый в сравнении с другими провинциями Сирии

³⁶⁵ Van Dam N. The struggle for power in Syria: sectarianism, regionalism and tribalism in politics, 1961-1978. Croom Helm, 1981. Pp. 43, 52

³⁶⁶ Ibid., p. 108

³⁶⁷ Rowe P. S. Routledge Handbook of Minorities in the Middle East. – 2018. P. 204

сельскохозяйственный регион. Развитие более продуктивного и дешёвого аграрного производства в северных районах страны (особенно в Джазире) в 1940-е - 1950-е гг. привело к его кризису в Сувейде, что стало причиной обнищания и так традиционно небогатого населения³⁶⁸. Вдобавок, правительственные мероприятия по индустриализации на селе – распространение аграрной техники и насосных станций - практически полностью обходили «мятежный» друзский регион стороной³⁶⁹. Однако при Х. Асаде исторически бедная аграрная провинция претерпела существенные социально-экономические изменения. Сельское хозяйство перестало быть исключительным видом занятия населения. По оценкам экспертов, лишь для 20% жителей Сувейды в 1990-е гг. сельское хозяйство было основным источником доходов³⁷⁰. Данные Статистического бюро Сирии подтверждают подобные оценки: к середине 2000-х гг. около 25.8 % населения провинции кормились только за счёт сельского хозяйства, при том, что доля занятых в промышленности составляла 15%, а в сфере услуг - 23.9%³⁷¹. Кроме того, исследователи отмечают рост числа бизнес-предприятий в ранее исключительно аграрной провинции³⁷². Это совпало со временем масштабной урбанизации - в 1970-е и 1980-е гг. с 30 тысяч до более, чем 100 тысяч жителей разрослась столица провинции - г. эс-Сувейда³⁷³. Помимо сугубо экономического, данное изменение имело и культурно-ментальный аспект: исторически собственное сельское хозяйство было возведено в друзской общине едва ли не в ранг добродетели, в то время, как наёмный труд и госслужба рассматривались в этнической психологии

³⁶⁸ Landis J. Shishakli and the Druzes: integration and intransigence // *The Syrian Land: Processes of Integration and Fragmentation in Bilad al-Sham from the 18th to the 20th Century*. Stuttgart, 1998. Pp. 369-395

³⁶⁹ Ibid.

³⁷⁰ Khuri F. I. Being a druze. *Spotlight Poets*, 2004. P. 6

³⁷¹ Workers distribution (15 years and over) by main economic activity sections, governorates and gender (Urban - rural) / 2006. Syrian Bureau of Statistics. [Electronic resource] Mode of access: <http://cbssyr.sy/work/2006/tab15.htm> (дата обращения: 26.11.2018)

³⁷² Betts R. B. *The Druze*. Yale University Press, 1990. P. 109

³⁷³ Ibid.

как «недостойные» занятия³⁷⁴. В связи с этим парадоксален относительно быстрый отход от сельского хозяйства существенной части друзов; подобная трансформация стала возможной благодаря активной баасистской политике по развитию светского образования в регионе - как показано в Таблице 7 Главы 1, Сувейда демонстрировала очень низкие показатели неграмотности населения (19% или 3 место по стране в 1994 г.).

Однако диверсификация экономической активности и повышение уровня образования не привели к ощутимому росту экономики региона. В то время, как подавляющее большинство промышленных предприятий концентрировалось в четырёх крупнейших городах - Дамаске, Алеппо, Хомсе и Хаме³⁷⁵, а экспортно-импортная инфраструктура развивалась в прибрежных Латакии и Тартусе (см. Главу 1), Сувейда не стала центром развития промышленности. По результатам правления Х. Асада, при доле населения в 1.75% она располагала 1.57% предприятий (Таблица 13 Главы 1). Большинство предприятий и бизнесов при этом, по сведениям специалистов, основывались не в рамках каких-либо государственных программ, а благодаря инвестициям друзских эмигрантов из стран Запада и Персидского залива или ливанских друзов, которые находили провинцию более надёжной для финансовых вложений в условиях гражданской войны в своей стране³⁷⁶. Несмотря на рост эс-Сувейды, город имел явные проблемы с инфраструктурой и качеством жизни, превратившись в «большую деревню», а большинство его жителей, даже обладая современными профессиями, вынуждены были на постоянной основе подрабатывать «на селе» для обеспечения базовых потребностей семей³⁷⁷. В то время, как сельские суннитские районы, как было

³⁷⁴ Kastrinou, M., Fakher Al-Deen, S., Emery, S. Stateless but Rooted: Resistance, land and landscape in the Occupied Syrian Golan Heights. International Institute of Social Studies (ISS) in The Hague, Netherlands. ERPI 2018 International Conference Authoritarian Populism and the Rural World [Electronic resource] Mode of access: https://www.tni.org/files/article-downloads/erpi_cp_71_kastrinou_et_al.pdf (дата обращения: 01.12.2018), p. 9

³⁷⁵ Perthes V. The political economy of Syria under Asad. – Ib Tauris, 1997. P. 184

³⁷⁶ Betts R. B. The Druze. Yale University Press, 1990. P. 110

³⁷⁷ Khuri F. I. Being a druze. Spotlight Poets, 2004. P. 62

показано выше, пользовались особым вниманием правительства страны, в Сувейде отсутствие каких-либо проектов, повышающих уровень жизни или качество экономики, даже заставило ряд публицистов говорить о целенаправленной маргинализации Сувейды Х. Асадом в качестве наказания за сепаратизм и нежелание отказываться от своей конфессиональной идентичности³⁷⁸.

Особо крупные масштабы приобрела трудовая миграция жителей Сувейды в страны региона и мира. В отсутствии официальных данных по трудовой миграции специалисты полагают, что в 1990-х гг. из ок. 500 тысяч друзов Сирии до 200 тысяч (т.е. до 40%) временно проживало и работало за рубежом, главным образом, в Латинской Америке и Персидском заливе³⁷⁹. В исследованных семейных кланах процент трудовых мигрантов за рубежом составлял от 22 до 78%³⁸⁰. Удивителен тот факт, что в 2000-х гг., по некоторым оценкам, до 1/3 жителей провинции (до 200 тыс. человек) имели венесуэльское гражданство, то есть родились в Венесуэле в семьях трудовых мигрантов в предыдущие два-три десятилетия³⁸¹. По сообщениям самих жителей провинции, именно семьи с большим количеством мигрантов могли позволить себе лучшие дома и наиболее высокие стандарты жизни при отсутствии больших возможностей сделать капитал на родине³⁸². При этом, как было указано выше, даже сельскохозяйственные предприятия чаще всего финансировались именно из денег, присылаемых мигрантами из-за рубежа своим семьям.

Тем не менее, за время правления Х. Асада Сувейда не смогла преодолеть до конца свой разрыв с обеспеченными провинциями и, подняв свой материальный уровень, всё же характеризовалась относительно низким уровнем жизни по сравнению с другими регионами. Так, в провинции расходы домохозяйств – один

³⁷⁸ في ذكرى الجلاء: سلطان باشا الأطرش همشه الأسد فهل خذله أبناء معروف // Syria-Nass. 18.04.2015 [Electronic resource] Mode of access: <https://syria-nass.com/في-ذكرى-الجلاء-سلطان-باشا-الأطرش-همشه-أبناء-معروف/> (дата обращения: 21.12.2017)

³⁷⁹ Khuri F. I. Being a druze. Spotlight Poets, 2004. P. 65

³⁸⁰ Ibid, p. 90

³⁸¹ Chavez tells Israelis to disobey 'genocidal' govt // 26 September Net. 04.09.2009 [Electronic resource] Mode of access: http://www.26sep.net/news_details.php?lng=english&sid=56858 (дата обращения: 11.11.2018)

³⁸² Личный разговор автора с тремя семьями из Сувейды 24.02.2018

из наиболее репрезентативных показателей уровня жизни – по результатам правления Х. Асада были самыми низкими по стране (17,9 тыс. с. л.), уступая даже отдаленным сельским суннитским провинциям – Эль-Хасеке (23,9 тыс. С. Л.), Ракке (21,4 тыс. с. л.), и Дейр эз-Зору (23,2 тыс. с. л.) (Таблица 1). Таким образом, несмотря на распространенное убеждение о режиме Х. Асада как о «поддерживающем этноконфессиональные меньшинства», налицо отставание друзского региона как от алавитских, так и от арабо-суннитских и курдской провинций в вопросах материального обеспечения.

При этом при Б. Асаде во второй половине 2000-х гг. (к 2009 г.) из 14 провинций страны Сувейда поднялась по данному показателю на 4 место, уступив лишь Дамаску, Тартусу и Латакии (см. Таблицу 34). В первую очередь, это стало следствием не столько роста благосостояния друзской провинции, сколько обнищания северо-восточных суннитских провинций в связи с климатическим кризисом, описанным выше. В то время, как хозяйство большинства центральных и северных районов страны пришло в упадок в силу причин, рассмотренных в Главе 2, а население этих провинций массово мигрировало в города в поисках заработка, Сувейда, располагавшаяся на юге страны и имеющая более прохладный горный климат, не испытала разрушительных последствий засухи 2000-х гг. и, видимо, смогла извлечь для себя прибыли от упадка сельского хозяйства в других регионах. В то время, как в 10 из 14 провинций расходы домохозяйств к 2009 г. сократились (замечен отрицательный рост), а в Риф Дамаск и Алеппо остались практически неизменными, Сувейда отметилась самым высоким по стране ростом этого показателя на 3.5%.

Таблица 34. Показатели расходов домохозяйств по провинциям Сирии в начале и в конце 2000-х гг. по подсчётам экономистов (в ценах 2004 г.)³⁸³.

³⁸³ Nasser R., Mehchy Z., Abu Ismail K. Socioeconomic roots and impacts of the Syrian crisis // Syrian Centre for Policy Research. Damascus: Syrian Centre for Policy Research. – 2013. P. 21

Провинция	Расходы в первой половине 2000-х гг	Расходы во второй половине 2000-х гг	Рост расходов в процентах
Дамаск	28377	24001	-3.3%
Риф Дамаск	20144	20646	+0.5%
Хомс	20770	18961	-1.8%
Хама	21832	19149	-2.6%
Тартус	23831	24980	+0.9%
Латакия	20789	23422	+2.4%
Идлиб	22014	16986	-5.1%
Алеппо	18232	18304	+0.1%
Ракка	21351	17440	-4%
Дейр эз-Зор	23248	13550	-10.2%
Эль-Хасеке	23931	20386	-3.2%
Сувейда	17858	21243	+3.5%
Дера	25633	18939	-5.9%
Кунейтра	20791	19818	-1%
Сирия	21694	19556	-2.1%

Рассмотрение динамики уровня бедности по провинциям страны затруднено тем фактом, что в разные периоды для его описания исследователи брали различные показатели, такие, как уровень крайней бедности, Индекс человеческой бедности (HPI), или Индекс многомерной бедности (MPI), что не позволяет

сравнивать эти показатели напрямую. Тем не менее, на основе этих данных можно рассмотреть общую динамику ситуации в Сувейде по сравнению с другими провинциями. В Таблице 35 приведены данные по уровню крайней бедности в различных провинциях Сирии в 1997 и по Индексу человеческой бедности в них (Более репрезентативный показатель, введенный ООН в начале 2000-х гг. и отражающий, помимо собственно материального достатка людей, такие показатели, как их доступ к образованию и здравоохранению) в 2009 г. В 1997 г Сувейда имела одни из худших показателей по всей стране – за чертой бедности проживало почти 19% ее населения. Примечательно при этом, что в большинстве сельскохозяйственных провинций страны - Дейр эз-Зор, Эль-Хасеке, Риф Дамаск, Идлиб - уровень бедности был в 2 раза ниже, что доказывает рассмотренный выше тезис о приоритетном развитии сельской *суннитской* местности при Х. Асаде. На фоне данных регионов друзская Сувейда (также преимущественно сельская) выглядит депрессивным с экономической точки зрения регионом.

Однако в 2009 г. Индекс человеческой бедности НРІ в провинции стал одним из самых низких в стране, почти в 2 раза уступая общенациональному уровню. На фоне обнищания других сельских провинций из-за засухи Сувейда стала наиболее благополучной провинцией страны в плане обеспечения населения продовольствием. При этом исследования независимых экспертов Индекса многосторонней бедности МРІ также подтверждают сильное снижение уровня крайней бедности в провинции³⁸⁴.

³⁸⁴ Multidimensional Poverty in Syria. A Comparative Research 2001, 2009. 2014. UNICEF, Syrian Bureau of Statistics. [Electronic resource] Mode of access: http://www.cbssyr.sy/Child_Poverty_Multidimensional/Multidimensional_Poverty_in_Syria_EN.pdf (дата обращения: 10.12.2018)

Таблица 35. Крайняя бедность в сирийских провинциях в 1997 г и Индекс человеческой бедности НРІ в 2009 г^{385 386}

Провинция	1997 г	2009 г
Дамаск	10.51	5.8
Риф Дамаск	11.02	20.4
Хомс	19.37	8.5
Хама	18.69	9.8
Тартус	11.49	8.3
Латакия	9.34	8.6
Идлиб	13.55	11.7
Алеппо	17.94	13
Ракка	16.28	21.2
Дейр эз-Зор	9.12	19.8
Эль-Хасеке	8.81	19.7
Сувейда	18.77 (12 место)	6.8 (2 место)
Дера	16.33	7.5
Кунейтра	18.99	8.2

³⁸⁵ Второй национальный доклад по целям развития второго тысячелетия в Сирийской Арабской Республике (التقرير الوطني الثاني لأهداف التنمية للألفية في الجمهورية العربية السورية). [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.arab-hdr.org/publications/other/undp/mdgr/syria-nmdgr2-05a.pdf> (дата обращения: 12.11.2018), с. 22

³⁸⁶ Nasser R., Mehchy Z., Abu Ismail K. Socioeconomic roots and impacts of the Syrian crisis // Syrian Centre for Policy Research. Damascus: Syrian Centre for Policy Research. – 2013. P. 71

Таким образом, за время правления Б. Асада уровень крайней бедности в провинции снизился, что символизирует изменение неблагоприятного социально-экономического положения провинции при Х. Асаде. Удивляет тот факт, что в данный период неизвестно о каком-либо повышенном внимании правительства либо частных инвесторов к друзской провинции, а процент частных предприятий (к тому времени дававших основной доход страны) в провинции оставался к 2007 г. на уровне 1.5% при её доле в населении ок. 2%³⁸⁷. Таким образом, преференциальное отношение инвесторов не могло стать причиной роста уровня благосостояния Сувейды.

Наиболее вероятным объяснением может служить тот факт, что в условиях либерализации экономики в 2000-е гг. традиционно масштабная трудовая миграция бедного населения Сувейды за рубеж получила дальнейший импульс. Данные немецких исследований³⁸⁸ показывают, что при Б. Асаде (в 2008 г.) в Сувейде отношение численности населения, зарегистрированного официально, к фактическому количеству жителей составляло 1.3 к 1, что свидетельствует об отсутствии в провинции ок. 120 тыс. постоянных жителей из 460 тыс. (аналогичные несовпадения отмечены лишь в провинциях Дейр эз-Зор и Идлиб, но в этом случае речь идёт, очевидно, о миграции разорившегося сельского населения этих провинций на юг страны). При том, что миграции друзов в иные регионы Сирии в этот период не происходило, ясно, что эти люди находились на заработках в странах региона и мира. О большом количестве жителей Сувейды, выехавших на заработки в другие страны, говорит и статистика по телефонным звонкам: при самой скромной доле в населении страны она в 2007 г. занимала 2 место в Сирии

³⁸⁷ Distribution of establishments by governorates. Syrian Bureau of Statistics [Electronic resource] Mode of access: <http://www.cbssyr.sy/economy%20statistics/Foreign%20Investment/2008/FDI1.htm> (дата обращения: 14.12.2018)

³⁸⁸ Von Rabenau, B. Report on Local Economic Development in Aleppo. Aleppo Urban Development Project 2010 [Electronic resource] Mode of access: http://www2.giz.de/wbf/4tDx9kw63gma/Rabenau_LED.pdf (дата обращения: 16.10.2018), p. 103

после Дамаска по количеству и длительности телефонных звонков за рубеж³⁸⁹. С одной стороны, отсутствие в Сувейде людей, выехавших на заработки, привело к улучшению средних объективных показателей уровня бедности. С другой стороны, уровень бедности снижали и сами доходы, получаемые семьями от мигрантов. Это позволило справиться с крайними формами бедности в провинции. Вдобавок, жители Сувейды, располагавшейся в горном климате вдали от эпицентра засухи середины десятилетия, пользуясь спокойной внутри политической и экономической ситуацией, смогли развивать хозяйство более успешно на фоне его кризиса в прочих провинциях страны.

Однако данные доходы, решив, в общем и целом, проблему крайней бедности, были недостаточны для социально-экономического развития провинции в прочих сферах. Таблица 36 показывает место Сувейды среди прочих регионов страны по различным показателям, каждый из которых является важнейшим для оценки общего уровня благосостояния. Несмотря на небольшой рост расходов и улучшение позиций в рейтинге бедности, Сувейда осталась среди пяти наиболее «недоедающих» провинций. Безработица в провинции оставалась в 2009 г в полтора раза выше общесирийского уровня и помещала Сувейду на скромное 9 место. Аналогичную позицию в рейтинге дружская провинция занимала и по расходам «на развлечения» и детской смертности.

³⁸⁹ Ibid, p. 118.

Таблица 36. Прочие показатели социально-экономического развития Сувейды и других провинций Сирии во второй половине 2000-х гг.^{390 391 392}

Провинция	Безработица в 2010 г. (%)	Детская смертность в 2008 г. (из расчёта на 1 тыс. чел)	Размер «расходов на развлечения» в 2009 г.	Процент домохозяйств, питающихся хуже рекомендуемых стандартов 2009 г.
Дамаск	10	15.39	435	15.6
Алеппо	4.9	15.5	250	13
Риф Дамаск	6.1	15.92	405	25
Хомс	6.9	16.93	259	24.2
Хама	5.5	16.12	211	19
Латакия	15.6	14.07	417	12.9
Идлиб	7.5	17.02	316	34.2

³⁹⁰ Nasser R., Mehchy Z., Abu Ismail K. Socioeconomic roots and impacts of the Syrian crisis //Syrian Centre for Policy Research. Damascus: Syrian Centre for Policy Research. – 2013.

³⁹¹ Второй национальный доклад по целям развития второго тысячелетия в Сирийской Арабской Республике (التقرير الوطني الثاني لأهداف التنمية للألفية في الجمهورية العربية السورية). [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.arab-hdr.org/publications/other/undp/mdgr/syria-nmdgr2-05a.pdf> (дата обращения: 12.11.2018), с. 93.

³⁹² Syrian Arab Republic Third National MDGs Progress Report. United Nations Development Programme. Портал Программы развития ООН. [Electronic resource] Mode of access: <http://www.undp.org/content/dam/rbas/report/MDGR-2010-En.pdf> (дата обращения: 04.03.2018), p. 39.

Эль-Хасеке	15.1	17.73	200	12.4
Дейр эз-Зор	13.2	15.18	91	17.6
Тартус	14.3	15.36	325	17.2
Ракка	6.8	16.59	241	н.д.
Дера	9	17.38	255	23.4
Сувейда	12.9 (9 место)	16.9 (9 место)	284 (7 место)	20.1 (9 место)
Кунейтра	19.2	17.38	371	11.9
Сирия	8.6	-	296	18.2

Таким образом, социально-экономическое развитие друзской общины Сирии в исследуемый период представляет собой неоднозначный вопрос. В период президентства Х. Асада, несмотря на рост уровня образования, урбанизацию и диверсификацию видов экономической деятельности, друзская провинция Сувейда характеризовалась самыми низкими по стране показателями уровня благосостояния и одним из самых высоких показателей уровня бедности. Во время предвоенного правления Б. Асада, напротив, увеличение масштабной трудовой миграции за рубеж, а также кризис сельского хозяйства в северных и восточных суннитских провинциях позволил Сувейде решить проблему бедности и голода, однако по прочим важнейшим показателям качества жизни - безработице, среднему пищевому рациону, детской смертности, непищевым расходам - она

отставала от большинства других сирийских регионов, занимая 7-9 места в списке 14 сирийских провинций.

§3. Борьба баасистов с друзским коммунализмом

Друзская община Сирии, составлявшая около 2-3% её жителей и компактно проживавшая в южной провинции Сувейда, представляла собой наиболее закрытую и сплочённую этноконфессиональную группу населения страны. Вероучение друзов, основанное на синкретизме таких верований, как ислам шиитского толка, гностические верования Востока и греческая философия, являлось тайным, скрываемым от посторонних, что культивировало в общине замкнутость и автономию от внешнего мира. Проживая с XVIII в. в данном регионе, получившем название Джебель-Друз, члены общины выработали коммуналистское и сепаратистское мировоззрение. С XIX в. до начала исследуемого периода община поднимала восстания практически против каждого правительства Сирии – османского, французского и арабского национального, а общее их число дошло до двадцати³⁹³. В 1960-е гг., напротив, друзы пережили свой «золотой век» в сирийской политике, когда с приходом к власти баасистов виднейшие представители общины - Салим Хатум, Джамиль Шайя, Хамад Убейд - находились на важнейших постах в руководстве страны³⁹⁴. Однако после 1967 г., обозначившего приход к власти «алавитской фракции» в армии и партии, друзы подверглись масштабной чистке во всех государственных институтах³⁹⁵.

Режим Х. Асада и Б. Асада осознавал опасность сепаратизма друзов, воинственной общины, проживавшей, к тому же, в непосредственной близости от Дамаска. Вдобавок, в условиях роста исламистской активности правительству

³⁹³ Batatu H. Syria's peasantry, the descendants of its lesser rural notables, and their politics. Princeton University Press, 1999. P. 111

³⁹⁴ Van Dam N. The struggle for power in Syria: sectarianism, regionalism and tribalism in politics, 1961-1978. Croom Helm, 1981. Pp. 67-75

³⁹⁵ Ibid., Pp. 70-72

было чрезвычайно важно заручиться лояльностью всех этноконфессиональных меньшинств, проживавших в стране. В связи с этим основным вектором политики правящего режима в отношении друзской общины в конце XX – начале XXI вв. стала борьба с традиционным друзским коммунализмом и узкоконфессиональной идентичностью для интеграции общины в сирийскую нацию.

Главным аспектом политики разрушения коммуналистской идентичности друзов в исследуемый период стала маргинализация представителей традиционной друзской аристократии – как светской («шейхов аз-заман»), так и религиозной («шейхов аль-акль»). На протяжении столетий обладая светской властью в общине, шейхи аз-заман – феодальная аристократия – являлись посредниками в отношениях общины со внешним миром и живыми символами друзского сепаратизма. Тем не менее, в период правления баасистов этой традиционной друзской верхушке был нанесён мощный удар, лишивший её прежнего положения в обществе и влияния на единоверцев. Во-первых, баасистская земельная реформа 1960-х – 1970-х гг. лишила их возможности владения большими сельскохозяйственными наделами и привела к более уравнительному распределению в общине земли³⁹⁶. Во-вторых, общественный и политический вес аристократии был уменьшен благодаря политике недопуска её представителей к партийным и государственным постам. Так, в Джебель-Суммак традиционная власть семьи аль-Кихья к 1990-м гг. сменилась властью партийной верхушки³⁹⁷. Самый могущественный в Сувейде клан аль-Атраш, владевший к началу XX в. почти третью деревень региона, также лишился своего положения. «Лидер национального восстания» 1925-1927 гг. Султан паша аль-Атраш на протяжении правления Х. Асада не только перестал быть неформальным лидером общины во взаимоотношениях с Дамаском, но и вовсе не отметился никакой, даже минимальной, политической активностью. До

³⁹⁶ Khalaf S. Land Reform and Class Structure in Rural Syria // Syria: Society, Culture, and Polity. – 1991. – Pp. 63-78.

³⁹⁷ Khuri F. I. Being a druze. Spotlight Poets, 2004. P. 146

самой своей смерти он проживал в Сувейде как частное лицо, хотя и пользуясь почётом и уважением земляков³⁹⁸. После его смерти в 1982 г. высокое положение Атрашей стало номинальным. Они сохранили определённые атрибуты, титулы и уважение в среде единоверцев, однако перестали иметь какое-либо реальное влияние на положение дел в друзской общине и политику даже на местном уровне. Так, сын Султан-паши Мансур аль-Атраш, в 1960-х гг. важное лицо в партии БААС, после 1969 г. самоустранился из политики и не играл никакой заметной политической роли³⁹⁹. В 1984 г. кланом был избран новый предводитель — аль-Амир Салим аль-Атраш, однако данный пост стал абсолютно символическим в отсутствие реальной власти⁴⁰⁰. Очень немногие представители клана занимали государственные посты при Х. Асаде — в основном, на дипломатической службе. При этом в сирийских реалиях дипломатические назначения чаще всего являлись формой почётной ссылки, а не поощрения или признания. Наконец, клан Амер, владевший рядом деревень и пользовавшийся ещё в первой половине XX в. большой властью благодаря своим финансовым ресурсам⁴⁰¹ (в целом второй по значимости в Сувейде после Атрашей), лишился не только прежнего богатства, но и общественного положения⁴⁰². Правящий режим также противодействовал мероприятиям, посвящённым увековечению памяти друзских вождей⁴⁰³.

Взамен представителей светской аристократии на руководящие посты назначались друзья низкого происхождения, не имеющие крепкой социальной базы. Так, оба друга-члена Регионального командования Баас в исследуемый период - Тауфик Сальха и Мутиб Шнан - происходили из крестьянства. В районе Джебель-

³⁹⁸ Firro K. A History of the Druzes. Leiden: E. J. Brill, 1992. P. 362

³⁹⁹ Moubayed S. M. Steel & Silk: Men and Women Who Shaped Syria 1900-2000. — Cune Press, 2006. Pp. 179-180

⁴⁰⁰ Batatu H. Syria's peasantry, the descendants of its lesser rural notables, and their politics. Princeton University Press, 1999. P. 28

⁴⁰¹ Firro K. A History of the Druzes. Leiden: E. J. Brill, 1992. P. 137

⁴⁰² Batatu H. Syria's peasantry, the descendants of its lesser rural notables, and their politics. Princeton University Press, 1999. с. 28

⁴⁰³ في ذكرى الجلاء: سلطان باشا الأطرش همشه الأسد فهل خذله أبناء معروف // Syria-Nass. 18.04.2015 [Electronic resource] Mode of access: <https://syria-nass.com/في-ذكرى-الجلاءسلطان-باشا-الأطرش-همشه-ا/> (дата обращения: 21.12.2017)

Суммак властью также обладали партийные деятели-друзы из простых семей⁴⁰⁴. При этом на должность губернатора Сувейды правящий режим, опасаясь возникновения в друзской общине новых лидеров, назначал вообще не друзов, а выходцев из других районов и этноконфессиональных групп Сирии⁴⁰⁵.

Несколько иной была асадовская политика в отношении шейхов аль-акль – религиозных старейшин общины, исторически исполнявших функции верховных судей и духовных авторитетов. Должности шейхов аль-акль у друзов Сирии с середины XIX в. находились в руках трёх семей – Джарбуа, Хаджари и Хиннави. С приходом к власти Х. Асада данные семьи не только сохранили за собой эти посты, но и выстроили доверительные, «партнёрские отношения с властью и демонстрировали солидарность с ней по большинству острых вопросов»⁴⁰⁶. Вдобавок, в их компетенции осталось ведение доходами от пожертвований на всех друзских святынях, что составляло значительные суммы, учитывая традиционно большую роль благотворительности в друзизме. Однако, демонстрируя таким образом уважение к религиозной знати, баасисты лишили её главных полномочий – судебной власти. Как будет показано ниже, система конфессиональных судов полностью исчезла в Сувейде и уступила место унифицированной общесирийской. Шейхи аль-акль потеряли возможность как контролировать суды, так и влиять на назначение в них судей, что позволило им оставаться судебными авторитетами только тeneвым образом и только для тех членов общины, которые сами желали избегать сирийского суда и прибегать к друзскому традиционному. Таким образом, как светская, так и религиозная элита друзской общины Сирии, хотя и пользовались официально уважением сирийского правительства, лишились своего

⁴⁰⁴ Khuri F. I. Being a druze. Spotlight Poets, 2004. P. 146

⁴⁰⁵ Betts R. B. The Druze. Yale University Press, 1990. P. 110

⁴⁰⁶ Gambill G. C. Syrian Druze: Toward Defiant Neutrality // Foreign Policy Research Institute. – 2013. [Electronic resource] Mode of access: <https://www.fpri.org/article/2013/03/syrian-druze-toward-defiant-neutrality/> (дата обращения: 15.06.2018)

исключительного положения, потеряв как политическую, так и судебную власть, зачастую утрачивая также своё положение в обществе.

Для осознания глубины данных изменений полезно обратиться к опыту друзских общин за пределами Сирии. Ситуация с друзской светской и религиозной аристократией была совершенно иной в Ливане и Израиле - двух других странах компактного проживания друзов. В Ливане главные друзские роды сохранили свою власть, интегрировавшись в государственные и политические структуры. Семейство Джумблатт в лице Камалья и Валида Джумблаттов встало во главе друзской Прогрессивной социалистической партии, ставшей главным представителем общины во взаимоотношениях с государством⁴⁰⁷. Второй по значимости род Арслан также остался лидером друзов-язбакитов и при этом делегировал своих представителей на министерские посты в ливанском правительстве⁴⁰⁸. Религиозная аристократия также не потеряла своего влияния: институт шейха аль-акль сохранил своё значение, так как именно этот религиозный деятель со своим аппаратом (машйяхат аль-акль) является главой шести друзских судов в различных районах страны⁴⁰⁹. В Израиле клан Тариф, обладавший духовным лидерством, равно как и большим весом в светских делах ещё в первую половину XX в.⁴¹⁰, сохранил своё положение: шейх Амин Тариф возглавлял систему друзских судов с 1963 г. до своей смерти в 1993 г., после чего пост занял его внук Мувафак Тариф. Из этой же семьи происходит и первый неервей-министр израильского правительства⁴¹¹. Прочие семьи из числа друзской аристократии имели посты в израильских партиях, Гистрадате (влиятельной федерации профсоюзов) и правительстве. Так, представитель традиционно влиятельного

⁴⁰⁷ Who's who in Lebanon // BBC News. 14.03.2005 [Electronic resource] Mode of access: http://news.bbc.co.uk/2/hi/middle_east/4348129.stm (дата обращения: 23.10.2018)

⁴⁰⁸ Betts R. B. The Druze. Yale University Press, 1990. Pp. 98-99

⁴⁰⁹ Khuri F. I. Being a druze. Spotlight Poets, 2004. P. 119

⁴¹⁰ Firro K. The Druzes in the Jewish state: A brief history. – Brill, 1999. – Vol. 64. P. 41

⁴¹¹ Салех Тариф. Официальный сайт израильского Кнессета. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.knesset.gov.il/mk/eng/mk_eng.asp?mk_individual_id_t=59 (дата обращения: 12.12.2018)

семейства аль-Муадди, Шейх Джабир аль-Муадди, в исследуемый период являлся депутатом Кнессета и занимал пост замминистра коммуникаций⁴¹².

Вторым важнейшим аспектом баасистской политики по противодействию дружескому коммунализму стало разрушение традиционной дружеской судебной автономии. Исторически принадлежавшая шейхам аль-акль судебная власть была упразднена, как и сама система дружеских судов. Взамен Сувейде были созданы стандартные сирийские судебные учреждения, осуществлявшие делопроизводство в соответствии с общенациональным законодательством. Единственной оговоркой в деятельности сирийского суда в Сувейде было следование дружеской традиции в бракоразводных вопросах (что могло трактоваться очень вольно); сами же судьи зачастую даже не были друзьями⁴¹³. Дружеская религиозная верхушка подавала прошение Х. Асаду о введении практики назначения исключительно друзей судьями в Сувейде, однако президент не удовлетворил их просьбу⁴¹⁴.

Показателен пример Ливана и Израиля, где дружеские общины в исследуемый период пользовались собственными целиком автономными судебными системами. В Ливане судопроизводство в общине осуществлялось в соответствии с принятым в 1948 г. Законом о персональном статусе дружеской общины, сформированном на основе фатимидского и дружеского обычного права⁴¹⁵. В Израиле с 1962 г. Существуют автономные дружеские религиозные суды под председательством судей-друзей⁴¹⁶.

Следующим аспектом баасистской политики по разрушению дружеского коммуналистского самосознания стал запрет каких бы то ни было сугубо дружеских организаций и обществ - политических, исторических и культурных. В

⁴¹² Betts R. B. *The Druze*. Yale University Press, 1990. P. 104

⁴¹³ Khuri F. I. *Being a druze*. Spotlight Poets, 2004. P. 133

⁴¹⁴ Ibid.

⁴¹⁵ Betts R. B. *The Druze*. Yale University Press, 1990. Pp. 96-97

⁴¹⁶ Layish A. *Marriage, divorce and succession in the Druze family* // Leiden: EJ Brill. – 1982. Pp. 5, 378

исследуемый период в Сирии не существовало официальных организаций, имеющих в своём названии этноним «друзский» или продвигающими особую друзскую идентичность. Знаковым символом стала реформа новыми властями в 1972 г. Друзского сиротского приюта - одного из наиболее уважаемых и известных благотворительных друзских обществ на Ближнем Востоке. Название его было изменено на «Благотворительное общество» (чтобы избавиться от конфессиональных отсылок), а сам приют был расширен (появились отделения для инвалидов, дом престарелых, приют для животных) и поставлен под контроль государственного министерства социальных дел для лучшего надзора над финансами и программой⁴¹⁷. Прочих официальных благотворительных организаций в Сувейде не было, что примечательно, учитывая традиционно большую роль благотворительности в друзской социальной и религиозной жизни.

При этом в других странах региона и мира существовали мощные и заметные друзские организации, как культурные, так и политические. В Ливане с 1949 г. существовала практически исключительно друзская по своему составу Прогрессивная социалистическая партия под начальством К. Джумбата и В. Джумблата, остававшаяся главной и весьма успешной формой самоорганизации общины⁴¹⁸. Даже в Израиле друзы создавали собственные сообщества, например, с 1972 г. Существовал «Друзский комитет действия», занимающийся правозащитной деятельностью и зачастую занимавший откровенно антиправительственные позиции по различным вопросам⁴¹⁹. Наибольшее распространение друзские организации получили в эмиграции - за пределами ближневосточного региона. Американский друзский фонд (American Druze Foundation) существует в стране с 1911 г. (сначала под названием Аль-Бакура, с 1946 г. Как Американское друзское

⁴¹⁷ Khuri F. I. Being a druze. Spotlight Poets, 2004. P. 164

⁴¹⁸ Who's who in Lebanon // BBC News. 14.03.2005 [Electronic resource] Mode of access: http://news.bbc.co.uk/2/hi/middle_east/4348129.stm (дата обращения: 23.10.2018)

⁴¹⁹ Betts R. B. The Druze. Yale University Press, 1990. P. 104

общество, с 1989 г. под настоящим именем⁴²⁰. Счёт провинциальным друзским ассоциациям в США идёт на десятки. Особое распространение друзские клубы получили в Латинской и Южной Америках, которые являлись традиционным местом работы друзских мигрантов. Так, самыми известными среди них являются Друзская благотворительная организация в Аргентине, Общество друзской культуры в Венесуэле, Друзская лига в Мексике. Стоит упомянуть и Британское друзское общество и Французское друзское общество. Основание конфессиональных клубов и организаций, таким образом, было чрезвычайно распространено и важно для поддержания идентичности в друзской среде. Это позволяет заключить, что отсутствие подобных организаций в самом Джебель-Друзе в Сирии, где проживало большинство друзов мира, является именно результатом баасистской политики по предотвращению развития друзского коммунизма.

Несмотря на сложность оценки результатов описанной выше баасистской политики по замене в друзской среде конфессиональной идентичности общесирийской, можно заключить, что она, определённо, имела свои плоды.

Во-первых, изменилась сама форма участия друзов в политической жизни страны. Исторический анализ показывает, что на протяжении истории сирийские друзы во взаимоотношениях со внешним миром и при участии в «большой политике» выступали единым фронтом, блокируясь вокруг земляков-лидеров и демонстрируя чрезвычайно высокую степень сплочённости. Так, в первой половине XX в., несмотря на существование противоборствующих сил внутри общины, при конфликтах со внешними силами, в том числе центральными сирийскими властями, подавляющее большинство друзов Сувейды объединялись вокруг Зукана и Султана Аль-Атрашей, выступавших от имени всей общины при

⁴²⁰ Druze in America. Официальный сайт Американского друзского общества. [Electronic resource] Mode of access: <http://www.americandruze.foundation.org/about-the-druze/american-druze/> (дата обращения: 03.08.2018)

взаимодействии как с османами и французами, так и властями независимой Сирии. В 1960-е гг. с приходом к власти баасистов первой волны партийные деятели и офицеры как из суннитской, так и из алавитской среды постоянно делились на враждующие группировки с различными лидерами, при этом вступая в конфликт и со своими единоверцами. В отличие от них, друзья в партии и армии на протяжении всего данного десятилетия выступали единым блоком в рамках группы, возглавляемой Салимом Хатумом, Джамилем аль-Шая и Хамадом Убейдом⁴²¹. Высокая степень конфессиональной солидарности друзских политиков видна на примере неудавшегося друзского восстания 1967 г., когда силы объединили даже такие различные сирийской политики, как М. Аль-Атраш, принадлежавший к друзской знати по происхождению и к «старым баасистам» идеологически, и С. Хатум, выходец из земледельческой семьи и «новый», военный баасист⁴²². Таким образом, друзья не делились на противоборствующие фракции, а демонстрировали мощную конфессиональную «спайку» и единство.

Однако в исследуемый период ситуация изменилась. Если в Ливане и Израиле друзья чаще всего продолжали действовать под руководством традиционных лидеров в качестве именно отдельной этноконфессиональной группы, то в Сирии с подавления мятежа 1967 г. на протяжении всего исследуемого периода не отмечается ни одного случая группового выступления общины. Как показано выше, не традиционные лидеры с собственной социальной базой, а отдельные друзья-выходцы из низших слоёв допускались ко власти исключительно по отдельности, а не как часть «друзского блока». К. Фирро заключает, что продвижение друзов во власть в Сирии теперь происходило лишь посредством их деятельности на индивидуальной, а не коммуналистской основе в рамках партийных и государственных институтов или армии, и никакое групповое участие

⁴²¹ Van Dam N. The struggle for power in Syria: sectarianism, regionalism and tribalism in politics, 1961-1978. Croom Helm, 1981. Pp. 67-70

⁴²² Schifffrin, H. Z., editors. Military and state in modern Asia. Transaction Publishers, 1974. С. 283

(«партикуляризм») друзов как общины уже не было возможным и не наблюдалось⁴²³.

О высокой степени восприятия друзами общесирийской идентичности и лояльности баасистскому режиму (что, естественно, не подразумевало полного отказа от конфессионального самосознания) говорит и статистика по партийным структурам: так, в начале и в конце правления Х. Асада доля выходцев из Сувейды (в которой проживало 1.7-2.2% населения Сирии) в партии Баас составляла соответственно 4.2% и 3.7% (Таблица 16), то есть доля друзов в партии превышала их долю в населении в 1.5-2 раза. В Региональном командовании Баас доля друзов составляла 4.8%, что также являлось значительным перевесом над их реальной численностью (Таблица 17).

Другим важным показателем успешной политики баасистских властей по интеграции друзов в общенациональное пространство стала политическая активность общины после начала в стране гражданской войны (с 2011 г.). Анализ отдельных выступлений как оппозиции, так и сторонников режима Б. Асада показывает, что и те, и другие рассматривали свою деятельность в общесирийском ключе⁴²⁴. Так, противники действующей власти проводили митинги в поддержку демонстраций, имевших место в других регионах страны - Дамаске, Хомсе, Алеппо. Люди, выступающие против революции, демонстрировали солидарность с президентом страны и провозглашали себя защитниками общесирийской идентичности перед лицом религиозного и конфессионального шовинизма и нетерпимости. И те, и другие отстаивали собственное видение будущего Сирии, а не отдельно Сувейды. Примечательно, но за время затянувшегося внутрисирийского конфликта в Джебель-Друзе так и не возникло собственного,

⁴²³ Firro K. A History of the Druzes. Leiden: E. J. Brill, 1992. P. 362

⁴²⁴ Stolleis, F. (ed.). Playing the Sectarian Card - Identities and Affiliations of Local Communities in Syria. Friedrich-Ebert-Stiftung, 2015. Pp.39-71

сепаратистского или просто коммуналистского движения, что демонстрирует глубину изменений, произошедших в общине за время правления Х. Асада и Б. Асада.

С другой стороны, многие черты традиционного коммунализма сохранились в общине достаточно явно. Так, несмотря на в общем и целом проправительственную позицию региона, большинство мужского населения Сувейды уклонилось от мобилизации в вооружённые силы страны, предпочитая членство в ополчении - комитетах народной самообороны, выполняющих функции защиты собственных районов и не используемых для операций в других провинциях страны⁴²⁵. Подобная позиция (поддержанная шейхами аль-акль) демонстрирует желание большого количества друзов ограничиться лишь обороной собственных земель и нежелание рисковать жизнью на суннитских территориях, что вполне может быть истолковано как проявление глубинных форм коммунализма и приверженности интересам собственной общины. Тем не менее, проправительственная позиция подавляющего большинства друзов очевидна - в ополчения, лояльные сирийской армии и официальному Дамаску, насчитывали тысячи человек⁴²⁶, в то время, как единственное известное оппозиционное формирование из сирийских друзов - батальон «Фаджр аль-Ислам» - представляло собой одно крошечное отделение численностью 6 человек до того, как было уничтожено своими же союзниками по оппозиции из числа исламистов⁴²⁷.

Таким образом, в 1970-2010-е гг. в Сирии происходила целенаправленная политика «декоммунализации» друзской общины и борьбы с традиционным друзским сепаратизмом. Во-первых, на нет была сведена экономическая и политическая роль друзской светской аристократии. Во-вторых, религиозная

⁴²⁵ Ibid., pp. 64-65

⁴²⁶ Zabad I. Middle Eastern Minorities: The Impact of the Arab Spring. Routledge, 2017. pp. 140-141

⁴²⁷ El Atrache, T. The Druze in the Syrian Conflict // Syriacomment, 05.09.2016 [Electronic resource] Mode of access: <https://www.joshualandis.com/blog/druze-syrian-conflict-talal-el-atrache/> (дата обращения 08.01.2019)

аристократия потеряла свои судебные и законодательные функции, оставив за собой лишь духовно-моральный авторитет. В-третьих, в стране не существовало культурных или общественных друзских организаций, что отличало её от прочих мест проживания друзских общин. В итоге баасистам удалось инкорпорировать друзов в общенациональную жизнь, добиться их активного участия в партийных и государственных институтах на индивидуальной основе, а не в качестве земляческого блока, а также (с некоторыми оговорками) утвердить в общине общесирийскую идентичность, что выразилось в отсутствии сепаратизма с началом гражданской войны и разделении общества Сувейды на сторонников (большинство) и противников (меньшинство) сохранения текущей власти в Дамаске, что отражало политический дискурс во всех прочих регионах Сирии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрев основные показатели социально-экономического и политического развития трёх главных групп мусульманского населения Сирии в период президентства Х. Асада и Б. Асада, представляется возможным сделать ряд выводов, подтверждающих выносимые на защиту положения.

1. Анализ институтов государственной власти в Сирии в период президентства Х. Асада и Б. Асада показал, что в рамках данных политических режимов в стране существовало определённое разделение функций и полномочий между главными мусульманскими общинами. Так, большинство членов правительства страны и партии Баас, обладавшей монополией на политическую и культурно-идеологическую деятельность в государстве, являлись представителями суннитской общины (выходцами как из сельских районов, так и городской верхушки). В правительстве суннитами были все наиболее яркие и известные управленцы - от экономического блока до внешнеполитического. В партии Баас сунниты составляли около 2/3 рядовых членов партии и около 70% членов её Регионального командования. Соответственно, их влияние было определяющим и в сети связанных с партией общественных институтов - профессиональных, крестьянских, молодёжных, женских объединениях, членство в которых предоставляло населению социальные лифты и возможность делать карьеру в госсекторе. Таким образом, данная община являлась ключевой в формировании управленческого класса САР и именно её представители составляли основу государственной машины. Они же являлись основой и бизнес-элиты Сирии, состоявшей в партнёрских отношениях с государственной властью в целом и отдельными её представителями (в основном через систему государственных контрактов, линейку «своих» бизнесменов и созданию союзов с представителями партии, силовых структур и правительства). Выходцы из алавитской общины, в свою очередь, составляли абсолютное большинство

руководителей спецслужб страны и осуществляли, таким образом, контрольно-надзорные функции в отношении как общества, так и прочих, «официальных» органов власти, обеспечивая стабильность существующего режима. При этом их роль была более заметна в периоды кризиса, в спокойные же времена они оставались «в тени»; в последние годы правления Х. Асада и в период довоенного правления Б. Асада власть при решении текущих вопросов развития страны была более склонна опираться на гражданских технократов-специалистов в различных областях. Также, несмотря на свои беспрецедентные возможности оказывать при необходимости давление на любые гражданские институты власти, алавиты-руководители спецслужб не являлись независимой самостоятельной политической силой, будучи целиком зависимы от президента страны. Что касается друзов, то, являясь в доасадовский период важным элементом как военных, так и политических институтов Сирии, представители данной общины в исследуемый период не имели какой-либо «своей» ниши в сирийской государственной системе, однако были традиционно активны (на единичной основе) в партийных структурах и армии, являясь дополнительной опорой существующей в САР власти. Таким образом, система государственной власти в САР в 1970-2010 гг. не подпадает под определение исключительно «алавитской» и характеризуется комплексностью и вовлечённостью основных групп мусульманского населения страны.

2. Экономическая политика правящего режима не обнаруживает какого-либо фаворитизма в отношении алавитских провинций Сирии. Рост благосостояния «алавитского» средиземноморского побережья стал возможен благодаря объективным факторам, таким, как многократный рост внешней торговли, сопровождавшийся масштабным развитием экспортно-импортной инфраструктуры, более благоприятные природно-климатические

условия, способствовавшие более продуктивному и равномерному сельскому хозяйству, а также развитие туризма и сферы услуг в Латакии и Тартусе как единственных приморских провинциях. Друзские области также не пользовались никакой поддержкой правящего режима за исключением развития здравоохранения и образования, однако массовая трудовая миграция вкупе с прочностью семейных и земляческих отношений позволили друзской Сувейде поддерживать удовлетворительные социально-экономические показатели. Суннитские области страны испытали на себе неоднозначное влияние экономической политики властей. Средние и бедные слои суннитских городов центра и северо-востока Сирии были наиболее маргинализированным элементом сирийского общества и не получали в достаточной степени поддержки государства. Суннитская бизнес-элита, напротив, благодаря вовлечению в патронатно-клиентельные сети с государственным аппаратом и ограниченной либерализации была привлечена властью на свою сторону, составив экономическую основу режима в главных городах. Наконец, сельское суннитское население, традиционно самая многочисленная группа суннитов Сирии, пользовалось значительной социально-экономической поддержкой власти при Х. Асаде, однако при Б. Асаде прекращение большинства программ помощи (субсидии, контроль цен, приоритетное развитие здравоохранения и образования) вкупе с неблагоприятными природно-климатическими условиями привели к резкому ухудшению жизненных стандартов суннитских сельских областей страны.

3. Вопреки распространённым убеждениям, режим Х. Асада и Б. Асада пользовался поддержкой не только алавитской общины. Помимо алавитов и друзов, в общем и целом не проявлявших оппозиционных настроений и сохранявших лояльность действующей власти на протяжении всего исследуемого периода (вплоть до настоящего времени), правящие круги

страны состояли в союзнических отношениях с крупной суннитской буржуазией, получавшей от этого экономические преимущества. Также существенной опорой власти Х. Асада выступало (благодаря успешной баасистской политике на селе) и сельское суннитское население (около половины всех суннитов страны). Однако в первом десятилетии XXI в. ухудшение экономического положения сельских суннитов превратило их в серьёзную базу протеста против власти Б. Асада. Напротив, городское суннитское население, как средние, так и бедные его слои, являлись главной опорой оппозиции на протяжении *всего* исследуемого периода: неблагоприятные социально-экономические условия городов и традиционно сильное влияние в них исламистских сил сделали их главной социальной базой радикальных исламистских движений как при Х. Асаде, так и при Б. Асаде.

4. Создав широкую коалицию из различных конфессиональных групп сирийского мусульманского населения (алавитов, друзов, суннитской бизнес-элиты и сельского суннитского населения, не говоря о немусульманских меньшинствах, не рассматриваемых в настоящем исследовании), режим Х. Асада смог сохранить свою власть в стране на протяжении 30 лет. Однако “отпадение” от подобной коалиции сельского суннитского населения при Б. Асаде и его фактический союз с исторически оппозиционными суннитскими городскими слоями под руководством исламистских организаций привели к тому, что текущий внутрисирийский кризис приобрёл масштабы гражданской войны и впервые за последние десятилетия создал угрозу власти семьи Асадов в Сирии.
5. Не менее важные выводы были сделаны и относительно интеграции миноритарных мусульманских общин - алавитов и друзов - в единое сирийское общественное, политическое и культурное пространство. Длительная история внутренней автономии и сложных взаимоотношений с

суннитским большинством препятствовали формированию единой сирийской нации без конфессиональных границ, являвшемуся главной идеологической и культурной целью баасистов. Осознавая необходимость утверждения общесирийской идентичности взамен конфессиональной, правящий режим преследовал цель размывания коммуналистских границ между этими общинами и большинством сирийского населения. Так, наблюдались тенденции секуляризации алавитской общины и восприятия ей баасизма в качестве основополагающей идейной установки. Помимо этого, все конфессиональные алавитские формы самоорганизации подавлялись, а само существование общины и её культурно-историческое своеобразие замалчивались в официальном и публичном дискурсе. Что касается друзской общины, то в исследуемый период был нанесён удар по главным составляющим её автономии и сепаратизма: власти и положения лишилась традиционная феодальная аристократия, полномочия религиозной элиты оказались урезаны, а на общественном уровне все друзские ассоциации и общества за сугубо религиозными рамками не существовали в официальном поле. Подобные меры, в общем и целом, имели успех, так как обе общины были достаточно полно представлены в партийных и военных институтах страны. Вдобавок, ни в исследуемый период, ни с началом в 2011 г. гражданской войны в них не появилось сепаратистского движения и признаков анклавизации и отпадения от государства, столь типичных для компактных общин в периоды внутривосточных кризисов в ближневосточных государствах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Источники

1. Второй национальный доклад по целям развития второго тысячелетия в Сирийской Арабской Республике (التقرير الوطني الثاني لأهداف التنمية للألفية في الجمهورية العربية السورية). Сирийское бюро статистики. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.arab-hdr.org/publications/other/undp/mdgr/syria-nmdgr2-05a.pdf> (дата обращения: 12.11.2018)
2. Количество собственников земли и средний размер земли во владении по провинциям: 1970-1981-1994-2004 гг. (عدد الحائزين الزراعيين ومتوسط حجم الحيازة) Сирийское бюро статистики. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.cbssyr.sy/yearbook/2010/Data-Chapter4/TAB-5-4-2010.htm> (дата обращения: 04.04.2018)
3. Распределение предприятий по провинциям / 2010 г. (توزيع المنشآت حسب) Сирийское бюро статистики. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.cbssyr.sy/economy%20statistics/Foreign%20Investment/2008/FDI1.htm> (дата обращения: 14.12.2018)
4. Средний уровень ежемесячных «расходов на развлечения» домохозяйств по провинциям (городская и сельская местность) (متوسط إنفاق الأسرة الشهري على زمر) / 2009. Сирийское бюро статистики. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.cbssyr.sy/family/family2009/Family15A-2009.htm> (дата обращения: 15.05.2018)
5. Средний уровень осадков по провинциям 1970,1978-2007 гг. (معدلات هطول) - 1978 , 1970 حسب المحافظات (2007 الأمطار حسب المحافظات). Сирийское бюро статистики. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.cbssyr.sy/Time%20Series/farm4.htm> (дата обращения: 20.03.2018)

6. Country Profile: Syria, April 2005. Library of Congress. Сайт Библиотеки Конгресса США. [Electronic resource] Mode of access: <http://www.loc.gov/rr/frd/cs/profiles/Syria.pdf> (дата обращения: 04.03.2018).
7. De Schutter O. UN Special Rapporteur on the Right to Food: Mission to Syria from 29 August to 7 September 2010 – 2014. [Electronic resource]. Mode of access: https://www2.ohchr.org/english/issues/food/docs/SyriaMissionPreliminaryConclusions_07092010.pdf (дата обращения: 11.05.2018)
8. Economic Challenges and Reform Options for Syria: A Growth Diagnostics Report. 2011. The World Bank. [Electronic resource] Mode of access: <http://siteresources.worldbank.org/INTDEBTDEPT/Resources/468980-1218567884549/5289593-1224797529767/5506237-1270144995464/DFSG03SyriaFR.pdf> (дата обращения: 26.10.2018)
9. Khalid Abu-Ismaïl, Ali Abdel-Gadir, Heba El-Laithy. Poverty and Inequality in Syria (1997- 2007). Arab Development Challenges Report Background Paper 2011/15. Портал Программы развития ООН. [Electronic resource] Mode of access: http://www.arabstates.undp.org/content/dam/rbas/doc/poverty/BG_15_Poverty%20and%20Inequality%20in%20Syria_FeB.pdf (дата обращения: 04.03.2018)
10. Syria's Drought Response Plan. 2010. United Nations. [Electronic resource]. Mode of access: https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/2A1DC3EA365E87FB8525760F0051E91A-Full_Report.pdf (дата обращения: 10.05.2018)
11. Syrian Arab Republic Third National MDGs Progress Report. United Nations Development Programme. Портал Программы развития ООН. [Electronic resource] Mode of access: <http://www.undp.org/content/dam/rbas/report/MDGR-2010-En.pdf> (дата обращения: 04.03.2018)

12. Distribution of hospitals, sanitariums and beds, 2006-2010 and by governorate, 2011. Syrian bureau of statistics. [Electronic resource] Mode of access: <http://www.cbssyr.sy/yearbook/2011/Data-Chapter12/TAB-4-12-2011.htm> (дата обращения: 17.09.2017)
13. Goods loaded through Lattakia port 2005 - 2009 (000 .t). Syrian bureau of statistics. [Electronic resource] Mode of access: <http://www.cbssyr.sy/yearbook/2010/Data-Chapter7/TAB-15-7-2010.htm> (дата обращения: 09.03.2018)
14. Goods unloaded through Lattakia port 2005 - 2009 (000.t). Syrian bureau of statistics. [Electronic resource] Mode of access: <http://www.cbssyr.sy/yearbook/2010/Data-Chapter7/TAB-14-7-2010.htm> (дата обращения: 09.03.2018)
15. Goods loaded through Tartous port, 2005-2009 (000 .t). Syrian bureau of statistics. [Electronic resource] Mode of access: <http://www.cbssyr.sy/yearbook/2010/Data-Chapter7/TAB-17-7-2010.htm> (дата обращения: 11.03.2018)
16. Goods unloaded through Tartous port 2005-2009 (000.t). Syrian bureau of statistics. [Electronic resource] Mode of access: <http://www.cbssyr.sy/yearbook/2003/SYR2003E.htm> (дата обращения: 11.03.2018)
17. Hospitals, sanatoriums & beds by Mohafazat 1997-2002. Syrian bureau of statistics. [Electronic resource] Mode of access: <http://www.cbssyr.sy/yearbook/2003/chapter%2012/tab4-%2012.htm> (дата обращения: 19.09.2018)
18. Multidimensional Poverty in Syria. A Comparative Research 2001, 2009. 2014. UNICEF, Syrian Bureau of Statistics. [Electronic resource] Mode of access: http://www.cbssyr.sy/Child_Poverty_Multidimensional/Multidimensional_Poverty_in_Syria_EN.pdf (дата обращения: 10.12.2018)

19. Total of industrial establishments numbers by governorates 2010. Syrian bureau of statistics. [Electronic resource] Mode of access: <http://www.cbssyr.sy/economy%20statistics/economic%201/2010/eco-tabC.htm> (дата обращения: 10.04.2018)
20. Workers distribution (15 years and over) by main economic activity sections, governorates and gender (Urban - rural) / 2006. Syrian Bureau of Statistics. [Electronic resource] Mode of access: <http://cbssyr.sy/work/2006/tab15.htm> (дата обращения: 26.11.2018)

II. Литература

Монографии

21. Ахмедов В. М. Роль исламского фактора в общественно-политическом развитии арабских стран Ближнего Востока и его эволюция в условиях сирийского восстания (90-е гг. XX-начало XXI в.) // М.: Институт Ближнего Востока. 2015. 124 сс.
22. Ахмедов В.М. Сирия при Башаре Асаде. Региональный опыт модернизации в условиях внешней нестабильности. – М.: Институт Востоковедения РАН, 2005. 189 с.
23. Долгов Б.В. Феномен «арабской весны» (2011-2016 гг.) : причины, развитие, перспективы. Тунис, Ливия, Египет, Сирия, Алжир. – М.: ЛЕНАНД, 2016.
24. Матвеев, И. А. Национальная и общеарабская слагаемые политики Сирии на Ближнем Востоке, (1946-2003). Ин-т изучения Израиля и Ближ. Востока // Москва : Ин-т изучения Израиля и Ближ. Востока. 2004. 206 с.
25. Пир-Будагова Э. П. История Сирии, XX век // Москва: ИВ РАН. 2015. –Т. 392.

- 26.Примаков Е. М. Конфиденциально: Ближний Восток на Сцене и за Кулисами // Москва: «Российская газета», 2012 г. 414 с.
- 27.Ходынская-Голенищева М. На правильной стороне истории. Сирийский кризис в контексте становления многополярного мироустройства //М.: Олма Медиа Групп. 2015. 400 с.
- 28.Юрченко В. П. Сирия: проблемы национальной безопасности (военная политика и военное строительство в период правления ПАСВ 1963-2004 гг.) // Москва: Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004. 246 с.
- 29.Aridi N. Focus on Israel: The Druze in Israel. – Israel Information Center, 2002.
- 30.Aston-Ward, A. Assad Regime Resilience During the Syrian Civil War. An Historical Perspective. Harmoon Center for Contemporary Studies, 2017. 30 pp.
- 31.Balanche F. Sectarianism in Syria's Civil War. The Washington Institute for Near East policy. 2018. 134 pp.
- 32.Batatu H. Syria's peasantry, the descendants of its lesser rural notables, and their politics. Princeton University Press, 1999. Xviii, 413 pp.
- 33.Bayram A. Shi'ism in the Middle East. – Lulu.com, 2014. 64 pp.
- 34.Betts R. B. The Druze. Yale University Press, 1990. 192 pp.
- 35.Büchs A. The resilience of authoritarian rule in Syria under Hafez and Bashar Al-Asad. GIGA Working Paper, No. 97, March 2009. 36 pp.
- 36.Firro K. A History of the Druzes. Leiden: E. J. Brill, 1992. 395 pp.
- 37.Firro K. The Druzes in the Jewish state: A brief history. – Brill, 1999. – Vol. 64. 266 pp.
- 38.Friedman Y. The Nusayri–Alawis: An Introduction to the Religion, History and Identity of the Leading Minority in Syria // Islamic History and Civilization, vol.77. Leiden: Brill, 2010. Xxii, 325 pp.
- 39.Goldsmith, L. Unearthing the Alawites: A Political Geography of the Alawite Community of Syria. Sultan Qaboos University, 2007. 64 pp.

40. Haddad B. A. Business networks in Syria: The political economy of authoritarian resilience. Stanford University Press, 2011. 280 pp.
41. Harris W. Lebanon: A History, 600-2011. Oxford University Press, 2014. 360 pp.
42. Hinnebusch R. Syria: Revolution from above. – Routledge, 2004. 195 p.
43. Hinnebusch R. et al. Agriculture and reform in Syria. – University of St Andrews Centre for Syrian Studies, 2011. IX, 114 p.
44. Kerr M., Larkin C. (ed.). The Alawis of Syria: War, faith and politics in the Levant. – Oxford University Press, 2015. 384 pp.
45. Khoury P. S. Syria and the French Mandate: The Politics of Arab Nationalism, 1920-1945. – Princeton University Press, 2014. Vol. 487. 722 pp.
46. King S. J. The new authoritarianism in the Middle East and North Africa. – Indiana University Press, 2009. 288 pp.
47. Khuri F. I. Being a druze. Spotlight Poets, 2004. 295 pp.
48. Kramer M. Syria's Alawis and Shi'ism // Shi'ism, Resistance and Revolution. Westview Press, 1987. 352 pp.
49. Lahoud N., Johns A. H. (ed.). Islam in world politics. – Routledge, 2012. 198 pp.
50. Layish A. Marriage, divorce and succession in the Druze family // Leiden: EJ Brill. – 1982. 474 pp.
51. Lefèvre R. Ashes of Hama: The Muslim Brotherhood in Syria. Oxford University Press, USA. 2013. 288 pp .
52. Longrigg S. H. Syria and Lebanon under French mandate. Octagon Press, Limited, 1972. 404 p.
53. McDowall D. The Kurds of Syria. Kurdish Human Rights Project, 1998. 524 pp.
54. Maoz M., Yaniv A. Syria Under Assad (RLE Syria): Domestic Constraints and Regional Risks. Routledge, 2013. 284 pp.
55. Mardelli B. A. Middle East Perspectives: From Lebanon (1968-1988). iUniverse, 2012. 696 pp.

56. Meri J. Routledge Revivals: Medieval Islamic Civilization (2006): An Encyclopedia-Volume I. – Routledge, 2018. 978 pp.
57. Moubayed S. M. Steel & Silk: Men and Women Who Shaped Syria 1900-2000. – Cune Press, 2006. 621 pp.
58. Nasr V. (2006). The Shia Revival: How Conflicts Within Islam Will Shape the Future. W.W. Norton & Company Inc. 320 pp.
59. Nisan M. Minorities in the Middle East: a history of struggle and self-expression. McFarland, 2015. 351 pp.
60. Perthes V. The political economy of Syria under Asad. – Ib Tauris, 1997. 272 pp.
61. Pierret T. Religion and State in Syria: The Sunni Ulama from Coup to Revolution. – Cambridge University Press, 2013. 296 pp.
62. Rabil R.G. (2006). Syria, The United States, and the War on Terror in the Middle East. Greenwood Publishing Group. 289 pp.
63. Rowe P. S. Routledge Handbook of Minorities in the Middle East. – 2018. 450 pp.
64. Rubin B. The truth about Syria. Macmillan, 2007. 304 pp.
65. Salameh F. Charles Corm: An Intellectual Biography of a Twentieth-Century Lebanese “Young Phoenician”. – Lexington Books, 2015. 250 pp.
66. Schiffrin, H. Z., editors. Military and state in modern Asia. Transaction Publishers, 1974. 319 pp .
67. Seale P. Asad: The struggle for the Middle East. – University of California Press, 1990. 576 pp.
68. Stolleis, F. (ed.). Playing the Sectarian Card - Identities and Affiliations of Local Communities in Syria. Friedrich-Ebert-Stiftung, 2015. 114 pp.
69. Telhami S., Barnett M. N. (ed.). Identity and foreign policy in the Middle East. – Cornell University Press, 2002. 224 pp.
70. Thomas D., Roggema B. (ed.). Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History. Volume 1 (600-900). – Brill, 2009. 960 pp.

71. Van Dam N. The struggle for power in Syria: sectarianism, regionalism and tribalism in politics, 1961-1978. Croom Helm, 1981. 169 pp.
72. Van Dam N. The struggle for power in Syria: politics and society under Asad and the Ba'th Party. I.B. Tauris, 1996. 228 pp.
73. Yildiz K. The Kurds in Syria: the forgotten people. – London : Pluto Press, 2005. 168 pp.
74. Zabad I. Middle Eastern Minorities: The Impact of the Arab Spring. Routledge, 2017. 268 pp.
75. Ziadeh R. Power and policy in Syria: intelligence services, foreign relations and democracy in the modern Middle East. IB Tauris, 2012. 98 pp.
76. Zisser E. Decision Making in Asad's Syria. Washington Institute for Near East Policy, 1998. VIII, 45 pp.

Научные статьи

77. Ахмедов В.М. О роли правящих элит арабских государств в вопросах устойчивости и качества регионального политического порядка (на примере Сирии) // Политическая элита Ближнего Востока/ВМ Ахмедов. М.: ИИИиБВ. – 2000. – С. 18-25.
78. Ахмедов В.М. Роль конфессионального фактора в сирийском урегулировании. Часть 3 // Институт Ближнего Востока. 10.03.2017. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=33188> (дата обращения: 29.11.2018)
79. Долгов Б.В. Башар Асад / Политические портреты деятелей стран Ближнего и Среднего Востока (книга вторая). – М.: МГИМО, 2018. – С.60-76.

80. Наумкин В. В. Глубоко разделенные общества Ближнего и Среднего Востока: конфликтность, насилие, внешнее вмешательство // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2015. – Т. 7. – №. 1. – С. 66-96.
81. Сарабьев А. В. Вопросы межконфессиональных отношений в Сирии, которые могли бы называться новыми, если бы в самом деле таковыми являлись // Религия и общество на Востоке. – 2017. – №. 1. – С. 126-180.
82. Супонина Е.В. Религиозно-философская доктрина друзов : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук : 09.00.03. - Москва, 1995. - 159 с.
83. Abboud S. Locating the “Social” in the Social Market Economy”, in Hinnebusch R., Zintl T. Syria from Reform to Revolt: Political Economy and International Relations. – Syracuse University Press, 2014. Pp. 45-65.
84. Abboud S. Syria’s Business Elite: Between Political Alignment and Hedging Their Bets // Stiftung Wissenschaft und Politik, German Institute for International and Security Affairs, 2013.
85. Abdul Reda A. Framing Political Islam: Syria's Muslim Brotherhood and the 2011 Uprising // American Journal of Islamic Social Sciences. – 2016. – Vol. 61. – №. 137. Pp. 1-22.
86. Al-Tamimi A. J. Looking at Alawites // The Levantine Review. 2012. Vol. 1. №. 2. Pp. 181-199.
87. Bar S. Bashar's Syria: The Regime and its Strategic Worldview // Comparative strategy. 2006. Vol. 25. №. 5. Pp. 353-445.
88. Berzins J. Civil War in Syria: Origins, Dynamics, and Possible Solutions // Strategic Review of National Defence Academy of Latvia. – 2013. – №. 7. 12 pp.
89. De Châtel F. The role of drought and climate change in the Syrian uprising: Untangling the triggers of the revolution // Middle Eastern Studies. – 2014. – Vol. 50. – №. 4. – Pp. 521-535.

90. Drysdale A. The regional equalization of health care and education in Syria since the Ba'thi revolution // International Journal of Middle East Studies. – 1981. – Vol. 13. – №. 1. – pp. 93-111.
91. Eisenstadt M. Who Rules Syria? Bashar al-Asad and the 'Alawi 'Barons,' // Policy Watch. – 2000. – №. 472. [Electronic resource] Mode of access: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/who-rules-syria-bashar-al-asad-and-the-alawi-barons> (дата обращения: 15.06.2018)
92. Faksh M. A. The Alawi Community of Syria: A New Dominant Political Force // Middle Eastern Studies. – 1984. – Vol. 20. – № 2. – pp. 133-153.
93. Fildis A. T. Roots of Alawite-Sunni Rivalry in Syria // Middle East Policy. – 2012. – Vol. 19. – №. 2. – Pp. 148-156.
94. Gambill G. C. Syrian Druze: Toward Defiant Neutrality // Foreign Policy Research Institute. – 2013. [Electronic resource] Mode of access: <https://www.fpri.org/article/2013/03/syrian-druze-toward-defiant-neutrality/> (дата обращения: 15.06.2018)
95. Haddad B. The political economy of Syria: realities and challenges // Middle East Policy. – 2011. – Vol. 18. – №. 2. – Pp. 46-61.
96. Haddad B. The Syrian regime's business backbone // Middle East Report. – 2012. – Vol. 42. – №. 262.
97. Haidar D., de Chatel F. Leaving the Land. Syria Today, 2009. Pp.35–37.
98. Hinnebusch R. The Ba'th Party in Post-Ba'thist Syria: President, Party and the Struggle for 'Reform' // Middle East Critique. 2011. Vol. 20. №. 2. Pp. 109-125.
99. Hodgson M. G. S. Al-Darazî and Hamza in the Origin of the Druze Religion // Journal of the American Oriental Society. – 1962. – Pp. 5-20.
100. Kastrinou, M., Fakher Al-Deen, S., Emery, S. Stateless but Rooted: Resistance, land and landscape in the Occupied Syrian Golan Heights. International Institute of Social Studies (ISS) in The Hague, Netherlands. ERPI 2018 International Conference Authoritarian Populism and the Rural World

- [Electronic resource] Mode of access: https://www.tni.org/files/article-downloads/erpi_cp_71_kastrinou_et_al.pdf (дата обращения: 01.12.2018), p. 9
101. Kilcullen D., Rosenblatt N. The Rise of Syrias Urban Poor: Why the War for Syrias Future Will Be Fought Over the Countrys New Urban Villages. – Caerus Analytics, LLC Fort Lauderdale United States, 2014, pp. 33-42.
 102. Khalaf S. Land Reform and Class Structure in Rural Syria // Syria: Society, Culture, and Polity. – 1991. – Pp. 63-78.
 103. Landis J. Shishakli and the Druzes: integration and intransigence // The Syrian Land: Processes of Integration and Fragmentation in Bilad al-Sham from the 18th to the 20th Century. Stuttgart, 1998. pp. 369-395.
 104. Nasser R., Mehchy Z., Abu Ismail K. Socioeconomic roots and impacts of the Syrian crisis // Syrian Centre for Policy Research. Damascus: Syrian Centre for Policy Research. – 2013. 78 pp.
 105. Pierret T. Sunni Clergy Politics in the Cities of Ba‘thi Syria // Demystifying Syria. Londres : Saqi, 2009. Pp. 70-84
 106. Pipes D. The Alawi capture of power in Syria // Middle Eastern Studies. – 1989. – Vol. 25. – №. 4. – pp. 429-450.
 107. Porat L. The Syrian Muslim Brotherhood and the Asad Regime // Middle East Brief. – 2010. – Vol. 47. – Pp. 2-7.
 108. Raphaeli N. Syria’s fragile economy // Middle East Review of International Affairs. 2007. Vol. 11. №. 2. Pp. 34-51.
 109. Seifan S. The Road to Economic Reform in Syria // Syria Studies. 2010. Vol. 2. №. 3. Pp. 1-79.
 110. Talhamy Y. The Fatwas and the Nusayri/Alawis of Syria // Middle Eastern Studies. – 2010. – Vol. 46. – № 2. – pp. 175-194.
 111. Trivedi D. Primer on the Alawites in Syria // Foreign Policy Research Institute. 01.12.2016. [Electronic resource]. Mode of access:

<https://www.fpri.org/article/2016/12/primer-alawites-syria/> (дата обращения: 19.10.2018)

112. Weismann I. Sa'id Hawwa: the making of a radical Muslim thinker in modern Syria // Middle Eastern Studies. – 1993. – Vol. 29. №. 4. Pp. 601-623.
113. White J., Tabler A. J., Zelin A. Y. Syria's Military Opposition // Washington Institute for Near East Policy for Near East Policy. – 2013. Pp. 1-35.
114. Yaffe G. Suleiman al-Murshid: beginnings of an Alawi leader: In memory of professor Uriel Dann // Middle Eastern Studies. 1993. T. 29. №. 4. C. 624-640.
115. Zambelis C. Syria's Sunnis and the Regime's Resilience // CTC Sentinel. 2015. Vol. 8. Pp. 5-9.
116. Zisser, E. Can Assad's Syria Survive Revolution? // Middle East Quarterly. – 2013. Vol. 20, № 2, pp. 65-71.

III. Статистические и справочные материалы

117. Collelo T., ed. Syria: A Country Study. Washington: GPO for the Library of Congress, 1987. [Electronic resource] Mode of access: <http://countrystudies.us/syria/54.htm> (дата обращения: 09.11.2018)
118. Druze. Encyclopædia Britannica. [Electronic resource] Mode of access: <https://www.britannica.com/topic/Druze> (дата обращения: 24.06.2018)
119. Druze in America. Официальный сайт Американского друзского общества. [Electronic resource] Mode of access: <http://www.americandruze.foundation.org/about-the-druze/american-druze/> (дата обращения: 03.08.2018)
120. From the Heart of the Syrian Crisis: A Report on Islamic Discourse, between a Culture of War and the Establishment of a Culture of Peace. Adyan Foundation, 2015 [Electronic resource] Mode of access: http://www.adyanonline.com/pluginfile.php/4253/mod_resource/content/2/BRR

- [%20-%20EN%20-%20Report%20on%20Islam%20between%20extremism%20and%20peace-building%20in%20Syria.pdf](#) (дата обращения: 16.03.2018),
121. Ilaiwi M. Soil Map of Arab Countries. Soil Map of Syria & Lebanon. Damascus. 1985.
 122. Syria: Minister of Defence. Интернет-портал GlobalSecurity.org. Syria. [Electronic resource] Mode of access: <https://www.globalsecurity.org/military/world/syria/defense.htm> (дата обращения: 09.09.2018)
 123. Port of Lattakia. World Port Source. [Electronic resource] Mode of access: http://www.worldportsource.com/ports/review/SYR_Port_of_Lattakia_2257.php (дата обращения: 09.03.2018)
 124. Prados, A.B., Sharp, J.M. Syria: Political Conditions and Relations with the United States After the Iraq War. 2005 [Electronic resource] Mode of access: <https://fas.org/sgp/crs/mideast/RL32727.pdf> (дата обращения: 12.12.2018), p.6
 125. Statistical Abstract 2003. Chapter Eight: Tourism. Syrian bureau of statistics. [Electronic resource] Mode of access: <http://www.cbssyr.sy/yearbook/2003/SYR2003E.htm> (дата обращения: 19.03.2018)
 126. Statistical Abstract 2011. Chapter Eight: Tourism. Syrian bureau of statistics. [Electronic resource] Mode of access: <http://www.cbssyr.sy/yearbook/2011/SYR-2011-EN.htm> (дата обращения: 20.03.2018)
 127. Statistical Abstract. Damascus, Syrian Central Bureau of Statistics. Damascus, Government press. 1974, 1978, 1994, 1996
 128. Syria - GDP per capita. Интернет-портал Index Mundi [Electronic resource] Mode of access:

- https://www.indexmundi.com/syria/gdp_per_capita_%28ppp%29.html (дата обращения: 13.06.2018)
129. Syria - The Economy // Mongabay.com. [Electronic resource] Mode of access: https://data.mongabay.com/reference/country_studies/syria/ECONOMY.html (дата обращения: 07.07.2018)
130. Syria: Economy. Интернет-портал GlobalSecurity.org. [Electronic resource]. Mode of access: <https://www.globalsecurity.org/military/world/syria/economy.htm> (дата обращения: 09.09.2018)
131. Syria Exports. Trading Economics. [Electronic resource] Mode of access: <https://tradingeconomics.com/syria/exports> (дата обращения: 15.03.2017)
132. Syria Trade Statistics: Annual. CEIC Data. [Electronic resource] Mode of access: <https://www.ceicdata.com/en/syria/trade-statistics-annual> (дата обращения: 15.03.2017)
133. Syrian Arab Republic Wheat Production by Year. Статистический портал Index Mundi. [Electronic resource] Mode of access: <https://www.indexmundi.com/agriculture/?country=sy&commodity=wheat&graph=production> (дата обращения 02.12.2018)
134. Transportation, telecommunications, and construction. The Encyclopedia of the Nations. Syria. [Electronic resource] Mode of access: <http://www.country-data.com/cgi-bin/query/r-13540.html> (дата обращения: 10.03.2018)
135. Von Rabenau B. Report on Local Economic Development in Aleppo. Aleppo Urban Development Project 2010 [Electronic resource] Mode of access: http://www2.giz.de/wbf/4tDx9kw63gma/Rabenau_LED.pdf (дата обращения: 16.10.2018), 170 pp.

IV. Электронные ресурсы

136. Официальный сайт израильского Кнессета. [Электронный ресурс]
Режим доступа: <https://www.knesset.gov.il> (дата обращения: 12.12.2018)
137. Официальный сайт МИД России. [Электронный ресурс]. Режим
доступа: www.mid.ru
138. Официальный сайт сирийской авиакомпании “Cham Wings”.
[Электронный ресурс]. Режим доступа:
<https://chamwings.com/destinations/latakia/> (дата обращения: 19.03.2018)
139. Портал Программы развития ООН. [Электронный ресурс] Режим
доступа: <http://www.undp.org>
140. Портал World Port Source. [Электронный ресурс] Режим доступа:
<http://www.worldportsource.com/index.php>
141. Сирийская армия установила полный контроль над Восточной Гутой // РИА Новости. 12.04.2018 [Электронный ресурс] Режим доступа:
<https://ria.ru/syria/20180412/1518441233.html> (дата обращения: 12.11.2018)
142. Сайт базы данных CEIC Data. [Электронный ресурс] Режим доступа:
<https://www.ceicdata.com/en>
143. Сайт Библиотеки Конгресса США. [Электронный ресурс] Режим
доступа: <https://www.loc.gov>
144. Статистическая он-лайн платформа Trading Economics. [Электронный
ресурс] Режим доступа: <https://tradingeconomics.com>
145. Центральное бюро статистики Сирии. [Электронный ресурс] Режим
доступа: <http://www.cbssyr.sy>
146. Achy L. Syria: Economic hardship feeds social unrest. Los Angeles Times.
// Carnegie Middle East Center. – 2011. [Electronic resource] Mode of access:
<http://carnegie-mec.org/2011/03/31/syria-economic-hardship-feeds-social-unrest-pub-43355> (дата обращения: 09.11.2018)

147. Ballout, M. Hawks in Syrian Opposition Resist Dialogue Initiative // Al-Monitor. 25.02.2013 [Electronic resource] Mode of access: <https://www.al-monitor.com/pulse/politics/2013/02/syrian-coalition-boycotting-conference.html> (дата обращения: 07.07.2018)
148. Batrawy, A. Syria's business elite feel squeeze // Monterey Herald. 17.10.2012 [Electronic resource] Mode of access: <https://www.montereyherald.com/2012/10/17/syrias-business-elite-feel-squeeze/> (дата обращения: 25.04.2018)
149. Belhadj S. The Decline of Syria's Baath Party // Carnegie Middle East Center. – 2012. [Electronic resource] Mode of access: <https://carnegieendowment.org/2012/12/05/decline-of-syria-s-baath-party-pub-50258> (дата обращения: 09.11.2018)
150. Chavez tells Israelis to disobey 'genocidal' govt // 26 September Net. 04.09.2009 [Electronic resource] Mode of access: http://www.26sep.net/news_details.php?lng=english&sid=56858 (дата обращения: 11.11.2018)
151. Chulov, M. Syrian jet fires rocket at Palestinian refugee camp in Damascus // The Guardian. 16.12.2012 [Electronic resource]. Mode of access: <https://www.theguardian.com/world/2012/dec/16/syrian-rocket-palestinian-refugee-camp> (дата обращения: 19.06.2018)
152. Daher, J. Syria: the social origins of the uprising // RLS. 01.07.2018 [Electronic resource]. Mode of access: <https://www.rosalux.de/en/publication/id/39116/syria-the-social-origins-of-the-uprising/> (дата обращения: 21.07.2018)
153. Dagher, S. Assad's not-so-secret weapon: loyal syrian businessmen // The Wall Street Journal. 24.05.2013 [Electronic resource] Mode of access: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424127887323528404578453043883699474> (дата обращения: 06.09.2018)

154. Drought pushing millions into poverty // IRIN News. 09.09.2010. [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.irinnews.org/report/90442/syria-drought-pushing-millions-poverty> (дата обращения: 09.09.2018)
155. El Atrache, T. The Druze in the Syrian Conflict // Syriacomment, 05.09.2016 [Electronic resource] Mode of access: <https://www.joshualandis.com/blog/druze-syrian-conflict-talal-el-atrache/> (дата обращения 08.01.2019)
156. Enders D. Weeks spent with Syrian rebels reveal a force of Sunni Muslim civilians // McClatchy Newspapers. 25.06.2012 [Electronic resource] Mode of access: <https://www.mcclatchydc.com/news/nation-world/world/article24731650.html> (дата обращения: 14.08.2018)
157. Gentry, C. The Minor Sect Ruling Syria: Who are the Alawites? // International Review. 29.12.2017 [Electronic resource] Mode of access: <https://international-review.org/minor-sect-ruling-syria-alawites/> (дата обращения: 14.09.2018)
158. Hamlo, K. Syria's war kills middle class // The Arab Weekly. 06.11.2015 [Electronic resource]. Mode of access: <https://the arabweekly.com/syrias-war-kills-middle-class> (дата обращения: 08.08.2018)
159. Jamil Assad, 71; Uncle of Syrian President Bashar Assad Was in Parliament // Los Angeles Times. 17.12.2004 [Electronic resource]. Mode of access: <http://articles.latimes.com/2004/dec/17/local/me-passings17.1> (дата обращения: 04.08.2018)
160. Karfan & Friend. Myth No. 7: Alawie is still a Religious Sect // Syria Exposed. 28.03.2005. [Electronic resource]. Mode of access: <http://syriaexposed.blogspot.com/2005/03/myth-no-7-alawie-is-still-religious.html> (дата обращения: 04.08.2018)
161. Karim, Z. In Damascus, a general feeling that the war is winding down // The Times of Israel. 02.06.2017 [Electronic resource]. Mode of access:

- <https://www.timesofisrael.com/in-damascus-a-general-feeling-that-the-war-is-winding-down/> (дата обращения: 21.06.2018)
162. Kechichian, J. Farouk Al Shara'a: Affable yet wily diplomat // Gulf News. 25.09.2012. [Electronic resource] Mode of access: <https://gulfnews.com/opinion/op-eds/farouk-al-sharaa-affable-yet-wily-diplomat-1.1065417> (дата обращения: 14.09.2018)
163. Khaddour, K. Local Wars and the Chance for Decentralized Peace in Syria // Carnegie Middle East Centre. 28.03.2017 [Electronic resource] Mode of access: <https://carnegie-mec.org/2017/03/28/local-wars-and-chance-for-decentralized-peace-in-syria-pub-68369> (дата обращения: 24.02.2018)
164. Land A. Assad's Divide and Conquer Strategy Is Working // Foreign Policy. 28.03.2018 [Electronic resource] Mode of access: <https://foreignpolicy.com/2018/03/28/assads-divide-and-conquer-strategy-is-working/> (дата обращения 12.12.2018)
165. Landis Joshua on Syria: What Lies Ahead. [Выступление директора Центра изучения Ближнего Востока Университета Оклахомы Дж. Лэндиса] // YouTube. 30.10.2012. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=g1NgB6GZV8k> (дата обращения: 10.12.2016)
166. Maps comparison: Aleppo city in 2013 vs Aleppo city in 2016 // SouthFront. 27.07.2016 [Electronic resource] Mode of access: <https://southfront.org/map-comparison-aleppo-city-in-2013-vs-aleppo-city-in-2016/> (дата обращения: 02.07.2018)
167. Mohammad Farouk Tayfour // Carnegie Middle East Center. 01.02.2012 [Electronic resource]. Mode of access: <http://carnegie-mec.org/publications/?fa=48371> (дата обращения: 23.03.2018)

168. Nkrumah, G. The crazed caliph // Al-Ahram. 10.12.2009 [Electronic resource]. Mode of access: <http://weekly.ahram.org.eg/Archive/2009/976/cu3.htm> (дата обращения: 24.06.2018)
169. Rebels in Syria's largest city of Aleppo mostly poor, pious and from rural backgrounds. Associated Press. // FOX News. 16.10.2012 [Electronic resource] Mode of access: <https://www.foxnews.com/world/rebels-in-syrias-largest-city-of-aleppo-mostly-poor-pious-and-from-rural-backgrounds> (дата обращения: 06.09.2018)
170. Sachs, S. Assad Patronage Puts a Small Sect on Top in Syria // The New York Times. 22.06.2000. [Electronic resource]. Mode of access: <https://www.nytimes.com/2000/06/22/world/assad-patronage-puts-a-small-sect-on-top-in-syria.html> (дата обращения: 10.08.2018)
171. Skelton, C. The Syrian opposition: who's doing the talking? // The Guardian. 12.07.2012 [Electronic resource] Mode of access: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2012/jul/12/syrian-opposition-doing-the-talking> (дата обращения: 01.11.2018)
172. Slim, R. Where's Syria's business community? // Foreign Policy. 05.08.2011 [Electronic resource] Mode of access: <https://foreignpolicy.com/2011/08/05/wheres-syrias-business-community/> (дата обращения: 04.09.2018)
173. Simpson, M. Under Pressure, Syria Ends Economic Liberalization, Worsening Outlook // The Atlantic. 25.05.2011 [Electronic resource]. Mode of access: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2011/05/under-pressure-syria-ends-economic-liberalization-worsening-outlook/239417/> (дата обращения: 13.05.2018)
174. Slococks, B. Assad's Torture Chiefs // Little Atoms. 15.10.2017. [Electronic resource]. Mode of access: <http://littleatoms.com/assads-torture-chiefs> (дата обращения: 19.10.2018)

175. Solomon, E. Syrians find "massacre" on Homs city street // Reuters. 07.04.2012 [Electronic resource]. Mode of access: <https://www.reuters.com/article/us-syria-bodies-idUSBRE83606V20120407> (дата обращения: 17.10.2018)
176. Sottimano, A. The Syrian Business Elite: Patronage Networks and War Economy // Syria Untold. 24.09.2016 [Electronic resource] Mode of access: <http://syriauntold.com/2016/09/the-syrian-business-elite-patronage-networks-and-war-economy/> (дата обращения: 10.11.2018)
177. Syria gov't forces reclaim Homs neighborhood, Baba Amr, known for its support of opposition groups // CBS News. 26.03.2013 [Electronic resource]. Mode of access: <https://www.cbsnews.com/news/syria-govt-forces-reclaim-homs-neighborhood-baba-amr-known-for-its-support-of-opposition-groups/> (дата обращения: 12.07.2018)
178. Syria Unrest: Maps and Videos of Homs Fighting (as of 5 Mar 2012) // ReliefWeb. 05.03.2012 [Electronic resource]. Mode of access: <https://reliefweb.int/map/syrian-arab-republic/syria-unrest-maps-and-videos-homs-fighting-5-mar-2012> (дата обращения: 08.10.2018)
179. Syria's Real Power Brokers // CBS News. 12.06.2000. [Electronic resource] Mode of access: <https://www.cbsnews.com/news/syrias-real-power-brokers/> (дата обращения: 13.07.2018)
180. Syrian Government Forces Seize Last Rebel Enclave in Homs. Associated Press. // US News. 15.05.2018 [Electronic resource] Mode of access: <https://www.usnews.com/news/world/articles/2018-05-15/syrian-government-forces-seize-last-rebel-enclave-in-homs> (дата обращения: 07.08.2018)
181. Under sectarian surface, Sunni backing props up Assad regime // Syria direct. 20.06.2013 [Electronic resource] Mode of access: <https://syriadirect.org/news/under-sectarian-surface-sunni-backing-props-up-assad-regime/> (дата обращения: 06.09.2018)

182. Who's who in Lebanon // BBC News. 14.03.2005 [Electronic resource]
Mode of access: http://news.bbc.co.uk/2/hi/middle_east/4348129.stm (дата обращения: 23.10.2018)
183. Worth, R.F. The Price of Loyalty in Syria // The New York Times. 19.06.2013 [Electronic resource] Mode of access: <https://www.nytimes.com/2013/06/23/magazine/the-price-of-loyalty-in-syria.html> (дата обращения: 21.03.2018)
184. Wright R. Syrian Intelligence Still in Lebanon // The Washington Post, 27.04.2005 [Electronic resource] Mode of access: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2005/04/26/AR2005042601558.html?noredirect=on> (дата обращения: 08.01.2019)
185. في ذكرى الجلاء:سلطان باشا الأطرش همشه الأسد فهل خذله أبناء معروف (В годовщину смерти Султана-паши аль-Атраша: Асад отстранил его, но оставили ли его друзья?) // Syria-Nass. 18.04.2015 [Electronic resource] Mode of access: <https://syria-nass.com/في-ذكرى-الجلاءسلطان-باشا-الأطرش-همشه-ا/> (дата обращения: 21.12.2017)